

Pemb
W. Gob

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗБРАННЫЙ
СОЧИНЕНИЯ ЛОМОНОСОВА

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРІНА

1887

098301

Типографія А. С. Суворина. Эртельевъ пер., д. 11—2

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 23 МАРТА 1887 г.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

(Родился въ 1712 г. Скончался въ 1765 г.).

I.

Родился Ломоносовъ въ деревнѣ Денисовкѣ, въ просторѣчіи называемой Болото, Куростровской волости, недалеко отъ г. Холмогоръ, Архангельской губерніи. Съверная Двина, чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ становится шире и образуетъ множество протоковъ, рукавовъ и острововъ. Противъ Холмогоръ лежитъ островъ, называющійся Куростровомъ по рѣкѣ Курьей, отдѣляющей его отъ матерой земли. На этомъ островѣ по его низменному песчаному берегу и построилась деревня Денисовка. „Скуденъ видъ окрестностей Денисовки“, говоритъ извѣстный нашъ путешественникъ С. В. Максимовъ („Годъ въ съверѣ“, 2-е изд., Спб. 1865 г.), бывши тамъ въ 1856 г.: „низменный островъ, едва не понимаемый въ полую воду разливомъ Двины, низенькая болотистая кочки, разсыпанныя между деревьями,

которыхъ такъ много на Куроостровѣ; сѣрыя бревенчатыя избы деревень этихъ; кое-гдѣ незначительной высоты холмы, затянутые мхомъ: болотины между этими холмами съ просачивавшейся грязной водой; прибрежья, со всѣхъ сторонъ затянутыя чахлымъ ивнякомъ, изъ-за которого въ одну сторону видны Холмогоры съ своими старинными церквами“, въ другую, на горѣ, село Вавчуги, гдѣ бывалъ Петръ Великій, когда тамъ существовала верфь для постройки судовъ. Вотъ среди какой природы прошли дѣтство и юность Ломоносова. Отецъ его, черносошный крестьянинъ, Василій Дорофѣевъ *), былъ человѣкъ зажиточный; онъ былъ женатъ три раза, въ первый разъ на Еленѣ Ивановой, дочери дьякона селенія Матигоръ, которое видно изъ Денисовки. Отъ этого брака и родился Михаилъ Васильевичъ. Грамотѣ выучился онъ у крестьянина той же волости Ивана Шубнаго, но уже поздно; впрочемъ, 14 лѣтъ онъ писать уже совершенно правильно. Но еще неграмотнымъ и потомъ взрослымъѣздили онъ съ отцемъ на рыбные промыслы въ море, бывалъ въ Архангельскѣ, Соловецкомъ монастырѣ, проѣзжалъ даже до Колы и до 70 градуса въ Сѣверномъ океанѣ. У отца его было судно, оснащенное по европейски и названное Чайкою. На этомъ галіотѣ они иѣздили по Бѣлому морю и океану. Природа сѣверныхъ морей съ ихъ бурями, льдами, сѣверными сіяніями, съ ихъ промыслами, ловлею китовъ и проч., была известна Ломоносову съ самой ранней юности и закалила его

*) Въ ревизскихъ сказкахъ онъ назывался то Василіемъ Дорофѣевымъ, то Василіемъ Федоровыжъ.

характеръ, сдѣлала его отважнымъ и смѣлимъ. Эта же природа будила въ немъ поэтическое чувство, будила любознательность. Ломоносовъ не хотѣлъ жениться, хотя отецъ склонялъ его къ этому. Выучившись грамотѣ, онъ читалъ сначала одиѣ церковныя книги, житія святыхъ, и любилъ рассказывать прочитанное своимъ словами односельчанамъ. Онъ же сдѣлался и лучшимъ чтецомъ въ своей приходской церкви: читалъ онъ разстановочно, пріятнымъ и гибкимъ голосомъ. Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первый разъ въ своей жизни не церковныя книги. То были старинная словенская грамматика и ариѳметика, напечатанная въ Петербургѣ въ царствованіе Петра Великаго для навигатскихъ (мореходныхъ) учениковъ. Ломоносову просьбами и угощеніями Дудинымъ удалось оттягать себѣ эти книги. Онъ вытвърдилъ ихъ наизусть и потомъ называлъ ихъ „вратами“ своей учености.

Когда мать Михаила Ломоносова умерла, отецъ его женился на другой женѣ, которая сильно не взлюбила своего пасынка. Ломоносовъ вспоминаетъ обѣ этомъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову: „имѣлъ отца, хотя по натурѣ доброго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитанаго, и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ“. Есть свѣдѣнія, что на тринадцатомъ году онъ былъ вовлеченъ въ раскольничій беспоповщинскій толкъ, но про-

былъ въ немъ два года и отстранился. Страстное желаніе учиться, невозможность удовлетворить ему на родинѣ, преслѣдованія и наговоры мачихи заставили наконецъ Ломоносова бѣжать въ Москву: это было ближайшее къ ихъ деревнѣ място, гдѣ учили латинскому языку, составлявшему въ то время ключъ ко всякой учености: онъ былъ языкомъ всѣхъ ученыхъ, на немъ же читались лекціи въ европейскихъ университетахъ.

Въ началѣ декабря 1730 г. Ломоносовъ рѣшился покинуть родину. Онъ взялъ паспортъ до сентября 1731 г., выпросилъ у сосѣда своего Єомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ и, не сказавъ своимъ, ушелъ въ путь; дойдя до Сійскаго Антоніева монастыря, по петербургскому тракту, въ ста верстахъ отъ Холмогоръ, онъ остановился въ монастырѣ и сталъ было отправлять въ немъ псаломническую должность; но скоро ушелъ и изъ монастыря, направляясь все на югъ. Встрѣтивъ рыбный обозъ, Ломоносовъ присталь къ нему и пришелъ въ Москву. Въ то время какъ на родинѣ считали его въ бѣгахъ, Ломоносовъ поступилъ въ школу при Сухаревой башнѣ обучаться ариѳметикѣ, но этой науки ему было мало, и онъ пошелъ къ тогдашнему московскому архіерею, объявилъ себя поповскимъ сыномъ и просилъ принять въ Заиконоспасское училище *) для изученія словесно-греко-латинскихъ наукъ. Это было въ

*) Заиконоспасское училище или академія основано при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, который любилъ учение. Помѣщалась она при Заиконоспасскомъ монастырѣ, названномъ такъ потому, что онъ помѣщался за иконнымъ рядомъ.

январѣ 1731 г., когда Ломоносову шель 20-й годъ. Есть извѣстіе, что онъ отправлялъ въ Занконосаскому монастырѣ пономарскую должность. Существованіе свое за время ученья въ этой академіи Ломоносовъ внослѣдствіи самъ признавалъ такимъ, что едва выносить было можно: на день ему выдавалось всего три копѣйки на всѣ расходы; изъ нихъ на одну онъ покупалъ себѣ хлѣба и квасу, остальная же двѣ шли на бумагу, обувь и другія нужды. Его товарищи по школѣ, въ сравненіи съ нимъ еще малые ребята, смѣялись надъ нимъ и, указывая на него пальцами, кричали: „смотрите, какой болванъ, лѣтъ въ двадцать пришелъ латынъ учиться!“ Однако любовь къ знанію помогла ему твердо перенести всѣ эти невзгоды и пересилить искушенія въ видѣ постоянныхъ просьбъ отца вернуться домой къ прежней довольной жизни. Помогать ему въ Москвѣ деньгами сосѣдъ его, куростровецъ Федоръ Пятухинъ, прїѣзжавшій по торговымъ дѣламъ ежегодно въ Москву. Ломоносовъ забралъ у него семь рублей и деньги эти потомъ возвратилъ ему. Ломоносовъ учился очень хорошо. Черезъ полгода перевели его изъ нижняго класса во второй, въ томъ же году изъ второго въ третій. Черезъ годъ послѣ этого онъ на столько зналъ уже латинскій языкъ, что могъ сочинять на немъ небольшіе стихи. По русскому языку памятникомъ его ученическихъ годовъ остались стихи, которые онъ написалъ въ наказаніе за какой-то проступокъ.

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли,

Въ радости запѣли;
Егда стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги;
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

Онъ сталъ затѣмъ учиться по-гречески. Свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ монастырской библіотекѣ, гдѣ съ особеннымъ усердіемъ читалъ сочиненія по математикѣ, физикѣ и філософії. Узнавъ, что въ Кіевѣ эти науки преподавались подробно, Ломоносовъ сталъ просить туда. Его отпустили на годъ, но тамъ ожиданія его не оправдались: вмѣсто основательного изложенія интересовавшихъ его наукъ, въ Кіевѣ онъ нашелъ только „пустыя словоиренія аристотелевой філософії“ и споры профессоровъ о малыхъ богословскихъ вопросахъ. Понятно, это не могло удовлетворить пытливости Ломоносова и онъ вернулся назадъ, не пробывъ въ Кіевѣ и положенного срока. Но библіотеки этихъ школъ, въ Москвѣ и Кіевѣ, послужили Ломоносову: въ священныхъ книгахъ, твореніяхъ св. отцевъ и русскихъ лѣтописяхъ онъ нашелъ для себя много здоровой и свѣжей пищи, благотворно подѣйствовавшей на его умъ и чувство и уяснившей его взглядъ на русскій языкъ.

II.

Въ декабрѣ 1735 г. начальникъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ прислалъ въ Занконоспасское учи-

лице приказаніе отиравитъ въ Академію, въ Петербургѣ, наиболѣе способныхъ семинаристовъ; въ число ихъ попалъ и Ломоносовъ. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ его выѣхѣ съ двумя товарищами, Рейзеромъ и Виноградовымъ, послали въ Марбургъ къ знаменитому философу и естествоиспытателю Вольфу учиться химії и горному дѣлу, а также естественной исторії, физикѣ, математицѣ, механицѣ и языкамъ. Изъ Кронштадта они выѣхали 8 сентября 1737 г. и 3 ноября 1737 г. были па мѣстѣ. Черезъ годъ Ломоносовъ и Виноградовъ уже стали говорить по-нѣмецки. Вольфъ въ отчетахъ своихъ Академіи постоянно даетъ о всѣхъ своихъ ученикахъ очень хорошие отзывы, но при этомъ всегда особенно хвалитъ Ломоносова. Онъ напр. пишетъ: „у г. Ломоносова повидимому самая свѣтлая голова между ними: при хорошемъ прилежаніи онъ могъ бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желаніе учиться“. Жалуется же онъ только на то, что „они, кажется, еще не знаютъ, какъ нужно обращаться съ деньгами и жить бережливо... Деньги, привезенные ими съ собою, они прокутили, не заплативъ того, что слѣдовало, а потомъ, добывъ себѣ кредитъ, надѣлали долговъ“. На второй годъ своего пребыванія въ Марбургѣ, Ломоносовъ уже прислалъ въ Академію донесеніе о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, затѣмъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ по предмету физики и переводъ буколической оды французского писателя Фепелона „Уединеніе“. Переводъ этотъ сдѣланъ четырехстопными хореями съ очевиднымъ подражаніемъ Тредьяковскому, но только

стихи благозвучнѣе виршой послѣдняго, какъ можно видѣть по слѣдующей строфѣ, приводимой буквально:

Горы толь что дерзновенно
Взносите верхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты безпремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чѣмъ пестрить вашъ взоръ весны;
Тучи надо мной гремяющы
Слышу я дожди шумящы
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

Это была первая попытка Ломоносова писать тоническимъ размѣромъ, основаннымъ на правильномъ чередованіи естественныхъ удареній на словахъ. Этотъ размѣръ сдѣлался закономъ русскаго стиха. Въ 1739 г. студенты побѣхали въ Фрейбергъ къ другому, тоже извѣстному ученому, Генкелю, изучать металлургію. Здѣсь Ломоносовъ написалъ свою первую оригинальную оду: „На взятіе русскими турецкой крѣпости Хотина“ (1739 г.). Несомнѣнно, что въ это время онъ сильно увлекался нѣмецкимъ стихотворцемъ Гюнтеромъ, но въ самой одѣ его влияніе этого поэта сказывалось въ степени очень незначительной, гораздо въ меньшей, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. По выраженію Шевырева, Ломоносовъ заимствовалъ отъ Гюнтера только „покрой строфы“. Г. Гrottъ говорить по поводу этого слѣдующее: „Принявъ размѣръ оды Гюнтера (на миръ Австріи съ Турцией въ 1718 г.) и его десятистрочную строфиу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочеганіи риомъ,

Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ виѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничиваются сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдельныхъ мыслей; но она нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода“.

Приложивъ къ своей одѣ составленныя имъ самимъ правила русскаго стихосложенія, Ломоносовъ послалъ ее въ Петербургъ; но тамъ на нее обратили вниманіе позже.

Въ Фрейбергѣ студентамъ жилось не совсѣмъ хорошо: Генкель изъ опасенія, что Академія не заплатить ему за лекціи, задерживалъ у себя деньги, присылаемыя студентамъ; вспыльчивый и невоздержный Ломоносовъ скоро поссорился съ нимъ и уѣхалъ обратно въ Марбургъ, гдѣ и женился на Елисаветѣ Цильхѣ, дочери члена городской думы и церковнаго старосты. Не получая болѣе содержанія отъ Академіи, онъ быстро запутался въ долгахъ и, чтобы не попасть за нихъ въ тюрьму, рѣшился бѣжать въ Голландію, думая оттудаѣхать моремъ въ Россію.

На дорогѣ онъ попалъ въ руки прусскихъ вербовщикъ, которые напали его и записали въ солдаты; когда же на слѣдующій день онъ вздумалъ сопротивляться, то „палка прусского вахмистра запечатлѣла его уста“. Его вмѣстѣ съ другими рекрутами отвезли въ пограничную крѣпость Везель. „Съ этой минуты онъ твердо рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Его провожающіе, казалось, замѣтили въ немъ еще дорогою это желаніе и потому, въ крѣпости Везель, съ самаго начала стали присматривать за нимъ строже, чѣмъ

за прочими рекрутами. Замѣтивъ это, онъ притворился очень довольнымъ, какъ будто онъ получилъ величайшую охоту къ военной службѣ. Къ его счастію, онъ не былъ, какъ большая часть рекрутъ, помѣщены въ городѣ на квартирахъ, но оставался въ караульнѣ, тдѣ долженъ былъ спать на скамейкѣ. Такъ какъ эта караульня находилась близко отъ вала и задпее окно выходило прямо на валъ, то онъ и рѣшилъ воспользоваться этимъ и другими удобствами къ своему предположенному бѣгству, которое онъ черезъ нѣсколько недѣль смѣло предпринялъ и благополучно исполнилъ. Онъ каждый вечеръ заранѣе ложился спать на свою скамейку, такъ что высыпался довольно, когда его товарищи едва только засыпали, и всегда искалъ случая убѣжать. Однажды, проснувшись вскорѣ послѣ полуночи, онъ замѣтилъ, что всѣ прочие спали глубокимъ сномъ; онъ рѣшился съ величайшою осторожностью вылѣзть изъ задняго окна и взобраться на валъ. Тутъ въ темнотѣ онъ поползъ до вала на четверенькахъ, чтобы часовые, разставленные не въ дальнемъ разстоянїи одинъ отъ другого, не могли его замѣтить, спустился въ ровъ, переплылъ черезъ него безъ шуму, взобрался на четверенькахъ на валъ, и опять спустился въ ровъ и переплылъ его; потомъ вскарабкался на контрь-эскарь, перелѣзъ черезъ частоколь и полисадникъ и съ гласиса выбрался въ открытое поле. И такъ самое трудное подъ защитою ночного мрака было благополучно окончено; теперь его спасеніе зависѣло отъ достижения прусской границы; но до нея оставалось болѣе нѣмецкой мили. И вотъ онъ въ мокрой солдатской шинели, повязавъ шею носовымъ платкомъ,

вмѣсто краснаго галстука, собралъ всѣ свои силы, чтобы до разсвѣта достигнуть границы. Едва совершилъ онъ четверть пути, какъ стало уже разсвѣтать, и вскорѣ послѣ того онъ съ трепетомъ услыхалъ съ крѣпости пушечный выстрѣль, обыкновенный сигналъ о бѣжавшемъ дезертире. Этотъ угрожающій звукъ заставилъ его удвоить шаги и онъ побѣжалъ изъ всѣхъ силъ, оглядываясь по временамъ; онъ увидѣлъ даже, хотя въ далекомъ еще разстояніи, кавалериста изъ крѣпости, скачущаго за нимъ во весь опоръ. Но прежде нежели онъ могъ догнать его, нашъ смѣлый бѣглецъ достигъ вестфальской границы и возблагодарилъ Бога за благополучное свое спасеніе отъ прусской власти. Даже и тутъ, въ вестфальской деревнѣ, онъ не рѣшился остановиться, а ишелъ въ ближній лѣсъ, гдѣ въ густотѣ кустарникѣ онъ снялъ съ себя мокрое платье, чтобы высушить его, а самъ между тѣмъ легъ и проспалъ до сумерокъ. Вечеромъ онъ снова пустился въ путь, выдавая себя вездѣ за бѣдного студента. Что съ нимъ было дальше, Ломоносовъ самъ разсказываетъ въ письмѣ къ Шумахеру. Изъ Марбурга я отправился во Франкфуртъ, а потомъ водою въ Роттердамъ и Гагу. Графъ Головинъ (русскій посолъ при голландскомъ дворѣ) совсѣмъ отказалъ мнѣ въ помощи и не хотѣлъ вовсе ввязываться въ дѣло. Затѣмъ я отправился въ Амстердамъ и нашелъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ возвращаться. Они представили мнѣ кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію. Коликую

опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже вспомнить и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше все умолчу. Въ настоящее время (ноябрь 1740 г.) я живу инкогнито въ Марбургѣ у своихъ пріятелей и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химії и физикѣ примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусствами химиками, осмотрѣть ихъ лабораторіи и взглянуть на рудники въ Гиссенѣ и Зигенѣ". До этого письма всѣ разыѣзы Ломоносова оставались тайно не только для Академіи, но и для самого Генкеля, недоумѣвавшаго, „гдѣ бы г. Ломоносовъ могъ находиться въ настоящее время, развѣ нашелъ себѣ убѣжище у г. Вольфа. Соотчили его также не знать ничего о его мѣстоиребываніи".

III.

И такъ Ломоносовъ вернулся въ Марбургъ. Вскорѣ послѣ того къ нему пришло приказаніе отъ Академіи немедленноѣѣхать въ Россію; прислали и денегъ для переѣзда. 8 іюня 1741 г. Ломоносовъ пріѣхалъ въ Петербургъ не прежнимъ студентомъ, а настоящимъ ученымъ, способнымъ вести за собою своихъ соотечественниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ пятилѣтняго пребыванія въ Германіи, Ломоносовъ болѣе половины посвятилъ лекціямъ марбургскихъ профессоровъ, излагавшихъ ему философію, математику, физику, химию и минералогію. Философія, по тогдашнему со-

стоянію этой науки, казалась Ломоносову менѣе привлекательною, чѣмъ изученіе точныхъ наукъ, и потому большую часть времени онъ проводилъ въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ, работая тамъ вмѣстѣ съ своими наставниками и удивляя ихъ своею необыкновенною смѣтливостью.

По прошествіи трехъ лѣтъ, Петербургская Академія, получивъ отъ Вольфа весьма лестные отзывы объ успѣхахъ Ломоносова во всѣхъ наукахъ, послала его, какъ мы видѣли, въ Фрейбергъ, къ Бергарду Генкелю, съ тѣмъ, чтобы онъ занялся подъ его руководствомъ практическою металлургіею и горнымъ дѣломъ.

Генкель почитался однимъ изъ знаменитѣйшихъ металлурговъ своего времени. Замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ наукѣ, онъ раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опыта, и занималъ его по цѣлымъ днямъ въ своей лабораторіи. Въ остальное время, подъ руководствомъ того же профессора, Ломоносовъ посѣщалъ Фрейбергскіе рудники и горные заводы, всегда славившіеся своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Кроме того, онъ самъ, собственными руками, работалъ въ рудникахъ, и черезъ то имѣлъ возможность весьма близко изучить какъ самыя жилы, заключающія руды, такъ и все то, что необходимо для ихъ разработки.

Въ довершеніе Фрейбергскаго курса, Ломоносовъ, по совѣту Генкеля, употребилъ еще иѣсколько времени на обозрѣніе сосѣднихъ Богемскихъ горъ и тамошнихъ горныхъ заводовъ. Возвратившись оттуда, онъ отправилъ въ Петербургскую Академію

подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ въ Фрейбергѣ, и въ заключеніе просилъ дозволить ему побывать еще на Гарцѣ, для окончательного усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ и въ металлургіи.

Разрѣшеніе Ѳхать на Гарцъ пришло Ломоносову въ то время, когда онъ уже возвратился въ Марбургъ. Не получивъ изъ Академіи слѣдующаго ему жалованья, онъ принужденъ былъ отправиться на Гарцъ пѣшкомъ!

Изъ Геттингена онъ прошелъ въ Клаусталь, въ самое средоточіе горныхъ заводовъ на Гарцѣ. Не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Ломоносовъ прямо обратился къ тамошнему metallургу Бергарду Крамеру, и не обманулся въ своихъ надеждахъ. Клаустальскій ученый принялъ его весьма доброжелательно и радушно. На Гарцѣ Ломоносовъ исключительно занялся практикою. Между прочимъ онъ воспользовался сочиненіемъ Крамера, въ это время готовившимся къ печати, *объ искусствѣ раздѣленія металловъ*, и, подъ руководствомъ самого автора, повторилъ практически эту важную часть металлургіи. Дальнѣшими средствами къ усовершенствованію служили ему поездки въ разныя горныя заведенія, которыхъ такъ много на Гарцѣ. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время и Ломоносовъ сопутствовалъ ему. Занятія на Гарцѣ были для Ломоносова уже послѣдними учеными занятіями въ Германіи.

Черезъ полгода по прїездѣ въ Петербургъ и составленіи имъ каталога минералогического музея, его назначили адъюнктомъ химіи при Академіи съ жалованьемъ 360 р. въ годъ. Такого

содержанія при тогдашніхъ цѣнахъ было доста-
точно для безбѣднаго существованія, но Акаде-
мія выдавала его крайне неаккуратно, да еще
притомъ часто не депѣгами, а книгами, которыя
шли конечно ужъ совсѣмъ за безцѣнокъ. Только
черезъ два года Ломоносовъ имѣлъ возможность
выпiscать свою жену и дочь изъ Германіи. Въ
1745 г. за ревностные труды и разныя къ пользѣ
и чести Академіи оказанныя услуги онъ былъ
сдѣланъ профессоромъ химіи съ жалованьемъ въ
660 руб. Въ это время всей Академіей безотчетно
управлялъ нѣмецъ Шумахеръ, академической со-
вѣтицкъ. Забравъ канцелярію въ свои руки, онъ
безнаказанно растрачивалъ казенные суммы, явно
покровительствовалъ нѣмцамъ, назначая нѣмец-
кимъ писцамъ гораздо больше жалованья, чѣмъ
русскимъ переводчикамъ, опредѣляя въ Академію
егеря Фридриха для стрѣлянья птицъ въ Кунст-
камеру съ жалованьемъ въ 200 руб. въ годъ, раз-
давая своимъ родственникамъ лучшія мѣста съ
отличнымъ содержаніемъ и выдумывая для ино-
земцевъ такія должности, какихъ не было ни въ
одной Академіи въ мірѣ. Впослѣдствіи Ломоносовъ
такъ охарактеризовалъ его: „Шумахеръ для при-
веденія профессоровъ въ ессору между собою, при-
биралъ себѣ всегда изъ нихъ по обстоятельствамъ
партию; вооружалъ и ободрялъ молодыхъ профес-
соровъ противъ старыхъ, надобныхъ себѣ привле-
калъ выдачею напередъ или прибавкою жалованья,
а другихъ томлелісмъ, удерживая оное; сегодня
того лаская, кого угнеталъ вчера, перемѣняя,
какъ понадобится; президента же и другихъ знат-
ныхъ особъ улещая то подареніемъ разныхъ книгъ

въ хорошихъ переплетахъ, гридоровальнихъ листовъ, на что многія тысячи истрачены, то дачею оныхъ въ долгъ изъ казенной книжной лавки, которыхъ значительно много пропало... Шумахеру было опасно происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался. Того ради ученіе и содержаніе россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія. Яснѣє сіе понять можно, что Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: я де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. И недавно зять его и имѣнія и дѣль и чуть не Академіи наслѣдникъ, отозвался въ разговорѣ о произведеніи россійскихъ студентовъ: „развѣ де намъ десять Ломоносовыхъ надобно. И одинъ де намъ въ тягость“. Шумахеръ кромѣ того постоянно вмѣшивался и въ ученыя дѣла Академіи, помыкая академиками какъ ему было угодно; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Гмелинъ, Бернулли, должны были даже совсѣмъ выѣхать изъ Россіи, оскорбляемые на каждомъ шагу властолюбивымъ совѣтникомъ академической канцелярії. Ревностнаго себѣ помощника по части закабаленія Академіи онъ нашелъ въ лицѣ Теплова, тоже академического совѣтника, который по порученію тогдашняго президента Академіи гр. К. Разумовскаго написалъ для нея новый уставъ, окончательно отдавшій академиковъ во власть канцеляріи. Приводимъ дѣй остроумныя замѣтки Ломоносова, отлично показывающія, каково

въ самомъ ~~дѣлѣ~~ было значеніе Шумахера и для чего онъ имъ пользовался: „Диво, что въ Академіи нѣть музыки! Ба, да Шумахеръ танцевать не умѣеть”, и еще: „Дивлюсь, что и студентовъ изъ-за моря не вѣльно выписывать”.

Лесть и угодничество, которыми онъ себя окружилъ, презрѣніе къ русскимъ, высокомѣре—все это глубоко возмущало горячаго и часто неукротимаго Ломоносова. Онъ искренно вѣрилъ въ талантливость русской натуры, въ ея восприимчивость ко всему хорошему и способность самостоятельно разрабатывать перенятое, онъ понималъ также, какъ велики естественные богатства Россіи, и зналъ, какъ мало ими пользуются единственно за недостаткомъ умѣлыхъ рукъ; благоденствіе Россіи прямо зависѣло отъ распространенія въ ней знаній. А въ Академіи всѣмъ этимъ интересовались очень мало; даже больше: учрежденіе университетовъ и гимназій лишь на столько обращало на себя вниманіе Шумахера, дававшаго тогда тонъ всему, на сколько онъ могъ помочь осуществленію этихъ плановъ... Спокойно смотрѣть на такое отношение къ интересамъ родины не могъ Ломоносовъ; борьба между нимъ и академическими немцами была неизбѣжна. Онъ сталъ, и подчасъ очень рѣзко, напоминать своимъ сотоварищамъ-немцамъ, что цѣль и назначеніе Академіи поддерживать дѣло русского просвѣщенія, а не служить оброчною статьей Шумахеру и его роднѣ, что она, какъ русское учрежденіе, должна и на самомъ ~~дѣлѣ~~ быть русской. Само собой разумѣется, что Ломоносовъ враждовалъ не противъ тѣхъ дѣйствительно ученыхъ людей, которыхъ иногда Академія

приглашала изъ Европы: онъ враждоваль противъ интриги, противъ того, что иностранцы, оттесняя русскихъ, въ то же время мало занимались дѣломъ.

Нѣмы забили тревогу. Хотя они и сами недолюбливали Шумахера за его самовластіе, но они знали также, что онъ много сдѣлалъ для нѣмецкаго элемента въ Академіи и ради этого многое прощали ему и мирились съ нимъ; тѣмъ легче страхъ за свои оклады заставилъ ихъ забыть свои личные счеты передъ общей опасностью и соединиться въ одну замкнутую касту для борьбы съ дерзкимъ адъюнктомъ. Пошли доносы, интриги, каждую вспышку горячаго нрава Ломоносова, каждую выходку его раздували въ цѣлое преступленіе, въ оскорблениѣ всей Академіи. Много вытерпѣлъ онъ въ первое время: и подъ арестомъ по полугоду сиживалъ, и жалованье ему уменьшали на цѣлую половину, но онъ ни разу не сдался, ни разу не промолчалъ, когда, по его мнѣнію, забывалось достоинство русскаго народа и нужды русскаго просвѣщенія. Положеніе его было тѣмъ болѣе тягостно, что цѣлой кастѣ онъ могъ противопоставить только свои собственныя силы: среди русскихъ выдающихся людей этого времени не было того единенія, которымъ такъ сильна была нѣмецкая партія; при томъ же со многими изъ нихъ онъ былъ въ ссорѣ, а Сумароковъ и Тредьяковскій были его заклятыми врагами. Перваго Ломоносовъ презиралъ за его хвастливость и непомѣрное самолюбіе; Сумарокову было досадно, что всѣ ставили его ниже Ломоносова, и онъ постоянно старался чѣмъ нибудь уколоть, задѣсть его. Такъ, однажды, онъ смѣялся надъ нимъ за то, что въ первой своей **одѣ** онъ употребилъ „быстро“

вмѣсто „быстро“. „Что же“, возразилъ Ломоносовъ, „какъ бы то ни было, быстро или быстрѣ, однако это ничуть не бѣстро и не острѣ“. Въ другой разъ тоже съ желаніемъ подтрунить, Сумароковъ спросилъ его: „ходили-ль на Парнасъ?“ „Ходилъ, да не видалъ тамъ васъ“, отвѣчалъ тотъ быстро. Съ Тредьяковскимъ же Ломоносовъ ссорился потому, что тотъ скорѣе тянулся въ сторону сильныхъ ишонлеменниковъ, чѣмъ въ русскую сторону, и никогда не могъ возвыситься до открытаго признанія заслугъ Ломоносова. Увлекаемый чувствомъ мелкой зависти, Тредьяковскій не остановился даже предъ прямымъ доносомъ: за „Гимпъ бородѣ“, гдѣ Ломоносовъ осмѣивалъ предразсудки старообрядцевъ относительно бороды, онъ его обвинилъ въ кощунствѣ и богохульствѣ. При тогдашихъ порядкахъ такой доносъ могъ кончиться очень плохо для Ломоносова, но на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно и даже черезъ нѣсколько дней онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ академической канцеляріи (1757 г.).

Ради безпристрастія надо сказать, что въ этой ожесточенной борьбѣ онъ нерѣдко увлекался своимъ вспыльчивымъ задорнымъ правомъ, бывалъ иногда не правъ, но его нельзя и винить за это: трудно было передѣлать свою натуру, пріученную съ дѣтства къ тяжелой борьбѣ, пріученную съ боя братъ всякую малость. Не говоря о томъ, что онъ своею плодотворною дѣятельностью съ избыткомъ выкупалъ недостатки своего характера, онъ боролся за такое дѣло, которое касалось просвѣщенія Россіи, ея успѣховъ. Его недруги, зная пылкихъ его нравъ и горячность, умышленно вызывали его на какое

чибудь невзвѣшенное слово, неосмотрительный поступокъ, и, получивъ это, первые же били въ набатъ, спѣшили съ доносами и жалобой на обидчика. Бороться за русское просвѣщеніе противъ иѣмцевъ ему приходилось почти одному, хотя мнѣніе его раздѣляли многіе, даже высокопоставленныя лица. Такъ, въ запискахъ Порошина, воспитателя великаго князя Павла Петровича, подъ 6-мъ октября 1764 года, зачислены слѣдующія замѣчательныя разсужденія гр. Н. И. Панина: „Говориль, что Академія оставлена безъ всякою попеченія, что нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленія его къ академическимъ ученіямъ у насть нѣть, что такія школы для распространенія наукъ необходимо нужны. И въ самомъ дѣлѣ, какая изъ того польза и у разумныхъ людей слава отечеству приобрѣтена быть можетъ, что десять или двадцать человѣкъ иностранцевъ, созванные за великия деньги, будутъ писать на языкѣ, весьма немногимъ извѣстномъ? Еслибъ Крымскій ханъ двойную да гдѣ цѣну и къ себѣ такихъ людей призвалъ, они-бѣ и туда поѣхали и тамъ писать бы стали, а со всѣмъ тѣмъ татары все бы татарами, прежними невѣжами остались. Когда-бѣ приято было настоящее намѣреніе, чтобы распространить у насть науки и художества и просвѣтить гражданъ, то-бѣ подлинно, съ прилежаніемъ надобно о семъ подумать, да такой головѣ подумать, которая сама думать умѣеть, а не такой, которая всюду бредеть, куда волокутъ ее“. То же, въ свою очередь, чувствовали и жившіе въ Россіи иностранцы, даже непричастные Аладеміи, — только

истолковывали они этотъ порядокъ вещей въ смыслѣ противоположномъ вышеприведеннымъ разсужденіямъ.

IV.

Прекраснѣйшей чертой Ломоносова, рѣзко отличавшей его отъ многихъ академиковъ, было непрестанное стремленіе сдѣлать свои знанія полезными для родины, популяризировать науку и разрушать нелѣпые предразсудки тогдашнаго общества! Только наука, только просвѣщеніе могли возвеличить родину. Чтобы расчистить путь просвѣщенію и утвердить его въ Россіи, онъ не жалѣлъ никакихъ усилий, говорилъ рѣчи, писалъ удобопонятнымъ языккомъ разсужденія на научныя темы, призывалъ даже поэзію на помощь, какъ то видно изъ его „Письма о пользѣ стекла“. Нашъ великий поэтъ Пушкинъ справедливо сказалъ о немъ: „между Петромъ I и Екатериной II Ломоносовъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія: онъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“. Дѣйствительно все, что могло быть полезнымъ для Россіи, находило въ немъ ревностнаго защитника, всему этому онъ готовъ былъ служить всѣми силами, всѣми знаніями своими. Онъ не требовалъ указаний и понужденій въ работѣ, но самъ отыскивалъ въ жизни предметы для своихъ „разсужденій“ и „сочиненій“, руководствуясь единственно своимъ пониманіемъ русскаго народа и его потребностей. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, ничто не ускользало отъ его вниманія, все ему было одинаково доступно, начиная съ естественныхъ

наукъ (больше всего онъ любилъ физику и химію) и народнаго хозяйства, и кончая поэзіей и мозаикой; такимъ образомъ онъ одинъ своимъ гениемъ совершилъ работу многихъ талантовъ, возбуждая и разрабатывая вопросы, которые хотя и имѣли огромную важность для Россіи, но какъ-то оставлялись въ пренебреженіи до него; обширная свѣдѣнія и умѣнье стать на настоящую точку зренія во всякомъ вопросѣ спасали его отъ поверхностности и ошибочности выводовъ.

Въ сѣверномъ нашемъ краѣ торговля была совсѣмъ незначительна. Ломоносовъ предложилъ отправить экспедицію для отысканія прохода въ Остъ-Индію вдоль сѣвернаго берега Сибири и составилъ подробный планъ и инструкціи для нея. Однако эта мысль была осуществлена только ужъ послѣ его смерти и экспедиція безъ свѣдущаго руководителя кончилась неудачей. Въ запискахъ объ этой экспедиціи Ломоносовъ обнаружилъ большія знанія и истинно геніальную проницательность. Это же сочиненіе, какъ говорить г. Будиловичъ („Ломоносовъ какъ писатель“), есть самое замѣчательное по языку изъ всѣхъ сочиненій Ломоносова“.

Въ простомъ народѣ была очень велика смертность; производительныя силы страны росли поэтому очень медленно. Ломоносовъ писалъ „Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“, въ которомъ подробно разсмотрѣлъ причины, губящіе народъ (дурныя условія жизни, обычаи, невѣжество), и указалъ мѣры противъ нихъ, очень гуманныя и цѣлесообразныя. Объ этомъ его сочи-

ненії г. Пекарскій пишеть *): „Размноженіе докторовъ и аптекъ, а въ послѣднихъ аптекарей изъ русскихъ (это желаніе Ломоносова, подобно нѣкоторымъ другимъ, какъ известно, остается неосуществимымъ и понынѣ), съ тѣмъ виѣсть уничтоженіе суевѣрнаго леченія волшебствомъ и чародѣйствомъ; искорененіе случаевъ насильственной смерти, дракъ, разбоевъ; возвращеніе множества бѣглыхъ изъ-за границы (даже военною силою); истребленіе раскола посредствомъ распространенія просвѣщенія; призывъ иностраннныхъ поселенцевъ,— таковы предметы, о которыхъ распространялся Ломоносовъ въ своемъ письмѣ. Вообще это произведеніе, поражающее и теперь широкимъ взглядомъ, чуждымъ мелочностей и личностей, затрагиваетъ столько вопросовъ, неразрѣшимыхъ и донынѣ; оно все такъ глубоко проникнуто сознаніемъ правоты того, что высказываетъ здѣсь великий писатель; въ немъ повсюду является такое глубокое знаніе своего народа—и притомъ оно написано такимъ прекраснымъ могучимъ слогомъ, что все это безспорно дѣлаетъ письмо Ломоносова о сохраненії и размноженіи Россійскаго народа однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка“. И. И. Шуваловъ, этотъ образованный вельможа двора Имп. Елизаветы, часто обращался къ нашему ученному за помощью и совѣтомъ въ своихъ просвѣтительныхъ замыслахъ. Въ 1754 г. Ломоносовъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ основаніи Московскаго университета, для котораго имъ же былъ

*) „Исторія Ак. Наукъ“, т. II, стр. 755.

написанъ и уставъ. „Главное мое основаніе“, писалъ онъ Шувалову объ этомъ уставѣ, „весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды“; по его мнѣнію, всего больше нужно было опасаться „сдѣлать скучный и узкій планъ“. При университѣтѣ, состоявшемъ изъ трехъ факультетовъ: юридического, медицинскаго и философскаго, онъ считалъ необходимымъ устроить и гимназію, „безъ которой университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ“. Одновременно съ этимъ подъ его вліяніемъ на Шувалова была учреждена комиссія для сочиненія новаго Академическаго уложенія.

Въ запискѣ, которую Ломоносовъ приготовилъ для подачи въ эту комиссію, замѣчательно его предложеніе отмѣнить существовавшее до той поры запрещеніе учиться при Академіи записаннымъ въ подушный окладъ. „Довольно и того выключенія“, говорить онъ, „чтобы не принимать дѣтей холопскихъ“. Въ 1758 г. ему былъ порученъ надзоръ за всей ученовою и учебною частью въ Академіи, за профессорскимъ собраніемъ, за университетомъ и гимназіей и за географическимъ департаментомъ. Причины такого распоряженія Разумовскаго объяснены самимъ Ломоносовымъ въ его „Исторії Академической Канцелярії“. Ломоносовъ требовалъ выдачи денегъ, опредѣленныхъ на содержание университета и гимназіи, „въ чемъ совсѣмъ Таубертъ много противился, ибо, имѣя казну отъ книжной лавки подъ своимъ вѣдѣніемъ и печатью, съ великимъ затрудненіемъ давалъ на университетъ и гимназію.. Такъ что иногда Ломоносову до слезъ доходило, ибо, видя бѣдныхъ гимназистовъ босыхъ, не могъ выпросить у Тауберта

денегъ, видя, что не на нужныя дѣла употребляетъ. Напримѣръ дочь умершаго давно пунсонщика Купія принесла послѣ отца своего оставшіеся старые инструменты, которые тотчасъ для словолитной за 120 рублей наличныхъ взяты, когда гимназистамъ почти ъсть было нечего. Таковы поступки понудили Ломоносова просить президента чтобы университетъ и гимназія отданы были ему на единственное смотрѣніе и сумму по новому стату на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо съ тѣмъ, чтобы канцелярія (сирѣчь прочие члены *) чинили ему въ томъ всякое вспоможеніе*. Новый стать, о которомъ онъ здѣсь упоминаетъ,—устанъ для петербургскаго университета и гимназіи, незадолго до того написанный имъ по порученію гр. Разумовскаго. Объ утвержденіи его Ломоносовъ сильно хлопоталъ въ это время: „сіе будетъ конецъ моего попеченія объ успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ“, писалъ онъ Шувалову. Послѣ многократныхъ безплодныхъ поѣздокъ его въ Петергофъ, лѣтнюю резиденцію двора, послѣ трехъ лѣтъ неутомимыхъ ходатайствъ и пререканій съ Таубертомъ, непонимавшимъ, „куда дѣться со студентами“, и всячески мѣшавшимъ ему, дѣло казалось было приведено къ вожделѣнному концу: адъюнкту Протасову былъ ужъ посланъ въ Голландію приказъ, не ставиться тамъ въ доктора, а ѿхать для этого въ Петербургъ, какъ вдругъ 25 окт. 1761 г. умираетъ Ими. Елизавета и привилегія Петербургскаго университета остается неподписанной. Впослѣдствіи Ломоносовъ пытался напомнить о

*) Т. е. кромѣ самого Ломоносова.

ней всесильному тогла графу Г. Г. Орлову, но безъ особенного успѣха. Тогда, чтобы хоть нѣсколько сократить приглашенія въ Академію иностранныхъ ученыхъ, онъ предложилъ въ 1764 г. отправить заграницу семерыхъ студентовъ „для производства (академиковъ) собственныхъ, природныхъ и домашнихъ, которые могли бы служить, назадъ не оглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятиемъ абишида, а паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписать невозможно!“ Однако это предложеніе Ломоносова не было исполнено. Такія заботы о родномъ просвѣщеніи не отвлекали его отъ научныхъ и литературныхъ занятій; опыты, диссертациі, оды, трагедіи, торжественные рѣчи шли своимъ чередомъ. Надо замѣтить, что значеніе Ломоносова, какъ ученаго, точно опредѣлилось не такъ давно, когда началп разбирать его диссертациі, когда сдѣлалось очевиднымъ, какъ много и плодотворно онъ работалъ по наукамъ естественнымъ. Въ нихъ ясно выказывается его глубокій умъ, стремившійся къ пониманію предмета во всей его полнотѣ, его геніальная находчивость и проницательность въ объясненіи явлений природы и обширныя свѣдѣнія, въ которыхъ впрочемъ не отказывали ему даже и заклятые враги его. Но и знаменитые современники въ Европѣ цѣнили его: великій математикъ XVIII столѣтія, Эйлеръ, въ письмѣ къ президенту Академіи графу К. Г. Разумовскому отзывался такъ объ ученыхъ трудахъ Ломоносова: „Сочиненія эти не только хороши, но превосходны; въ нихъ разсмотрѣны, неразъясненные и неизвѣстные для величайшихъ

гениевъ, вопросы химії и физики съ такою основательностью, что я совершенно убѣжденъ въ справедливости его объясненій; по этому поводу я долженъ отдать справедливость Ломоносову въ томъ, что онъ обладаетъ самыи замѣчательныи гениемъ для открытія (разъясненія) физическихъ и химическихъ явлений, и было бы желательно, чтобы всѣ академіи были въ состояніи производить открытія подобныя тѣмъ, которыя сдѣлалъ Ломоносовъ". Подобныи отзывы Эйлеръ дѣлалъ объ немъ не разъ. Однажды (въ 1754 г.) въ одномъ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ появилась критика на нѣкоторые ученые труды Ломоносова. Впечатлительный Ломоносовъ жаловался на него Эйлеру, который написалъ ему слѣдующее:

„Несправедливость и тонъ нѣмецкихъ газетчиковъ", такъ выражается знаменитый математикъ, „мнѣ очень хорошо известны и нисколько меня не трогаютъ. Я смѣюсь, видя, какъ они бранятся и унижаютъ прекраснѣшія сочиненія. Безъ сомнѣнія, они думаютъ прославиться, становясь судьями или по крайней мѣрѣ надѣются обмануть незнающихъ, и, говоря решительнымъ тономъ о предметахъ, вовсе имъ незвестныхъ, хотятъ блеснуть мнимою ученостью. Они не разъ называли пустяками самыя серьезныя вещи. По моему мнѣнію, надо пренебрѣгать подобныи статьи; такимъ жалкимъ писакамъ было бы слишкомъ много чести, если бы они увидѣли, что ихъ неправдами оскорбляются". Ломоносовъ напечаталъ это письмо въ возраженіе на критику въ амстердамскомъ журналь, издававшемся на французскомъ языкѣ. Въ этомъ отвѣтѣ очень замѣчательенъ взглядъ Ломоносова на журналы:

Журналы, говорить онъ, могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, если бы издатели были въ состояніи выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля — вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту мацу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ: воля — чтобы, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ истины, никакъ не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположения, не сдѣлали бы этого, еслибы, какъ было ужъ замѣчено, ихъ не подстрекнули къ тому гололѣ и не заставили ихъ судить и толковать о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣть столь дурного сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ труль, его непремѣнно очернить и растерзаетъ, какой нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ". Въ извѣстной степени слова эти вѣрны до сихъ поръ. Ломоносовъ сдѣлалъ бы для науки гораздо больше, еслибы его постоянно не отвлекали отъ нея другія занятія. Онъ былъ приворонимъ поэтомъ, преподавателемъ, совѣтникомъ въ Академіи, онъ долженъ былъ писать стихи на разные случаи, писать трагедіи по заказу, сочинять русскую исторію и проч. и проч. Онъ создавалъ въ Россіи и литературу и науку. Онъ написалъ первую у насъ Металлургію, въ которую вошли и геологія и минералогія. Его Металлургія

служила образцомъ для всѣхъ горныхъ людей. Во время Ломоносова наше горное производство почти единственно ограничивалось горами Уральскими, Олонецкими, Алтайскими и Нерчинскими. Но Ломоносовъ былъ увѣренъ, что и плоскіе губерніи Россіи также должны изобиловать полезными минералами.

Опѣ предлагалъ Сенату, чтобы по всей имперіи вслѣдъ было собирать пески, камни и глины разнаго рода по предлагаемой имъ инструкціи, и въ известномъ количествѣ присыпать въ Петербургъ. Самое собиралие песковъ, камней и глинъ онъ со-вѣтовалъ возложить на крестьянскихъ дѣтей, ко-торыя и безъ того весеннею и лѣтнею порою со-бираютъ ихъ въ большомъ количествѣ для забавы. Эту забаву, по мысли Ломоносова можно было бы обратить въ великую государственную пользу. Собранныя вещи Ломоносовъ бралъ на себя раз-сматривать, промывать, и по нимъ судить, гдѣ у насъ есть какіе либо минералы. Онъ даже обязы-вался обучить минералогіи и пробирному искусству въ одинъ годъ почетныхъ молодыхъ людей, сколько угодно будетъ Сенату поручить ему.

Съ такимъ же безкорыстнымъ предложеніемъ Ломоносовъ входилъ въ Комисариатъ, завѣды-вавшій солянымъ производствомъ въ мѣстахъ, ле-жащихъ между Днѣпромъ и Дономъ, особенно же казенными Бахмутскими и Торецкими заво-дами. Тамошніе соловары не доставляли того ко-личества соли, какое требовалось для южныхъ губерній, и Россія должна была покупать соль изъ Польши, Крыма и Кубанской степи. Ломопосовъ объяснялъ Комисариату, отъ чего зависитъ, что

изъ Бахмутскихъ и Торецкихъ заводовъ не получается требуемаго количества соли.

Многосторонность ума Ломоносова была тѣмъ плодотвориѣе результатами, что она соединялась въ немъ съ необычайнымъ трудолюбиемъ; онъ вѣчно что нибудь изучалъ, сочинялъ, проводилъ и, что тогда было всего важнѣе,—предпринималъ. До него въ Россіи не знали, что такоє статистика или метеорологія; географическій департаментъ, лабораторія, университетъ и гимназія могутъ также считаться дѣломъ его рукъ. Ломоносовъ не переставалъ работать даже и тогда, когда достигъ положенія, въ которомъ могъ спокойно пользоваться плодами своихъ трудовъ. Въ 1753 г. онъ писалъ къ И. И. Шувалову: „Кто по своеї профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говорить публично рѣчи и диссертациіи въ воной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своеѣ языкахъ и исторію своего отечества, отъ того я ничего больше требовать не имѣю“. Позднѣе (1762) въ прошеніи на Высочайшее имя, онъ откровенно перечислялъ свои заслуги. „Состоя на службѣ 31 годъ, обращался въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ приобрѣлъ такое знаніе, что, по свидѣтельству разныхъ Академій и всякихъ ученыхъ людей, принесъ ими знатную славу отечеству; таковыми учениемъ, одами, публичными рѣчами и диссертациями пользовалъ и украшалъ я Академію двадцать лѣтъ; на природномъ языкахъ разнаго рода сочиненіями грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, а также и до вы-

сокихъ наукъ надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль россійскій въ эти двадцать лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая аprobacія *) моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ (т. е. сочиненіяхъ) употребляемыя изъ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служить; присутствуя въ канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста года безъ повышения чина и прибавки жалованья, отправлялъ я должность мою со всякимъ раченіемъ, такъ что гимназія, университетъ и географіческій департаментъ пришли въ много лучшее передъ прежнимъ состояніе". Въ этихъ словахъ нѣтъ и тѣни похвалы. Это правда, которую высказываетъ великий человѣкъ въполномъ сознаніи того, что онъ сдѣлалъ для своей родины.

V.

Его труды по русской словесности и русскому языку оцѣнены были раньше его ученыхъ работъ. Его первая ода говорила такимъ звучнымъ, такимъ небывалымъ стихомъ, что не могла не казаться чѣмъ-то совсѣмъ новымъ. Онъ поистинѣ „отецъ“ новой литературы,

Чтоб чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ
въ Россіи.

Въ русской литературѣ первого сорокалѣтія

*) Т. е. одобрение.

XVIII вѣка господствовали всевозможные „дикія нелѣпости слова“, по выражению Ломоносова: русская литература этого времени не говорила еще русскимъ языкомъ. Ломоносовъ, силою своего генія, далъ ей новый языкъ и съ нимъ вмѣстѣ единство, крѣпость и центръ. До Ломоносова на Руси знали только (славянскую грамматику, т. е. языкъ церковно-славянскихъ книгъ. Ломоносовъ написалъ грамматику русского языка („Россійская Грамматика“), въ которой явился самобытнымъ творцемъ и по которой учились русскому языку многія поколѣнія. Профессоръ Буслаевъ говорить по поводу грамматики Ломоносова слѣдующее:

„Созидая свою Россійскую Грамматику, Ломоносовъ разумѣлъ подъ русскимъ языкомъ не все разнообразіе мѣстныхъ его говоровъ, а ту искусственную смѣсь рѣчи разговорной съ церковно-славянскою, которой броженіе совершалось въ нашей письменности въ теченіе многихъ столѣтій и которой элементы такъ ясно обнаружились, когда съ начала XVIII вѣка гражданскіе интересы потребовали соответственнаго себѣ выраженія, отличающагося отъ архаического стиля церковныхъ писаній. Какъ искусный зодчій, Ломоносовъ прозрѣвалъ въ этой грудѣ невоздѣланыхъ матеріаловъ задатки высокой красоты и величія, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ, въ которыхъ наивность выраженія исчезаетъ передъ искренностью глубокаго самосознанія художника и патріога: „Карлъ Пятый, Римскій Императоръ, говоривъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ — съ друзьями, немецкимъ — съ непріятелями, итальянскимъ — съ женскимъ поломъ говорить прилично.

Но если бы онъ россійскому языку былъ искушенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристопно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе испанского, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языковъ. Меня долговременное въ россійскомъ словѣ упражненіе въ томъ совершенно увѣряетъ⁴. Разлагая литературный языкъ на его составныя части, Ломоносовъ всѣ ихъ приводитъ въ двѣ главныя группы: областныя нарѣчія или, какъ онъ выражается, просторѣчіе — съ одной стороны, и языкъ церковно-славянскій, или, какъ онъ его называетъ, просто славенскій — съ другой. Творецъ Русской Грамматики, какъ кажется, имѣлъ довольно ясное по тому времени понятіе о областныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка и даже намѣревался посвятить имъ отдельное разсужденіе; въ своей Грамматикѣ ссылается на нарѣчіе малорусское, отличая его отъ великорусскаго и даже приводить историческія данныя изъ письменности послѣдняго. Что же касается до языка литературнаго, то въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ провинціальныхъ разнорѣчій онъ отдаетъ предпочтеніе говору Московскому, забывая такимъ образомъ передъ обще-народнымъ дѣломъ свои личныя, мелкія симпатіи холмогорскія. „Московское нарѣчіе,—говорить онъ,—не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отмѣнной красоты прочимъ справедливо предпочтается⁵. Грамматика Ломоносова не только не утратила своего ученаго значенія, но и до сихъ

поръ по частямъ передается въ обученіи новымъ поколѣніямъ по поздаѣйшимъ руководствамъ, для которыхъ выдержки изъ этой книги составляютъ лучшее украшеніе.

„Риторика“ Ломоносова, хотя и основанная на господствующихъ тогда началахъ, имѣть значеніе не только какъ первый опытъ этой науки у насъ, но и отличается строгой послѣдовательностью изложенія, ясностью и точностью выраженія и тѣми примѣрами, которыя принадлежать автору.

„Стихъ Ломоносова“, говорить г. Галаховъ, въ своей „Исторіи русской словесности“, построенный согласно съ его „Письмомъ о правилахъ россійскаго стихотворства“, быть для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ, даже безъ сравненія съ стихотвореніями Кантемира и Тредьяковскаго. Онъ выразителенъ, мужественъ и благозвученъ. И теперь, по истеченіи почти полутораста лѣтъ, многія строфы его одѣ (особенно въ одѣ, выбранной изъ Іова) не потеряли своего достопріятия. Такова, напр., извѣстная строфа о пользѣ наукъ въ одѣ 1747 г.: („Науки юношей питаютъ“) или въ одѣ 1746 г.:

Намъ въ ономъ *) ужасъ казалось,
 Что море въ ярости своей
 Съ предѣлами небесъ сражалось,
 Земля стенала отъ зыбей,
 Что вихри въ вихри ударялись,
 И тучи съ тучами спирались,
 И устремлялся громъ на громъ,
 И что надуты водъ громады

*) Говоится о печальномъ состояніи Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ.

Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Впрочемъ на свою поэтическую дѣятельность Ломоносовъ смотрѣлъ больше какъ на обязанность *), въ силу которой онъ долженъ былъ поставлять оды на высокоторжественные дни, поэтому, въ нихъ мѣста, проникнутыя сильнымъ чувствомъ, попадаются сравнительно рѣдко. Лучше всего у него духовныя оды, написанныя имъ не по долгу службы; въ нихъ—всѣ достопиства поэтическихъ произведеній; изъ похвальныхъ же его одъ болѣе замѣчательна восьмая—гимнъ миру и наукѣ. По предложепію И. И. Шувалова онъ стать писать исторію Россіи, но успѣлъ довести ее только до Ярослава Мудраго. Не имѣя возможности изучить вполнѣ русскую исторію, Л—въ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явлений и проч. Но, явившись въ ней патріотомъ, онъ „иногда изумляетъ блестательнымъ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ и отдѣльными замѣчаніями“. Такъ выразился обѣ его историческомъ трудѣ С. М. Соловьевъ. Миръ искусства тоже не былъ чуждъ этому необыкновенному человѣку: въ маленькомъ имѣнії (40 душъ), пожалованномъ ему Имп. Елизаветой, онъ устроилъ мастерскую, въ которой были приготовлены первыя въ Россіи картины изъ мозаики; составы для цвѣтныхъ стеколъ изобрѣлъ онъ самъ, для чего ему пришлось сдѣлать болѣе двухъ ты-

*) Такого же взгляда держалась и Имп. Елизавета, иначе она не приказывала бы „Ломоносову и Тредьяковскому съ послѣшеніемъ сочинить по трагедіи“.

сять опытовъ. Прежде всѣхъ въ этой мастерской оконченъ бытъ портретъ Петра Великаго.

VI.

Мы уже говорили, что имя Ломоносова стало известно ученымъ въ Европѣ; академіи болонская и стокгольмская (знаменитая въ то время) сдѣлали его своимъ членомъ. Въ Россіи его любили всѣ, кому дороги были успѣхи нашего просвѣщенія, но не всѣ стояли за него, не всѣ ему помогали. Современникамъ своимъ онъ представлялся всего болѣе, какъ поэтъ, и они его называли Пиндаромъ. Его не понимали, какъ ученаго, какъ человѣка, который представлялъ собою цѣлый университетъ. И. И. Шуваловъ былъ его другомъ и вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ оказывалъ ему поддержку въ его борьбѣ, хотя и не такую, на какую онъ имѣлъ всѣ права разсчитывать. Гр. Орловъ тоже относился къ нему съ уваженіемъ. Однако Ломоносовъ не заносилъ у сильныхъ міра сего, какъ Тредьяковскій, не считавшій униженіемъ проползти на четверенькахъ черезъ всю залу къ ногамъ Бирона, держа въ зубахъ хвалебную оду въ честь этого временщика; онъ держался съ своими высокими покровителями свободно, съ глубокимъ сознаніемъ своего значенія и человѣческаго достоинства, которое такъ хорошо выразилось въ его письмѣ къ Шувалову, пытавшемуся ради шутки помирить его съ Сумароковымъ: „не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который далъ мнѣ разумъ, пока

развѣ отниметъ". Однажды Шуваловъ, заспоривъ съ нимъ, сказалъ ему сердито: "Мы отставимъ тебя отъ Академіи!" "Нѣтъ", возразилъ Ломоносовъ, "развѣ Академію отставите отъ меня!"

Въ замѣткахъ академика Штелина, находившагося въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ломоносовымъ, сохранились слѣдующія краткія свѣдѣнія о немъ: „Характеръ его—физической: отличался крѣпостью и почти атлетическою силою; напр., трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье. Образъ жизни—общій плебеймъ. Умственный: исполненъ страсти къ наукѣ, стремленія къ открытіямъ. Нравственный: мужиковатъ; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ".

Въ 1762 г. вступаетъ на престолъ Екатерина, спла Шувалова падаетъ, Ломоносовъ производится за заслуги въ статскіе совѣтники и въ самомъ дѣлѣ отставляется отъ Академіи. Лѣнивый президентъ Академіи графъ Разумовскій, быть можетъ, хотѣлъ пожертвовать имъ, чтобы водворить миръ среди нѣмцевъ. Таубертъ торжествуетъ, академикъ Миллеръ пишетъ своимъ друзьямъ заграницу: „Академія освобождена отъ Ломоносова". Но указъ объ отставкѣ его уничтожается, вѣроятно благодаря гр. Орлову, хотя безъ всякаго ходатайства о томъ Ломоносова. Черезъ десять дней послѣ подписанія указа объ отставкѣ, Екатерина II послала въ сенатъ собственноручную записку: „Естьли указъ о Ломоносова отставкѣ еще не посланъ изъ Сената въ Петербургъ, то сейчасъ его ко мнѣ обратно прислать". Ломоносовъ снова явился, такимъ образомъ, въ Академіи. Черезъ годъ (7 іюня 1764 г.),

въ 4-мъ часу послѣ обѣда, императрица Екатерина II посѣтила домъ Ломоносова, въ сопровожденіи—какъ сказано въ современномъ извѣстіи—знатнѣйшихъ двора своего особь. Здѣсь она „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента вѣчнославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое Высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ. При окончаніи шестаго часа, оказалъ всемилостивѣйшее свое удовольствіе, изволила во дворецъ возвратиться...“

Меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ этого посѣщенія Екатерины, именно 4-го апрѣля 1765 г., на второй день Пасхи, въ полдень Ломоносовъ скончался. Онъ сильно простудился и къ нему возвратилась его старая болѣзнь—болѣзнь ногъ. „За два дня до своей кончины, говорить одинъ изъ современниковъ, онъ причастился и испустилъ духъ во время совершенія надъ нимъ обряда соборованія, послѣ прощенія въ полпомъ разумъ какъ съ своею жею и дочерью, такъ и съ прочими присутствующими“. 8-го апрѣля онъ былъ погребенъ въ Александровской лаврѣ, при огромномъ стеченіи народа. На погребеніи присутствовали петербургскій архіерей, многіе сенаторы и другіе вельможи. На могилѣ его канцлеръ графъ Воронцовъ, высоко уважавшій заслуги его отечеству, воздвигъ мраморный памятникъ Ломоносову. Императоръ Павелъ, въ уваженіе его памяти и полезныхъ знаній, повелѣлъ племянника его, сына сестры, исключить изъ

подушного оклада. При императорѣ Николаѣ поставленъ ему памятникъ въ Архангельскѣ, сооруженный на 45,000 р., собранныхъ по добровольной подпискѣ по всей имперіи.

Незадолго до своей кончины Ломоносовъ говорилъ: „За общую пользу и особливо за утверждение наукъ въ отечествѣ и противъ отца возстать за грѣхъ не поставлю... Я посвятилъ себя къ тому, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоять за нихъ смолода, на старость не покину... Я не тужу о смерти, пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ“. Ему горько было только сознаніе, что всѣ его начинанія могутъ заглохнуть послѣ него: не осталось такого же сильного геніального борца.

Всю свою жизнь онъ велъ борьбу во имя русской чести и славы, за „утвержденіе наукъ въ отечествѣ“, отстаивая горячо каждую пядень русскихъ интересовъ. Когда многіе русскіе при неустановившихся понятіяхъ, при шатаніи изъ стороны въ сторону служили и нашимъ и вашимъ и тщеславились внѣшнимъ европеизмомъ, Ломоносовъ всегда оставался прежде всего патріотомъ, русскимъ, который по образованію своему конечно больше всѣхъ тогдашнихъ русскихъ походилъ на европейца, хотя и не имѣлъ наружного блеска. Это былъ патріотизмъ не дѣланый, не напускной и потому заставлялъ уважать себя. Наша история почти не представляетъ другого болѣе возвышенного бойца, развѣ Петръ одинъ, съ которымъ онъ дѣйствительно имѣть много общаго по громадности своей дѣятельности. Но передъ Петромъ Ломоносовъ имѣлъ

большое преимущество въ глубокомъ знаніи русскаго народа и обширныхъ научныхъ свѣдѣніяхъ, съ такими руководителями онъ сдѣлалъ много, благодаря своей нравственной силѣ и геніальной „упрямкѣ“; но онъ сдѣлалъ бы въ тысячу разъ больше, если бы жилъ въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, если бы не встрѣчалъ на каждомъ шагу мелкихъ интригъ, препятствій и придирокъ и если бы не мѣшали ему и нѣкоторыя черты его характера, сложившіяся при неблагопріятныхъ условіяхъ.

Академикъ Я. К. Гротъ такъ говорить о дѣятельности Ломоносова:

„Изумляясь разностороннему развитію Ломоносова, невольно спрашиваешь себя: какими путями онъ могъ достигнуть его? Для будущаго значенія его было глубоко знаменательно то обстоятельство, что онъ вышелъ изъ крестьянскаго сословія такой мѣстности, гдѣ населеніе сохранило во всей неприкосновенности могучія силы русскаго народа, гдѣ оно и теперь стоитъ по образованію впереди всѣхъ другихъ частей нашего обширнаго отечества. Вопреки обыкновеннымъ теоріямъ воспитанія, геніальной натурѣ Ломоносова не повредило позднее начало книжнаго ученія. Въ первую молодость ему важнѣе были другія двѣ книги, о которыхъ онъ говорить въ одномъ изъ позднѣшихъ своихъ сочиненій: „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одвѣ показалъ свое величество, въ другой—свою волю: первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, вторая — священное писаніе“. Передъ Ломоносовымъ, отъ раннаго дѣтства его, эти двѣ книги были раскрыты: Природа и Церковь были первыми его наставницами. Природа неизглади-

мыми чертами напечатлѣла въ душѣ его образъ своего величія; церковь зажгла въ этой избранной душѣ свѣтильникъ, сопровождавшій Ломоносова до конца жизни въ царствѣ науки, въ которой онъ видѣлъ родную сестру вѣры; но церковь же просвѣтила умъ его первыми познаніями, церковь пѣснопѣніями Давида воспоменила духъ его къ поэзіи, наконецъ церковь же, путемъ Московскаго училища, ввела его въ преддверіе науки. Къ счастію Ломоносова, классическое учение Спасскихъ школъ поставило его на твердую почву европейской цивилизациі: оно положило свою печать на всю его умственную дѣятельность, отразилось на его ясномъ и правильномъ мышленіи, на оконченности всѣхъ трудовъ его. Наконецъ высшій университетскій курсъ изъ области естествовѣдѣнія довершилъ его образованіе. Рожденный въ самую горячую эпоху реформъ Петра Великаго, вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, онъ явился какъ будто для того, чтобы доказать собою, къ чему способенъ русскій, обогащенный плодами европейской науки. Не онъ ли былъ живымъ отрицаніемъ ненавистныхъ Петру Великому *недорослей*? Не онъ ли блестательнѣйшимъ образомъ осуществилъ любимую мысль Петра Великаго объ отправленіи молодыхъ русскихъ за море для окончанія наукъ? Ломоносовъ былъ полнѣйшимъ воплощеніемъ идеи Петра Великаго объ образованномъ русскомъ человѣкѣ: понятно поэтому его благоговѣніе къ Царю-преобразователю. И подобно Петру Великому Ломоносовъ, на всѣхъ путяхъ своего подвижничества, завѣщалъ своимъ соотечественникамъ назидательный примѣръ той неутомимой дѣятельности

и енергії, того упорства въ труде и преислѣдованіи цѣлей, безъ которыхъ ни одна нація, какъ и ни одинъ отдельный человѣкъ, не можетъ достигнуть истиннаго величія въ области духа.

„Двѣ имѣлъ онъ въ виду святыя цѣли, къ которымъ были направлены всѣ его усилія: науку и Россію; имъ посвятилъ онъ весь трудъ, всю борьбу своей жизни; ради ихъ только и во имя ихъ искалъ онъ для самого себя успѣха и независимаго положенія. Не однимъ геніемъ и творчествомъ былъ великъ Ломоносовъ; онъ былъ также великъ своею безграничною любовью къ Россіи, любовью столь горячею, что ей, и только ей одной, уступала даже его любовь къ науке.“

Столѣтняя годовщина дня рожденія знаменитаго писателя прошла незамѣченою; но за то о немъ всиомнили по случаю приближенія ста лѣтъ послѣ кончины его: 4-го апрѣля 1865 г. во многихъ мѣстахъ Россіи отправлялись торжества, посвященные воспоминаніямъ о Ломоносовѣ. Кромѣ обѣдовъ съ рѣчами и стихами, было сдѣлано тогда нѣсколько и полезныхъ дѣлъ: учреждены стипендіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; основано училище въ селеніи, гдѣ родился Ломоносовъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ домъ, въ которомъ онъ родился; установлена премія въ награду за лучшее ученое сочиненіе по наукамъ, которымъ посвящалъ себя нашъ академикъ; объявленъ конкурсъ на составленіе жизнеописаній Ломоносова, одно, которое бы удовлетворяло строгимъ научнымъ требованіямъ, другое, доступное пониманію народа. Наконецъ плодотворнымъ послѣдствиемъ Ломоносовскаго юбилея слѣдуетъ также считать

обнародованіе въ тогдашнее время въ значительномъ количествѣ рукописныхъ источниковъ для его жизнеописанія и вообще появленіе въ печати розысканій о дѣятельности и сочиненіяхъ его.

VII.

Цѣль нашего изданія — дать въ возможно краткомъ видѣ возможно полное понятіе о Ломоносовѣ, какъ о писателѣ; поэтому цѣликомъ у насъ помѣщена только одна самая выдающаяся его ода, именно восьмая; изъ первой и десятой взяты большіе отрывки, а изъ остальныхъ только лучшія мѣста, въ выборѣ которыхъ мы руководствовались указаніями Бѣлинскаго, Переялѣсскаго и К. С. Аксакова *). Многія эпиграммы и мелкія стихотворенія, помѣщенные здѣсь, не были еще напечатаны ни въ одномъ изъ „полныхъ“ собраній сочиненій Ломоносова, хотя они гораздо лучше характеризуютъ его манеру и замѣчательное умѣніе владѣть стихомъ, чѣмъ нѣкоторыя его оды; то же должно сказать и о его превосходныхъ переводахъ изъ Гомера, Горация, Марціала и другихъ поэтовъ, затерянныхъ въ „Риторикѣ“, которую едва ли многіе читали и потому на эти стихотворенія едва ли обращали вниманіе.

Самая полная біографія Ломоносова написана академикомъ Пекарскимъ и составляетъ большую часть тома его „Исторіи Акад. Наукъ“ (т. II, около 750 страницъ). — Къ числу наиболѣе важныхъ материаловъ для біографіи его и дѣятельности слѣдуетъ еще отнести: „Матеріалы для біографіи Ло-

*) „Соч. К. С. Аксакова“, т. II, ст. о Ломоносовѣ.

моносова. Собраны академикомъ Билярскимъ. Спб 1865“. „Сборникъ материаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ“, въ 2 част., сост. акад. Куникомъ; „Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ“, соч. Ламанского (въ „Членіяхъ И. Общ. Ист. и Древн.“ и отдѣльной книгою) и проч. Полный хронологическій указатель сочиненій Ломоносова находится въ 8 т. „Сборника Отдѣл. Русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“, 1872, въ изслѣдованиї г. Будиловича „Ломоносовъ какъ писатель“. Въ томъ же томѣ помѣщены „Материалы ~~для~~ библіографіи литературы о Ломоносовѣ“, сост. С. И. Пономаревымъ. Здѣсь, кромѣ списка сочиненій Ломоносова, указаны тѣ изъ нихъ, которые переведены на иностранные языки и указаны статьи о жизни и сочиненіяхъ Ломоносова, со включенiemъ тѣхъ, которые появились на случай его юбилея; всѣхъ статей и книгъ о Ломоносовѣ перечислено 451. Сочиненія Ломоносова были изданы нѣсколько разъ, но дѣйствительно *полного* собрания сочиненій Ломоносова до сихъ поръ еще не издано.

Жизнь Ломоносова послужила сюжетомъ ~~для~~ романа Кс. Полеваго „М. В. Ломоносовъ“, Спб. 1836 г. 2 ч. Князь А. А. Шаховской напечаталъ отрывки отъ своего романа „Ломоносовъ и Сумароковъ“ („Маякъ“ 1844 г. и „Москвит.“ 1846 г.). Онь же написалъ „Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ“, опера-водевиль въ 3 дѣйств. съ хорами. Спб. 1816 г. Н. Полевой написалъ драму изъ жизни Ломоносова.

Приводимъ списокъ полныхъ оглавлений всѣхъ похвальныхъ одѣ его, которыхъ въ нашемъ изданіи,

для краткости, обозначены только номерами: первая ода, вторая и проч.

1) Блаженныя памяти Государынъ Имп. Аннѣ Ioannovnъ за побѣду надъ турками и татарами и на взятие Хотина, 1739 года.

2) На прибытіе Е. В. Великія Государыни Имп. Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1742 года по коронації.

3) На прибытіе изъ Голстиніи и па день рожденія Е. И. В. Государя В. Кн. Петра Феодоровича, 1742 года февраля 10 дня.

4) На день тезоименитства Е. И. В. Государя В. Кн. Петра Феодоровича 1743 г.

5) На день брачного сочетанія И. И. В. Государя В. Кн. Петра Феодоровича и Государыни В. Кн. Екатерины Алексѣевны, 1745 года.

6) На день восшествія на Всероссійскій престоль Е. В. Государыни Имп. Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, 1746 года.

7) На день рожденія Е. В. Гос. Имп. Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, 1746 года.

8) На день восшествія на Всероссійскій престоль Е. В. Гос. Имп. Елисаветы Петровны 1747 года.

9) На день восшествія на престоль Е. В. Гос. Имп. Елисаветы Петровны, 1748 года.

10) Въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость въ Царскомъ Селѣ, Августа 27 дня 1750 года.

11) На день восшествія на Всероссійскій престоль Е. В. Гос. Имп. Елисаветы Петровны, ноября 25 дня 1752 года.

12) На рожденіе Е. И. В. Гос. Имп. Павла Петровича, сентября 20 дня 1754 года.

13) Е. И. В. Гос. Имп. Елизаветѣ Петровнѣ на день рожденія Ея Величества, декабря 18 дня 1757 года.

14) На день коронаціи Гос. Имп. Елизаветы Петровны, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ Іоганномъ Георгомъ Бокомъ, а на Россійскій переведенная господиномъ Ломоносовымъ 1758 года.

15) На день тезоименитства Гос. Имп. Елизаветы Петровны, сентября 5 дня 1759, и на победы Ея въ семь году, надъ королемъ Пруссіи одержанныя.

16) На день восшествія на Всероссійскій престоль Гос. Имп. Елизаветы Петровны, ноября 25 дня 1761 года.

17) Его Величеству Гос. Имп. Петру Феодоровичу на восшествіе на престоль и купно на новый 1762 годъ.

18) На торжественный день восшествія на Всероссійскій престоль Е. В. Гос. Имп. Екатерины Вторыя, іюня 28 дня 1762 года.

19) На новый 1764 годъ. Е. И. В. Гос. Имп. Екатеринѣ Второй.

Анекдоты изъ жизни Ломоносова.

1. Штелинъ сохранилъ слѣдующій случай съ Ломоносовымъ на возвратномъ пути его въ Россію (въ 1741 г.):

„Дорогою, когда онъ плылъ моремъ въ свое отчество, случилось съ нимъ происшествіе, которое глубоко тронуло его и котораго онъ никогда не могъ забыть. Онъ проснулся послѣ страннаго сновидѣнія, въ которомъ очень ясно видѣлъ своего отца, выброшенаго кораблекрушениемъ и лежащаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ въ Бѣломъ морѣ, не имѣвшемъ имени, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ къ нему прибитъ бурею съ отцемъ своимъ. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ послѣшилъ справиться объ отцѣ своемъ на биржѣ у всѣхъ прибывшихъ изъ Архангельска купцовъ и у холмогорскихъ артельщиковъ, и наконецъ узналъ, что отецъ его отправился на рыбную ловлю еще прошлую осенью и съ тѣхъ поръ не возвращался, а потому и полагаютъ, что съ нимъ случилось несчастіе. Ломоносовъ такъ былъ

пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ прежде своимъ пророческимъ сномъ. Онъ далъ себѣ слово отправиться на родину, отыскать тѣло своего несчастнаго отца на островѣ, извѣстномъ ему съ юности и представившемся теперь ему во снѣ со всѣми подробностями и признаками, и съ честію предать его землѣ. Но такъ какъ занятія его въ Петербургѣ не позволяли ему исполнить это намѣреніе, то онъ съ купцами, возвращавшимися изъ Петербурга на его родину, послалъ письмо къ тамошнимъ роднымъ своимъ, поручилъ своему брату исполнить это предпріятіе на его счетъ, описалъ подробно положеніе острова и просилъ убѣдительно, чтобъ тамошніе рыбаки, отправившись па рыбную ловлю, пристали къ нему, отыскали па немъ тѣло отца его и предали его землѣ. Это было исполнено еще въ то же лѣто: ватага холмогорскихъ рыбаковъ пристала къ этому дикому острову, отыскала мертвое тѣло на описанномъ мѣстѣ, похоронила и взвалила большой камень па могилу. Извѣстіе о совершенномъ исполненіи его желаній, полученное имъ въ слѣдующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой онъ только внослѣдствіи сообщилъ другимъ“.

Само собою разумѣется, что можно вѣрить и не вѣрить этому разсказу Штелина. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о братѣ Ломоносова, между тѣмъ какъ Ломоносовъ въ письмѣ къ Шувалову положительно говорилъ, что онъ былъ у отца одинъ. То же значится и въ ревизской сказкѣ, въ которой противъ имени Василья Федорова Ломоносова, т. е. отца писателя, отмѣчено: „потонулъ въ морѣ“.

741 года⁴. Это случилось въ первой половинѣ того года, такъ какъ со второй—за сына его подушные деньги платились уже изъ мірскихъ крестьянскихъ суммъ.

2. Тимковский, передавая воспоминанія свои обѣ И. И. Шуваловѣ, между прочимъ говоритъ: „Того же времени (т. е. при Елизаветѣ) соперникомъ Ломоносова былъ Сумароковъ. Отъ споровъ и критики о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпического, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такія распри опирались иногда на приносимыя книги съ текстами... Въ спорахъ, чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору бранью; такъ-что онъ (Шуваловъ) высыпалъ ихъ обоихъ, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, говорилъ Шуваловъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчъ обѣ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или, подслушавъ, вѣгаеть съ крикомъ...“ Затѣмъ слѣдуютъ взаимныя пререканія стихотворцевъ. „Но иногда мнѣ, прибавляетъ Шуваловъ, удавалось примирять ихъ, и тогда оба были очень пріятны...“

3. 26-го апрѣля 1743 года, Ломоносовъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, сперва взошелъ, не снимая шляпы, въ комнату академическихъ засѣданій и сдѣлалъ находившемуся тамъ академику Винцензіу непристойный знакъ изъ пальцевъ, а потомъ

отправился въ географический департаментъ, гдѣ между прочими работали бывшіе его товарищи по Московской Духовной школѣ. Здѣсь Ломоносовъ сталъ бранить Винцгейма, говоря: „Я-де календарь и самъ сочиню не хуже его!“ Когда адъюнктъ Трюскоттъ останавливалъ его, то получиль въ отвѣтъ: „ты-де что за человѣкъ? Ты-де адъюнктъ, кто тебя сдѣлалъ? Шумахеръ!... говори со мною по-латыни“. Когда Трюскоттъ отказался отвѣтить, то Ломоносовъ продолжалъ: „ты де дрянь, никуда не годишься и недостойно произведенъ“ и при томъ, по словамъ свидѣтелей, бранилъ Шумахера и воромъ называлъ, и прочихъ господъ профессоръ также бранилъ....“ По показанію Трюскотта, Ломоносовъ вель себя еще неумѣреннѣе, а Винцгейму грозилъ, если только произнесетъ тотъ еще слово одно, поправить всѣ зубы. Объ этомъ случаѣ наряжено было цѣлое слѣдствіе и Ломоносовъ посаженъ на нѣсколько мѣсяцевъ подъ арестъ. Сильно было обидно это Ломоносову и онъ послалъ изъ-подъ ареста прошеніе въ академическую канцелярію такого содержанія: „Подъ арестомъ содержусь я, нижайший, и по сіе число отлученъ будучи отъ наукъ, а особливо отъ сочиненія полезныхъ книгъ и отъ чтенія публичныхъ лекцій. А понеже отъ сего случая не токмо искренняя моя ревность къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, но и то время, въ которое бы я, нижайший, другихъ моимъ учениемъ пользовать могъ, тратится напрасно; и отъ меня никакой пользы отечеству не происходитъ, ибо я, нижайший, находусь отъ сего напраснаго нападенія въ крайнемъ огорченіи“. Академія не вняла этимъ просьбамъ, но

Ломоносовъ говорилъ здѣсь искренно и почти ту же мысль выразилъ въ „Письмѣ о пользѣ стекла“:

Велика сердцу скорбъ лишиться чтенія книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!

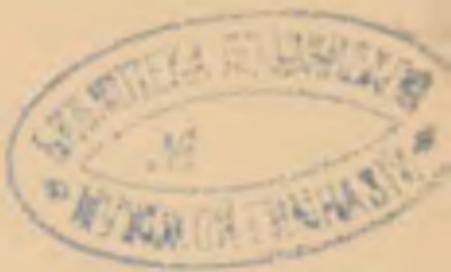
4. Примѣръ необыкновенного присутствія духа и тѣлесной силы Ломоносова. Будучи адъюнктомъ Академіи, жилъ онъ на Васильевскомъ островѣ при химической лабораторіи и мало имѣлъ знакомства съ другими. Однажды, въ прекрасный осенний вечеръ пошелъ онъ одинъ-одинехонекъ гулять къ морю по Большому проспекту Васильевского острова. На возвратномъ пути, когда стало уже смеркаться, и онъ проходилъ лѣсомъ по прорубленному проспекту, выскочили вдругъ изъ кустовъ три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругомъ. Онъ съ величайшою храбростію оборонялся отъ этихъ трехъ разбойниковъ: такъ ударили одного изъ нихъ, что онъ не только не могъ встать, но даже долго не могъ опомниться; другого такъ ударили въ лицо, что онъ весь въ крови изо всѣхъ силъ побѣжалъ въ кусты; а третьяго ему ужъ не трудно было одолѣть; онъ повалилъ его (между тѣмъ, какъ первый, очнувшись, убѣжалъ въ лѣсъ) и, держа его подъ ногами, грозилъ, что тотчасъ же убьетъ его, если не откроетъ онъ ему, какъ зовутъ двухъ другихъ разбойниковъ и что хотѣли они съ нимъ сдѣлать. Этотъ сознался, что они хотѣли только его ограбить и потомъ отпустить. „А, каналья, сказалъ Ломоносовъ, такъ я же тебя ограблю“. И воръ долженъ былъ тотчасъ снять свою куртку, холстинный камзолъ и штаны и связать все это въ

узель своимъ собственнымъ поясомъ. Тутъ Ломоносовъ ударилъ еще полунаагого матроса по ногамъ, такъ что онъ упалъ и едва могъ сдвинуться съ мѣста, а самъ, положивъ на плеча узель, пошелъ домой съ своими трофеями, какъ съ завоеванною добычею, и тотчасъ при свѣжей памяти записалъ имена обоихъ разбойниковъ. На другой день опять объявилъ объ нихъ въ адмиралтействѣ: ихъ немедленно поймали, заключили въ оковы и чрезъ нѣсколько дней прогнали сквозь строй.

5. О Ломоносовѣ есть разсказъ его племянницы, дочери сестры его Марыи Васильевны—Матрены Евсеевны, дѣятельно занимавшейся въ своемъ околодкѣ искусствомъ костоправства. П. Свицнинъ (впрочемъ, не всѣмъ извѣстіямъ этого писателя довѣряютъ люди, знававшие его лично, такъ какъ покойный любилъ прикрасы и преувеличенія въ своихъ рассказахъ), видѣлъ Матрену Евсеевну въ бытность его въ Архангельскѣ въ 1828 г., когда ей было восемьдесятъ лѣтъ. Вотъ что Свицнинъ записалъ какъ слышанное отъ этой старушки, которой, и по его свидѣтельству, измѣняла нѣсколько память: „она съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у дядюшки въ Петербургѣ въ небольшомъ каменномъ домикѣ на берегу грязной Мойки“. Въ особенности словоохотно разсказываетъ она о гостепріимствѣ Михаила Васильевича, когда на широкомъ крыльѣ накрывался дубовый столъ, и сынъ сѣвера пировалъ до поздней ночи съ веселыми земляками своими, приходившими изъ Архангельска на корабляхъ и привозившими ему обыкновенно въ подарокъ моченой

моропки и сельдей. Точно такое же угощение ожидало и прочихъ горожанъ, пріѣзжавшихъ по первому зимнему пути въ Петербургъ съ трескою. Надобно замѣтить, что Матрена Евсеевна играла на сихъ банкетахъ немаловажную роль, ибо, несмотря на молодыя лѣта свои, завѣдывала погребомъ, а потому хлопотъ и бѣготни ей было не мало. Точно также въ жаркіе лѣтніе дни, когда дядюшка, обложеніи книгами и бумагами, писаль съ утра до вечера въ бесѣдкѣ, ей приходилось бѣгать въ западню за пивомъ, ибо дядюшка жаловалъ напитокъ сей прямо со льду. Изъ словъ старушки можно замѣтить, что поэтъ весьма любилъ заниматься на чистомъ воздухѣ: въ лѣтнюю пору онъ почти не выходилъ изъ саду, за коимъ самъ ухаживалъ, прививая и очищая деревья своимъ перочиннымъ ножикомъ, какъ видѣлъ то въ Германії. Сидя въ саду или на крыльцѣ въ китайчатомъ халатѣ, принималъ Ломоносовъ посѣщенія не только приятелей, но и самихъ вельможъ, дорожившихъ славою и достоинствами поэта выше своего гербовника. Чаще же всѣхъ и долѣе всѣхъ изъ нихъ сиживалъ у него знаменитый меценатъ его, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.— Да! Богъ царство небесное этому добруму боярину, присовокупляетъ стаrushка, перекрестясь трижды: мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченной каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся какъ подѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ спитъ Михайло Васильевичъ, а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни. „Бывало, присовокупляетъ Матрена Евсеевна, сердечной мой такъ зачитается да запишется, что дѣ-

лую недѣлю не пьетъ, не ѿстъ ничего, кромѣ мартовскаго съ кускомъ хлѣба и масла". Размышеніе и пылкость воображенія сдѣлали Ломоносова подъ старость чрезвычайно разсѣяннымъ. Онъ нерѣдко во время обѣда вмѣсто пера, которое по школьнай привычкѣ любилъ класть за ухо, клалъ ложку, которою хлебалъ горячее, или утирался своимъ патрикомъ, который снималъ съ себя, когда принимался за щи. Рѣдко, бывало, напишетъ онъ бумагу, чтобы не засыпать ее чернилами вмѣсто песку...

Стихотворенія русскихъ поэтовъ, посвященные Ломоносову.

I. Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ

А. ПУШКИНЪ.

II. М. В. Ломоносову.

(Читано въ день юбилея).

Когда на зовъ Петра отвсюду
Къ намъ иноземцы поекли,
Они дивились словно чуду,
Своей судьбѣ ишли къ намъ, шли
Въ край, полный тайны заповѣдной,
Богатствомъ славный искони,
И такъ ужъ пѣсню побѣдной

Заранѣ тѣшились они:
 „Съ страною варварской сосѣдя,
 Средь вѣчныхъ жили мы заботы;
 Встарь отъ московскаго мелиты
 Намъ въ меченосцахъ быль оилотъ —
 Онъ ихъ сломилъ. Явились шведы —
 Примялъ и ихъ! и вдругъ теперь
 Задумалъ самъ, въ чаду побѣды,
 У насъ учиться добрый звѣрь!
 Исполнимъ мудрую затѣю!
 Дадимъ искусствыхъ воожаковъ,
 Кольцо въ ноздрю, ремень на шею —
 И весь онъ нашъ, гроза лѣсовъ!
 Славянъ учить — намъ трудъ не новый!
 Приняться дружно — и въ конецъ
 Переработаться готовы
 Они на всякий образецъ!
 Лишь только-бъ въ мракѣ ихъ суевѣрій
 Науки нашей лучъ проникъ,
 Стала лѣть не минетъ — эти звѣри
 Забудутъ даже свой языкъ!“
 И вотъ ужъ близко было къ цѣли.
 Скончался Царь. Они стѣной
 На ступеняхъ престола сѣли,
 Какъ надъ забранною страной.
 Сыны бояръ, едва, какъ дѣти,
 Прозрѣвъ науки чудеса,
 Покорно падали въ ихъ сѣти.
 Народъ — бѣжалъ въ свои лѣса.
 И средь безмолвія и страха,
 Средь казней, пытокъ и опаль,
 Ужъ на корону Мономаха

Курляндецъ *) дерзкій посягалъ...
 Торжествовалъ германскій геній,
 Мечтая съ лавромъ на челѣ,
 Какъ посреди своихъ владѣній,
 Чуть не по всей пропадти землѣ,
 А насть, осиленныхъ безъ бою,
 Влачить какъ плѣнныхъ дикарей,
 Со всей славянскою семьею,
 За колесницею своей...
 Но Богъ, изведшій Русь изъ плѣна
 Отъ агарянъ, не попустилъ,
 Чтобъ извела ее измѣна,
 И гнѣвъ на милость преложилъ.
 Избралъ единаго отъ малыхъ,
 Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
 Въ сіяньѣ звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,
 Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.
 И, повелѣвъ оставить сѣти,
 Повелъ его изъ града въ градъ,
 Чтобъ Русь позналъ отъ темной клѣти
 До свѣтлыхъ княжескихъ налать.
 Повелъ его на Западъ славный,
 Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ
 Все откровенное издавна
 Великимъ избраннымъ мужамъ,
 Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
 Свѣтильникъ свои онъ воспалилъ
 И, высоко держа во длані,
 Весь край родной имъ озарилъ.
 Хвала послушавшему Бога,
 За нимъ пошедшему къ борьбѣ

*) Биронъ.

Въ путь славныхъ дѣлъ, по скорби многой,
 О чудный мужъ, хвала тебѣ!
 Передъ коварными врагами
 Стоялъ ты — крѣпкій подъ грозой,
 Какъ дубъ съ глубокими корнями,
 Утесъ, увѣнчанный зарей!
 Стоялъ одинъ — съ челомъ открытымъ,
 Съ орлинымъ взглядомъ, какъ глядѣлъ,
 На ономъ морѣ Ледовитомъ,
 На чудеса Господнихъ дѣлъ!
 Стоялъ, презрѣвъ всю скорбь и муки,
 И, вѣрный Богу своему,
 Упорно требовалъ въ наукѣ
 Гражданства русскому уму!
 „Мои труды вотице не канутъ“,
 Ты говорилъ. „По всей странѣ
 Сыны россійскіе вспомянутъ
 И пожалѣютъ обо мнѣ!“
 И — день насталъ! И — просвѣтленный —
 Теперь изъ пыли вѣковой,
 Передъ Россіей обновленной,
 Возникъ могучій образъ твой.
 Ужъ мы теперь — твое потомство!
 Межъ нась — столѣтье! Много бѣдъ,
 Измѣнъ, ошибокъ, вѣроломства,
 Россія вынесла въ сто лѣтъ.
 Въ ней пришлый духъ неотразимо
 Торжествовалъ и былъ могучъ;
 Но ты питалъ ее незримо,
 Какъ подъ землей журчащей ключъ.
 Твою ревностью согрѣты,
 Подвиглись многіе съ тобой!
 Ты свѣтлыхъ дѣлъ Елизаветы

Быть животворною душой;
 Ты—далъ пѣвца Екатеринѣ,
 Всецѣло жилъ въ ея орлахъ,
 И отблескъ твой горить и нынѣ
 На лучшихъ русскихъ именахъ!
 И не твоимъ далекимъ внукамъ
 Твой горькій вопль произнести —
 „Что, видно, не далъ Богъ наукамъ
 Въ земляхъ россійскихъ возрости“:
 Съ Царемъ, съ которымъ у народа
 Едино сердце, духъ единъ —
 Откуда-бъ къ намъ ни шла невзгода, —
 Не дрогнетъ русскій исполнить!
 Даруя подданнымъ свободу,
 Онъ къ свѣту, властною рукой,
 Широкій путь открылъ народу,
 Путь, уготованный тобои!

А. Н. МАЙКОВЪ.

III. Памяти М. В. Ломоносова.

(Читано въ день юбилея).

Когда, по манію царя,
 Давно ужъ Русь преобразилась,
 И новой силой ополчилась,
 И на далекія моря
 Простерла власть своей державы.
 И, въ новомъ блескѣ бранной славы
 Народамъ Запада представъ,
 Свои права стяжала съ бою,
 И стала твердою стопою

Средь сонма западныхъ державъ,—
 Въ тѣ дни, славна на полѣ брани,
 Грозна могучей силой длані,
 Преображеная страна,
 Забравъ себѣ полсвѣта въ руки,
 Была слаба, была бѣдна
 На мирномъ поприщѣ науки,
 И, мощно двигая судьбой
 Царей и царствъ на ратномъ полѣ,
 Сама влачилася рабої
 У нѣмца Бирона въ неволѣ:
 Давно ужъ спалъ въ землѣ сырой
 Полтавы царственный герой;
 Давно въ рукахъ пришельцевъ темныхъ
 Своихъ враговъ—враговъ наемныхъ,
 Томилася Русь—стеналь народъ,
 Почуявъ рабства тяжкій гнетъ;
 Изнемогаль въ борьбѣ безплодной,
 Слабѣль и падаль духъ народный,
 И спалъ во мракѣ русскій умъ,
 Не озаренъ лучемъ науки,
 И словъ иношлеменныхъ звуки
 Вторгались въ область русскихъ думъ,
 И нашу рѣчь заполовили,
 И чуждымъ складомъ и умомъ,
 Какъ рабства низкаго тавромъ,
 Языкъ нашъ гордыи заклеймили,
 И гибнуль, гибнуль нашъ языкъ,
 Съ нимъ гибла русская свобода...
 Но гений русскаго народа
 Живучъ и бодръ, и Богъ великъ!
 Нашъ Богъ великъ: уже въ то время,
 Когда пришельцевъ алчныхъ племя,

По вольной прихоти своей,
 Россію грабило, терзало
 И на сыновъ ея взирало,
 Какъ на безмозглыхъ дикарей,
 Когда на плахѣ погибали
 Всѣ тѣ, кто голосъ возвышали
 За свой униженный народъ,
 И каждый русскій пагріотъ
 Былъ жертвой козней и доносовъ,—
 Мужикъ Михайло Ломоносовъ
 Явился міру „доказать,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ
 И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
 Россійская земля рождать“ *).
 И доказалъ. И сталъ высоко
 Средь мудрыхъ міра всѣхъ временъ
 И русскій умъ на путь широкій—
 Изъ жизни духа одинокой—
 На путь всемірный вывелъ онъ:
 И то, чего не совершила
 Державной воли власть и сила—
 Монарха грознаго рука,—
 То совершилъ иною властью,
 Горя къ наукѣ чистой страстью,
 Сынъ вдохновенный рыбака.
 Призвалъ онъ къ жизни—жизни новой
 И духъ, и плоть родного слова,
 Его онъ таинства постигъ,
 Постигъ его святые звуки;
 Нашъ невоздѣланый языкъ
 Въ горнилѣ западной науки

*) Стихи Ломоносова.

Онъ въ формы русскія отлиль—
 Въ рудѣ песчаной отдѣлиль
 Стихію чистаго металла,
 И въ пламѣ русскаго закала
 Ее навѣки закалиль
 И силой творческаго чувства
 Уставамъ строгаго искусства
 Онъ рѣчъ роднуу покорилъ,—
 И слухъ согражданъ изумилъ
 Ея гармоніей пѣвучей
 И дивной прелестью созвучій,
 И первый создалъ намъ изъ нихъ
 Нашъ величавый, нашъ могучій,
 Нашъ громозвучный русскій стихъ.
 Пошлемъ же мы привѣтъ сердечный
 И благодарны будемъ вѣчно
 Той темной, низменной средѣ,
 Средѣ, откуда намъ явился
 Науки новой первый свѣтъ,
 Гдѣ крѣпкой мыслю сложился
 Ума народнаго атлетъ!
 Пусть наши дѣти, наши внуки
 На почвѣ западной науки
 Ея роскошные плоды
 Рукой усердною собираютъ,
 Но умъ и духъ свои восполняютъ
 Умомъ и духомъ той среды,
 Гдѣ тверды, какъ во дни былые,
 Отцевъ обычай святые,
 Гдѣ чистъ, какъ древле, нашъ языкъ,
 Откуда бѣть струей свободной
 И думъ, и пѣсенъ самородный,
 Неисчерпаемый родникъ.

IV. Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ.

Дружно артель рыбаковъ боролася съ Сѣвернымъ моремъ—
 Съ моремъ, гдѣ зимняго льда неслись еще горы.—
Весна,
 Щурясь, глядѣла чуть-чуть сквозь тальникъ и при-
 низистый ельникъ.
 Кое-гдѣ мурава прошибалась на тундрахъ.—Олени
 Лѣсомъ бѣгучимъ, рогастымъ, носились по тун-
 драмъ...
 Ловить артель рыбаковъ и моржей и тюленей, ды-
 вуясь
 Какъ изъ поздреи своихъ китъ мечеть высоко, на
 воздухъ,
 Башнями влагу.—*Ночь*—звѣзды, горящія жаромъ,
 Въ морѣ холодномъ купаетъ.—При этомъ, на мши-
 стомъ прилавкѣ,
 Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ ду-
 маєть думу:
 „Какъ это, Господи Боже! откуда взялося все это?!”
 „Солнце идетъ и заходитъ! — Збri, въ свой часъ зажигаютъ
 „Алыхъ свѣчи свои! — Въ морѣ лавины трещать
 „И громадами къ берегу бьются. Кто это все такъ устроилъ?—
 „Какъ бы хотѣлъ я узнать о порядкахъ земныхъ и небесныхъ!
 „Господи Боже! Недаромъ положилъ ты мнѣ въ дѣтское сердце

„Кажду въдатъ и знать, изслѣдить, изучить и разумно,
 „Опытнымъ глазомъ, глядѣть на людей и на чудный
 твой міръ поднебесны!“
 Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулуپъ такъ
 у моря думалъ
 И про себя говорилъ: „на Москвѣ есть колодезь,
 сказали,
 „Чудной какой-то воды... выпьешь и вдругъ предъ
 тобою
 „Вскроется все!—Небеса тайны повѣдаютъ; *книги*
 „Прошлыхъ вѣковъ разогнутся; — а вѣдь все отъ
 воды той предивной.
 „Воду же дѣдушка ту называлъ мнѣ наукой.
 „Что жъ?—Была не была! — побѣгу я туда за обозомъ!...“

* * *

Быть докладъ, на Москвѣ, отцу Ректору въ Академіи:
 „Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупъ
 явился и проситъ,
 „Просить и молится слезно принять его въ классы
 учащихся.
 „Ницій пе проситъ такъ хлѣба, какъ онъ просить
 науки и знанья“.—
 Принять!—Вошелъ онъ туда—мальчикъ въ лаптяхъ
 и въ тулупѣ.—
 Вышелъ оттуда ужъ музъ въ сапогахъ и въ почетномъ кафтанѣ!—

* * *

Гдѣ-то въ прусской землѣ, рядовые сидѣли и шили:
Говорѣлъ о войнѣ съ турками русскихъ, при

Аннѣ.

Вдругъ одинъ, между нихъ, выглянулъ истымъ про-
рокомъ:

Шапка слетѣла съ лица — и чело высоко поднялося,
Дивнымъ огнемъ загорѣлись голубые лучистыя очи,
Русская кровь разыгралась и запѣла Всероссійскій
пінта:

„Восторгъ внезапный умъ пленилъ
„Ведеть на верхъ горы высокой,
„Гдѣ вѣтромъ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
„Въ долинѣ типина — глубокой!.....”

— „Что за чудныя вирши?! — Что за ода? — Откуда?
„Кто онъ? — Откуду взялъ и слова и размѣры?!

— Все такъ ново!... Музыка ухо ласкаетъ, и къ сердцу
„Теплой струею бѣжитъ! — Строки, какъ вѣщія

струны,

„Дивно звучать и поютъ намъ высокія Русскія
пѣсни!”

Такъ при дворѣ говорили въ шитыхъ кафтанахъ
вельможи.—

Было то на пиру, въ золоченномъ дворцѣ у Царицы,
Въ шитомъ кафтанѣ сидѣлъ мужъ именитый съ
высокимъ,
яснымъ челомъ, и о немъ говорили съ почтенiemъ
другъ другу:

„Се нашъ пінта, філософъ, хімикъ, художникъ,—
создатель

„Новоагостиля!“—А этотъ хімикъ, художникъ, пінта
Тотъ же знакомый намъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ
нагольномъ тулупѣ!—

* * *

Вотъ и сто лѣтъ ужъ прошло! И сто лѣтъ говорятъ:

„Славой россовъ“

Неоспорно и есть и пребудеть,—наша честь,—
Михаиль Ломоносовъ!“—

— Посмотрите же вѣсъ, у кого бьется русское, честное сердце,

Кто теперь мальчикъ въ лаптяхъ и въ смиренномъ нагольномъ тулупѣ?—

Кто же какъ не наша Святая Русь! — Милліоны проснулись!

Говоръ сплошной повсюду: Свята и Свята всѣ просять!...

Просять воды животворной! Много даровъ и даяній Богъ-Господь въ затулупную пазуху русскимъ;

Сердцу далъ много тепла; головѣ же и толкѣ и смысленость!

Намъ предлежитъ все развить и, развивъ, такъ разумно устроить,

Чтобъ нашъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ на-

гольномъ вдругъ, прямо и бодро

Сталъ межъ народовъ, какъ днесъ,—славой и честію россовъ,—

Сталъ, устоялъ и стоитъ, боатырь Михаиль Ломо-
носовъ!...

ФЕДОРЪ ГЛІНКА.

Оды духовныя.

Переложение псалма 14.

Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходить непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно
Какъ языкомъ говоритъ.

Что устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наносить бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душею правыхъ
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не береть;—
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падеть.

Переложение псалма 145.

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потицся, духъ мой, возсылать:
Я буду иѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дыхать.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ,
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

Когда съ душею разлучатся
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падеть,
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ;

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту;

Творящаго на сильныхъ пищу
По-истинѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ Нему возопіютъ.

Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ Онъ слѣцовъ,
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любить праведныхъ рабовъ;

Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ приемлетъ и сиротъ;

Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сионѣ будеть въ родѣ и родъ.

Переложеніе псалма 103.

Да хвалитъ духъ и мой языкъ
Всесильного Творца державу,
Великолѣпіе и славу...

О Боже мой, коль Ты великъ!

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей Божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой.

Покрывъ водами высоты,
а легкихъ облакахъ восходиши,
Крилами вихровъ шумъ наводиши,
Когда на нихъ летаешь Ты.

И воли Твоей послы,
Какъ устремленія воздушны,
Всесильнымъ маніямъ послушны,
Текутъ, горятъ, не зная мглы.

Ты землю твердо основалъ,
И для надежныхъ окрѣпы
Недвижны положилъ заклѣпы,
И вѣчну непреклонность далъ.

Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся, надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

Ихъ воля.— Твой единый взглядъ;
Отъ запрещенія мутятся
И въ тучи, устрашась, тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ твои, внизъ шумятъ.

Восходят горы въ высоту;
 Крутыя ставиша Ты стремнины,
 И стелешь злачныя долины,
 Угрюмствомъ множа красоту.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ:
 Чтобъ землю скрыть не обратились,
 Ничѣмъ бы внизъ не преклонились
 Опричъ твоихъ безмѣрныхъ силъ.

Изъ горъ въ долины льешь ключи
 И прохладжаешь тѣмъ отъ зноя:
 Журчать для сладкаго покоя,
 Между горами текучи,

И напояютъ всѣхъ звѣрей,
 Что окресть сель себя питають;
 Онагри ждутъ, какъ въ жаждѣ таютъ,
 Отрады отъ руки Твоей.

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
 Возносятъ пѣніе и свисты,
 Живятъ вертепы каменисты,
 И тѣмъ проводятъ жаркій день.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
 Плодами землю насаждаешь,
 И всѣхъ живущихъ насыщаешь
 Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

Растишь въ поляхъ траву для стадъ;
 Намъ разны зелия въ потребу
 Обильно прилагаешь къ хлѣбу,
 Щедротою ко всѣмъ богатъ.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣнить,
 Намъ масло члены умягчаетъ,
 Вино въ печали угышаетъ,
 И сердце радостью живитъ.

Древамъ даешь обильный тукъ;

Поля вѣнчаешь ими, Щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

Выбранная изъ Іова, главы 38, 39, 40 и 41.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропещь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ
И гласомъ громы прерывая, [блестая
Словами небо колебаль
И такъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.

Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ пебесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженыхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами;
И безднѣ положилъ предѣлъ,

И ей свирѣпими волнами
Стремиться далъ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Возмогъ ли ты, хотя однажды,
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтъ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счель ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою,
Всегдашнею покрыты тьмою,
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперь ли адovy уста?

Стѣсная вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнию въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ *)
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гиѣвъ свой возвѣщать?
Твоей ли хитростью взлетаетъ

*) Стихъ звукоиздражательный.

Орель, на высоту паря,
 По вѣтру крила простираетъ
 И смотрить въ рѣки и моря?
 Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
 Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
 Что Я ему на пищу далъ.
 Толь быстро око ты-ль создаль?

Воззри въ лѣса на бегемота,
 Чго мною сотворенъ съ тобой:
 Колючій тернъ его охота
 Безвредно попирать ногой,
 Какъ верви сплетены въ немъ жилы,—
 Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
 Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
 Кто можетъ рогъ его согрѣть?

Ты можешь ли Левіаѳана *)
 На удѣ вытянуть на брегъ?
 Въ самой срединѣ океана
 Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
 Свѣтащимися чешуями
 Покрытъ, какъ мѣдными плитами,
 Копье и мечъ и молотъ твой
 Считаетъ за тростникъ гпилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣть,
 И зубы—страшный рядъ серповъ:
 Кто руку въ нихъ вложить посмѣгъ?
 Всегда къ сраженью онъ готовъ;
 На острыхъ камняхъ возлегаетъ
 И твердость оныхъ презираетъ,
 Для крѣпости великихъ силъ
 Считаетъ ихъ за мягкій иль.

*) Крокодила.

Когда ко брани устремится,
 То море какъ котель кинитъ,
 Какъ пещь гортань его дымится,
 Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
 Сверкаютъ очи раздраженны,
 Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.
 Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня:
 Кто можетъ стать противъ Меня?

Обширнаго громаду свѣта
 Когда устроить Я хотѣлъ,
 Просилъ ли твоего совѣга
 Для множества толикихъ дѣлъ?
 Какъ перстъ Я взялъ въ началѣ вѣка,
 Дабы создати человѣка,
 Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
 Чтобъ видѣ иной тебѣ Я далъ?

Cie, о смертный, разсуждая,
 Представь Зиждителеву власть,
 Святую волю почитая,
 Имѣй свою въ терпѣныи часть:
 Онъ все на пользу нашу строить,
 Казнить кого, или поконить.
 Въ надеждѣ тяготу сноси
 И безъ роптанія проси.

Утреннее размышленіе о Божиемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
 Простерло блескъ свой по земли
 И Божія дѣла открыло:
 Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
 Чудяся яснымъ толь лучамъ,
 Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлеть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возврѣть;
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не паходить береговъ;
Тамъ вихры пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить памъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись,
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудrosti лучи,
И что угодно предъ Тобою

Всегда творити науки,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, пр
случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна,—
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества,
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря! *)
Не солнце-ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

*) Сѣверное сіяніе.

О вы, которыхъ быстрый зракъ
 Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
 Которымъ малый вещи знакъ
 Являетъ естества уставъ!
 Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ—
 Скажите, что нась такъ мятеть?

Что зыблеть ясный нощью лучъ?
 Что тонкій пламень въ твердь разить?
 Какъ молнія, безъ грозныхъ тучъ
 Стремится отъ земли въ зенитъ?
 Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
 Среди зимы рождалъ пожаръ?

Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
 Иль солнечны лучи блестятъ,
 Склоняясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
 Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
 Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
 И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
 О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣсть:
 Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
 И что малѣйшихъ даль звѣздъ?
 Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
 Скажите-жъ, коль великъ Творецъ!

Оды похвальные.

Изъ оды первой.

Имп. Аннѣ Иоанновнѣ на взятіе Хотина, 1739 г.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой *),
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ **) молчитъ,
Которой завсегда журчить
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы выются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшить во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лицу,
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,

*) Пиндъ.

**) Кастальскій ключъ.

Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Корабль, какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срываю съ нихъ верхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вокругъ шумитъ,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ,—
Къ россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ обѣхавъ, тьмы татарь;
Скрываетъ небо конскій паръ!
Что-жъ въ томъ?—стремглавъ безъ душъ валятся.

Крѣпить отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ;
Отъ реву лѣсь и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разить, извившись, сильнымъ махомъ.

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ
И, съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы *),
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долѣ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ

[“]) Агари.

Среди враговъ, среди болотъ,
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябъ,
Дымъ, пепель, пламень смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбуль, своихъ заграбъ *),
Что камни съ береговъ сдираетъ,—
Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣть:
Имъ воды, лѣсь, бугры, стремнины,
Глухія степи — равенъ путь:
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.

Пускай земля какъ понѣтъ трясеть,
Пускай вездѣ громады стонутъ;
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ;
Въ крови Молдавски горы тонуть,—
Но вамъ не можетъ то вредить,
О россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для счастливой Анны.
Уже вашъ къ ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь татаръ
И путь отворенъ вамъ просторанный.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взять купно свѣтъ и духъ татарамъ.
Изъ лывъ **) густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ турецкій полеъ.
Иной, въ послѣдни видя зорю,
Закрой, кричить, багряный видъ,

*) Т. е. грабъ, Стамбуль, за холмами, за Тигромъ.

**) Лыва — густой лѣсь.

И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ,
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю.
Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ.
Что бѣть за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ,
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснуль горящимъ вдругъ лицемъ;
Омытымъ кровью мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны россамъ стѣны? *)
И персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли нали поражены?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ готовскимъ **) приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зришь всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремяще перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вокругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды! Сей при васъ

*) Т. е. стѣны Азова.

**) Т. е. шведскимъ.

Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ туть герой:
„Не тщетно я съ тобои трудился;
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ россовъ цѣлый свѣтъ страшился:
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ;
На югѣ Аида торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдої сей“.
Свилася мгла; герояи въ ней;
Не зрить ихъ око, слухъ не чуеть.

Крутитъ рѣка татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечъ, и станъ, и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже, тряхнувшись, легкій листъ
Сграшить его, какъ ярый свистъ
Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда! Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боится собственаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракѣ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тымъ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль росская ужасна сила.

Вливаясь въ понтъ, Дунай реветъ,

И россовъ плеску отвѣщаетъ,
 Ярсь, волнами турка льетъ,
 Что стыдъ свой за него скрываетъ.
 Онъ рыщетъ, какъ пронзенный звѣрь,
 И чаетъ, что уже теперь
 Въ послѣдній разъ заноситъ ногу
 И что земля его носить
 Не хочетъ, что *) не могъ покрыть;
 Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
 Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
 Гдѣ злость на сѣверны края?
 Стамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
 Ты лишь своимъ велѣль ступить,
 Насъ тотчасъ чаяль побѣдить;
 Янычаръ твой свирѣпо злился,
 Какъ тигръ на россій полкъ скакалъ;
 Но что?—внезапно мертвъ упалъ,
 Въ крови своей, пронзенъ, залился.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
 Что васть, агаряне, поирада;
 Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
 Мечемъ кровавымъ показала.
 Великой Аинны грозный взоръ
 Ограду дать просящимъ скоръ;
 По страшной тучѣ возсіяеть,
 Къ себѣ новинность вашу зря,
 Къ своимъ любовію горя,
 Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

*) Которую.

ломопосоль.

Изъ оды второй.

(Строфа 16—2)

Уже и моремъ и землею
 Россійско воинство течеть,
 И спльной крѣпостью своею
 За лѣсъ и рѣки готеовъ жметъ.
 Огня ревущаго удары
 И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый
 Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ
 И тяжкихъ горъ сердца трясутъ;
 Уже мрачится свѣтъ полдневный,
 Повсюду видъ и слухъ плачевны:

Тамъ кони бурными ногами
 Взвиваются къ небу прахъ густой,
 Тамъ смерть межъ готескими полками
 Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй
 И алчну челюсть отверзаетъ,
 И хладны руки простираетъ,
 Ихъ гордый исторгая духъ;
 Тамъ тысячи валятся вдругъ.
 Но если хочешь видѣть ясно,
 Коль росско воинство ужасно,

Взойди на берегъ крутой высоко,
 Гдѣ кончится землею понть,
 Простри свое чрезъ воды око,
 Коль много обнялъ горизонтъ;
 Внимай, какъ югъ пучину давить,
 Съ пескомъ мутить, зыбь на зыбь ставить,
 Касается морскому дну,
 На сушу гонить глубину
 И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
 Такъ россъ противныхъ низлагаетъ.

Какъ ежели на римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И если градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣль и младость, и породу,
Погибъ за римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ;
То ей! квириты, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

Всякъ мнить, что равень онъ Алкиду,
И что Немейскимъ лвомъ покрыть,
Или, ужасную эгиду
Нося, враговъ своихъ страшить;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаеть,
Противныхъ силу презираеть;
Смѣшившись съ прахомъ, кровь кипитъ;
Здѣсь шлемъ съ главой, тамъ трупъ лежитъ,
Тамъ мечъ съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба жестоко казнится!

Народы, нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюйтесь,
Храните искренно пріязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайтє:
Мечи, щиты и крѣпость стѣнь
Предъ Божіимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнь:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

Бѣжитъ въ свои путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,

Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
 Въеть воздухъ вихремъ за собою;
 Подъ сильною его пятою
 Кремнистые бугры трещать
 И слѣдомъ дерева лежать,
 Что множество вѣковъ стояли
 И бурей ярость презирали.

Изъ оды третьей.

(Строфы 12—13).

Отверзлась дверь, не видень край,
 Въ пространствѣ заблуждаетъ око,
 Цвѣтеть въ Россіи красный рай,
 Простерть во всѣ страны широко.

Млекомъ и медомъ напоенны,
 Тучнѣютъ влажны берега,
 И, яснымъ солнцемъ освѣщенны,
 Смѣются злачные луга.

Съ полуудня вѣеть духъ смиренный,
 Чрезъ плодъ земли благословенный.
 Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
 Владѣеть тишина полями,
 Спокойство царствуетъ въ градахъ,
 И миръ простерся надъ водами.

Изъ оды четвертой.

(Строфа 13).

Воззри на трудъ и громку славу,
 Чго свѣтъ въ Петрѣ неложно чтить;
 Нептунъ позналъ Его державу,
 Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія *),
 Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
 Сошедъ къ тебѣ отъ горныхъ мѣсть;
 Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
 На внука весело взираетъ,
 Среди героевъ, выше звѣздъ.

Изъ оды пятой.

(Строфы 5, 6, 10).

На встокѣ, западѣ и югѣ,
 Во всемъ пространномъ свѣта кругѣ,
 Ужасны россікіе полки,
 Мечи и шлемы отложите
 И въ храбры руки днесъ возьмите
 Зелены вѣтви и цвѣтки.
 Союзны царства, утверждайте
 Въ предѣлахъ вашихъ тишину;
 Вы, бури вихри, не дерзайте
 Подвигнуть нынѣ глубину.

О, коль прекрасенъ свѣтъ блестаетъ,
 Являя видъ страны иной!
 Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами;
 Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
 Межъ бисерными облаками
 Сіаетъ злато и лазурь.

Кристалльны горы окружаютъ,
 Струи прохладны обтекаютъ
 Усыпанный цвѣтами лугъ.
 Плоды, румянцемъ испещренны,

*) Стихъ этотъ возбуждалъ особенное негодованіе раскольниковъ и мы помѣщаемъ ради него эту строфу.

И вѣтви, медомъ орошены,
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.

Какъ утрення заря сіаетъ,
Когда день ясный обѣщаетъ,
Румянить синій горизонтъ;
Лице любови толь прекрасно,
Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
И проницаютъ тихій понтъ.

Изъ оды шестой.

(Строфы 2, 21, 9 и 13).

И се уже рукой багряной
Врага отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румянай
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ и въ тверди скрыться
И тѣмъ почтить его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесъ россійскій родъ.

Да возрастеть ея держава,
Богатство, счастье и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава;
Какъ токъ великая рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свои простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
И множество градовъ поитъ,
Разлившиесь на поля восходить;
Обильный тукъ на нихъ наводить;
И жатвы щедро богатить.

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,

Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ *).

Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажная росы,
И сонъ подъ тѣнью лревъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы.

Изъ оды седьмой.

(Строфа 11, 16).

Ты судь и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровъ щадишь.
Такъ Ниль смиленно протекаетъ:
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Свою сладкою водою,
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
Златой даетъ Египту вѣкъ.

Ла будетъ тое **) невредимо,
Какъ верхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо

*) Здѣсь изображается время Бироновщины.

**) Т. е. Имп. Елизаветы Петровны.

На мракъ и вредные пары;
 Не можетъ вихрь его достигнуть,
 Ни громы страшные подвигнуть,
 Взнесень къ безоблачнымъ странамъ,
 Ногами тучи попираеть.
 Угрюмы бури презираеть,
 Смѣется скачущимъ волнамъ.

Ода восьмая.

*На день восшествія на престолъ Императрицы
Елизаветы Петровны (1747 г.).*

Царей и царствъ земныхъ отрада,
 Возлюбленная тишина,
 Блаженство сель, градовъ ограда,
 Коль ты полезна и красна!
 Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
 И класы на поляхъ желтѣютъ;
 Сокровищъ полны корабли
 Дерзаютъ въ море за тобою,
 Ты сыплемъ щедрою рукою
 Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
 Блистая съ вѣчной высоты,
 На бисерь, злато и порфиру,
 На всѣ земныя красоты,
 Во всѣ страны свой взоръ возводить,
 Но краше въ свѣтѣ не паходить
 Елизаветы и тебя.
 Ты кромѣ той всего превыше,
 Душа ея зефира тише,
 И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ она вступила,
 Какъ Вышній подаль ей вѣнецъ,
 Тебя въ Россію возвратила,
 Войнѣ поставила конецъ;
 Тебя, пріявъ, облобызала:
 Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
 Для коихъ крови льется токъ,
 Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
 Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
 На цѣлый западъ и востокъ.

Божественнымъ устамъ приличень,
 Монархиня, сей кроткій гласъ:
 О, коль достойно возвеличепъ
 Сей день и тотъ блаженный часъ,
 Когда отъ радостной премѣны
 Петровы возвышали стѣны
 До звѣздъ иллесканіе и кликъ!
 Когда ты крестъ несла рукою
 И на престолъ взвела съ собою
 Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!

Чтобъ слову съ оными сравняться,
 Достатокъ силы нашей малъ;
 Но мы не можемъ удержаться
 Отъ иѣнія твоихъ похвалъ.
 Твои щедроты ободряютъ
 Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
 Какъ въ понѣ пловца свободный вѣтръ
 Чрезъ яры волны порываетъ:
 Онъ берегъ съ весельемъ оставляетъ,
 Летить корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчите, пламенные звуки,
 И колебать престаньте свѣтъ:
 Здѣсь въ мирѣ расширять науки

Изволила Елисаветъ.

Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощеть лира восхищена
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ быль отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взиная на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окружена
Сомнѣнная *) Нева рекла:
Или я вынѣ позабылась
И съ оного пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:

*) Недоумѣвающая.

Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
 Подать, въ россійскомъ родѣ новы,
 Чистѣйшаго ума плоды.
 Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
 Уже Россія ожидаетъ
 Полезны видѣть ихъ труды!?

Но, ахъ, жестокая судьбина!
 Безсмертія достойный мужъ,
 Блаженства нашего причина,
 Къ несносной скорби нашихъ душъ,
 Завистливымъ отторженъ рокомъ,
 Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
 Внушивъ *) рыданій нашихъ слухъ,
 Верхи Парнасски возстенали,
 И музы воплемъ провождали
 Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
 Сомнѣнныи ихъ смущался путь;
 И токмо, шествуя, желали
 На гробъ и на дѣла взглянуть.
 Но кроткая Екатерина,
 Отрада по Петрѣ едина,
 Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
 Ахъ, еслибы жизнь ея продлилась,
 Давно-бѣ Секвана постыдилась
 Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
 Въ толикой горести Парнасъ?
 О, коль согласно тамъ брякаетъ
 Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
 Всѣ холмы покрываютъ лики;

*) Внявъ.

Въ долинахъ раздаются клики:
 Великая Петрова дщерь
 Щедроты отчи превышаетъ,
 Довольство музъ усугубляетъ
 И къ счастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
 Когда число своихъ побѣдъ
 Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
 И въ полѣ весь свой вѣкъ живеть;
 Но ратники, ему подвластны,
 Всегда хвалы его причастны,
 И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
 Звучащу славу заглушаетъ,
 И грому трубъ ея мѣшаетъ
 Плачевный побѣжденныхъ стоикъ.

Сія тебѣ единой слава,
 Монархия, принадлежитъ,
 Пространная твоя держава,
 О, какъ тебя благодаритъ!
 Воззри на горы превысоки!
 Воззри въ поля свои широки,
 Гдѣ Волга, Диѣпръ, гдѣ Обь течеть;
 Богатство, въ оныхъ потаенно,
 Наукой будетъ откровенно,
 Что щедростью твоей цвѣтеть.

Толикое земель пространство
 Когда Всевышнїй поручилъ
 Тебѣ въ счастливое подданство,
 Тогда сокровища открылъ,
 Какими хвалится Индія,
 Но требуетъ къ тому Россія
 Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.

Сие *) злату очистить жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ лѣдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриної,
Какъ Ниль, народы напояетъ,
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творить натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоять глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На пасть скакуящихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свои простиратъ!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЯ.

Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ манжуръ.

Се мрачной вѣчности запону *)
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣть ни правиль, ни закону,
Премудрость тихо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣдишетъ.
Тамъ влажная стезя блѣтъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшилъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрѣмляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски конемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлнахъ мятется,
Чтоrossамъ въ руки предается
Драгой его металль изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила

Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Огечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны
Раченьемъ вашимъ, показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Науки юношей читаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Тебѣ, о милости источникъ,
О ангель мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать воиною.
Тебя Зиждитель сохранить
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнить.

Изъ оды девятой.

(Строфа 1, 2, 3, 4, 7, 10, 16, 17).

Заря багряною рукою
 Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Твоей державы новый годъ.
 Благословенное начало
 Тебѣ, богиня, возсіяло,
 И нашихъ искренность сердецъ
 Предъ Трономъ Вышняго иылаеть,
 Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
 Его средину и конецъ.

Да движутся свѣтила стройно
 Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
 И рѣки да текутъ спокойно
 Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
 Вражда и злость да истребится,
 И огнь и мечъ да удалится
 Отъ странъ твоихъ и всякой вредъ;
 Весна да разсмѣется нѣжно,
 И ратай въ нивахъ безмятежно
 Сторичный плодъ да соберетъ.
 Съ способными вѣтрами споря,
 Терзать да не дерзнетъ Борей
 Покрытаго судами моря,
 Пловущими къ землѣ твоей.
 Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
 Желѣзо браней да не знаетъ,
 Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
 Да злобна зависть постыдится
 И славѣ свѣтъ да удивится
 Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да хранить уставы
 И правду на судѣ судьи;
 И время твоего державы
 Да ублажать рабы твои.

Въ луга усыпаны цвѣтами
 Царица трудолюбныхъ пчель,
 Блестящими шумя крылами,
 Летить между прохладныхъ сель;
 Стекается, оставивъ розы
 И сотомъ напоеными лозы,
 Со тщаниемъ отвсюду рой,
 Свою царицу окружаетъ!
 И тѣсно вслѣдъ за ней летаетъ
 Усердіемъ вперенный строй.

Но море нашей тишины
 Уже предѣлы превосходитъ,
 Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
 Разлившись въ западны страны.

И мечъ твой лаврами обвитый
 Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Коль нынѣ радостна Россія!
 Она, коснувшись облаковъ,
 Конца не зритъ своей державы;
 Гремящей насыщена славы,
 Покоится среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
 Своими чистыми струями
 Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
 Сѣдить и ноги простираеть

ломоносовъ.

На степь, гдѣ Хину*) отдаляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства исчисляеть,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Изъ оды десятой,

*въ которой Ея Величеству благодареніе отъ со-
чинителя приносится (1750 г.).*

Какую радость ощащаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну ищу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесенъ!
Божественно лице сияетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Что-жъ се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдуя въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со денницей
Великолѣпной колесницей
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслимъ непонятно!
Благополучиѣ многократно,

*) Китай.

Когда нетищетнымъ сномъ я льщусь!
 Престань сомнѣньемъ колебаться,
 Смятенный духъ мой, и повѣрь:
 Не ложны то мечтанья зрятся,
 Но истинно Петрова дщерь
 Къ наукамъ матерски снисходитъ,
 Щедротою въ восторгъ приводить.
 Ты, Муза, лиру пріими,
 И чтобы услышала вселенна,
 Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
 Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ древнимъ именемъ Славена
 Гордяся пролились струи, *)
 Тамъ видя Нимфа изумленна
 Украшенны луга свои,
 Златые кровы окомъ мѣрить
 И въ ужасѣ себѣ не вѣрить;
 Но кажду обозрѣвши часть,
 Съ веселiemъ сіе вѣщасть:
 То само небо созидаетъ,
 Или Петровой дщери власть? **)
 Рекла и, влагу разсѣкая,
 Пустилась тщательно къ Невѣ;
 Волна во бреги ударяя,
 Клубится пѣною въ травѣ.

*) Рѣка Славянка, впадающая въ Неву. Л-въ производить ея имя отъ Славена.

**) Елизавета въ 1744 г. перестроила по новому плану Царское Село. Л-въ заставляетъ р. Славянку рассказывать Невѣ объ этомъ преобразованіи, объ украшениіи города садами и произведеніями искусствъ.

Во храмъ сіяющій металломъ,
Предъ тронъ украшенный кристалломъ
Посиѣшио простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ *) вѣщаетъ облеченной
Владычицѣ россійскихъ водъ.

Рѣка, которой проливаются
Великія озера дань
И кою громко прославляются
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты счастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ красить новымъ
Раченіемъ Елизаветь.
Но малые мои потоки
Прими въ себя, какъ Ниль широкій,
Который изъ рая течеть **).

Мои источники вѣчаетъ
Эдемской равна красота,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста;
Поля, гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошествуетъ природа
Искусствомъ рука побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтвіи высокомъ

*) Виссонъ—драгоценная ткань.

**) Преданіе полагало истокъ Нила въ раю.

И посреди зеленыхъ лозъ
 Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
 Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
 Что царствуетъ въ моихъ лугахъ,
 И солнце восходя дивится,
 Цвѣты, межъ коихъ Индъ крутится,
 Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
 Когда томить протяжный день,
 Отъ зноной теплоты и свѣта
 Плохладна покрываетъ тѣнь,
 Гдѣ вѣтви, преклонясь, зелены,
 Въ союзѣ взаимный сопряженны,
 Отводятъ жаркіе лучи.
 Но коль великая отрада
 И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
 Какъ росу пьють цвѣты въ ночи!

Елисаветинымъ добротамъ
 Вездѣ подобна красота;
 Примѣра многимъ лишь щедротамъ
 Не смѣеть скудна дать вода,
 И орошать скаканьемъ поля:
 Однако ежель оной воля
 Охоту ободрить мою,
 Великой въ похвалу богинѣ
 Я воду обращу къ вершинѣ;
 Речеть—и къ небу устремлю.

Коль часто долы оживляетъ
 Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
 Когда богиня понуждаетъ
 Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ иоръ!
 Елѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;

Коню бѣжать не воспрящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутить головой, звучить браздами,
И топчеть бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь! *)

Какъ если зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздіемъ являться яснымъ
Достойно Сарское Село.

Чудовища, что легковѣрнымъ
Раченъемъ древность и безмѣрнымъ
Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
Укройтесь за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь Елисавета
Красу приличну небесамъ.

Великія Семирамиды
Разсыпанна окружность стѣнь,
И вы, о горды пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ отягощенъ!
Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зреили,
Вамъ не было бы тяжко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человѣки,
Здѣсь созидаетъ божество.

Великолѣпными верхами
Восходятъ храмы къ небесамъ;
Изъ нихъ пресвѣтлыми очами
Елисаветъ сияеть къ намъ,

*) Описаніе охоты, которую любила Елисавета, почему въ началѣ она и сравнивается съ Дianой, богиней охоты.

Изъ нихъ во всѣ страны взираеть
И на единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ свой.
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зритъ лежащи
Поля и грады подъ собой.

О, сколь правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей нимфа гласъ!
Сколь взоръ твои далеко блестаетъ,
То нынѣ чувствовалъ Парнасъ,
Какъ ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней пѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла матерски къ нему;
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу твоему!

Что дымъ и пепель отрыгая,
Мрачилъ вселенну Энцеладъ, *)
Реветь подъ Этною рыдая,
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаянны трясется яромъ,
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрыть горою,
Безъ пользы движется подъ тою,
И тщетно силится возстать.

Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже повержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ

*) Въ борьбѣ съ гигантами Зевсъ на Энцелада навалиль
Этну.

Поющихъ музъ твой слухъ звучить,
 Востокъ и Западъ наполняетъ
 Хвалой твоей, и возвышаетъ
 Твои щедроты выше звѣздъ.
 О вы, счастливья науки,
 Прилежны простирайте руки
 И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

Пройдите землю и пучину,
 И степи, и глубокій лѣсъ,
 И нутръ Рифейскій и вершину,
 И саму высоту небесъ.
 Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
 Что есть велико и прекрасно,
 Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
 Трудами вѣки удивите,
 И сколько можетъ, покажите,
 Щедротою Елисаветъ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
 Механика, ты въ честь возвысь
 Монархамъ, отъ которыхъ россы
 Подъ солнцемъ славой вознеслись;
 Наполни воды кораблями,
 Моря соедини рѣками
 И рвами блада изсуши,
 Военны облегчи громады,
 Петромъ основанные грады
 Подъ скипетромъ дщери соверши

Есть земное нѣдро ты, Химія,
 Проникни взора остротой
 И, что содергть въ немъ Россія,
 Драги сокровища открой:
 Отечества умножить славу

И вяще укрѣпить державу
 Спѣши за хитрымъ естествомъ, *)
 Подобнымъ облекансь цвѣтомъ,
 И, что прекрасно токмо лѣтомъ,
 Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
 Возвыси посреди лучей
 Елисаветины заслуги,
 Чтобъ тамо въ вѣчну славу ей
 Сіяла новая планета.
 Россійского пространство свѣта
 Собравъ на малы чертежи,
 И грады оною спасенны,
 И села ею же блажены,
 Географія, покажи.

Наука легкихъ метеоровъ, **)
 Премѣны неба предвѣщай
 И бурны шумъ воздушныхъ споровъ
 Чрезъ вѣрны знаки предъявляй,
 Чтобъ ратай могъ избрать время,
 Когда земль повѣрить сѣмя,
 И дать когда покой браздамъ;
 И, чтобы не боясь погоды,
 Съ богатствомъ далъшишли народы
 Къ Елисаветинымъ брегамъ.

А ты, возлюбленная Лира,
 Правдивымъ счастьемъ веселись,
 Къ блистающимъ предѣламъ міра

*) Т. е. производи силою своею предметы въ томъ видѣ и плѣтѣ, въ какихъ производить ихъ природа.

**) Метеорология.

Шумящимъ звономъ вознесись
 И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
 Кто-бѣ равенъ былъ Елисаветѣ
 Такимъ блистаниемъ хвалы.
 Но что за громы ударяютъ?
 Се гласъ мой звучно повторяютъ
 Земля и вѣтры и валы!

Изъ оды одиннадцатой.

(Строфа 12).

Напрасно строгая природа
 Отъ настѣ скрываетъ мѣсто входа
 Съ бреговъ вечернихъ на востокъ.
 Я вижу умными *) очами:
 Колумбъ россійскій между льдами
 Спѣшилъ, и презираетъ рокъ **).

Изъ оды двѣнадцатой.

(Строфы 16, 17).

Тамъ вкругъ облегъ Драконъ ужасный
 Мѣста святы, мѣста прекрасны,
 И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
 Весь свѣтъ чудовища страшится,
 Единъ лишь смѣло устремиться
 Россійскій можетъ Геркулесь.
 Единъ сто острыхъ жалъ притупить,

*) Т. е. умственными.

**) Здѣсь Ломоносовъ высказываетъ мысль объ отысканіи
пути въ Остъ-Индію вдоль сѣвернаго берега Сибири.

И множествомъ низвержетъ ранъ,
Единъ на сто головъ наступить,
Возставитъ вольность многихъ странъ.

Пространными Китай стѣнами
Закрыть быть мнится передъ нами,
И что пустой земли хребеть
Отъ странъ Россійскихъ отдѣляетъ,
Онъ гордымъ окомъ къ намъ взираеть,
Но въ нихъ ему надежды нѣть.
Внезапно ярость возгорится
И огнь и месть между сѣной.
Сie все можетъ совершиться
Петрова племени рукой.

Изъ оды тринадцатой.

(Строфы 1, 12 и 13).

Онъ живъ *), надежда и покровъ;
Онъ живъ. во всѣ страны взираеть,
Свою Россію обновляетъ;
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, нравить и предводить,
Натуру духомъ превосходитъ,
Герой въ моряхъ и на земли.

Правители, судьи, впушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы, съ трепетомъ внемлите:
Сie глаголеть вамъ Господь
Святымъ своимъ въ пророкахъ духомъ,
Внери всякъ умъ и вникни слухомъ:

*) Петъ.

Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

Храните праведны заслуги
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно,
Пріязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Отверзите просиящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду.

Изъ оды шестнадцатой.

(Строфы 12, 13, 22 и 23).

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вокругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнны производятъ гадъ.

Война плоды свои раститъ,
Героевъ въ миръ рождаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ,
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена;

Российска повѣсть тѣмъ полна,
Уже изъ тьмы на свѣтъ выходитъ,
За пей великихъ полкъ мужай,
Что на теагръ всесвѣтный взводить
Одѣтыхъ солнечной зарей.

Въ войну кипитъ съ землею кровь,
И суша съ моремъ негодуетъ;
Владѣеть въ мирны дни любовь,
И вся натура торжествуетъ,
Тамъ заглушаютъ мысли шумъ;
Здѣсь красить всѣ довольства умъ.
Се милость истины срѣтаетъ,
Воззрите, смертны, въ высоту!
И правда тишину лобзаетъ,
Я вижу вѣчну красоту.

Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь
Всего пресвѣтлѣе сіяеть
Вокругъ и злато и лазурь:
Всесильный миръ себя являетъ.

Изъ оды семнадцатой.

(Строфы 16 и 18).

Тамъ мерзлыми шумить крылами
Отецъ густыхъ спѣговъ Борей
И отворяетъ ходъ межъ льдами
Дать волѣ путь въ востокъ твоей.
Когда по глубинѣ невѣрной
Къ неизѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшить по дальности безмѣрной
И не является конецъ,
Прилежно смотрить птицъ полеты,

Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты,
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву.

Изъ оды восемнадцатой.

(Строфы 6, 17, 19—22)

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующей народъ
Предался въ руки побѣженныхъ?
О стыдъ, о странный оборотъ!
Чтобъ кровью куплены трофеи
И побѣдителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасный даръ
И данную залогомъ вѣру.
Въ тебѣ, Россія, нѣть примѣру;
И нынѣ отвращенъ ударъ *).

Услышьте, судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.

*) Эта строфа указываетъ на ту внезапную перемѣну, которая произошла со дня вступления на престолъ Петра III, великаго почитателя Фридриха II, съ которымъ Россія вела войну: изъ враговъ русскіе готовы были превратиться въ союзниковъ Пруссіи.

Виѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,—
То Богъ благословить вашъ домъ.

А вы, которымъ здѣсь Россія *)
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храпя къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпрѣкновенно приносить;
На то-ль склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины веџей.
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышлено отъ вашихъ главъ
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденю трона,
Къ рушеню народныхъ правъ.

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ

*) Въ этихъ стихахъ Ломоносовъ обращается къ иѣмцамъ, которые въ предыдущее царствованіе имѣли большую силу.

Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ силахъ
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

О коль монархъ благополученъ,
Кто знаетъ россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.

Изъ оды девятнадцатой.

(Строфы 1, 7, 8).

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!

О ты, пресвѣтлый предводитель
Отъ вѣчности текущихъ лѣтъ,
Цвѣтушихъ, дышущихъ живитель,
Ты, око и душа планетъ,
Позволь ко твоему мнѣ дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь, приблизившиесь, воззрѣть!
Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
Направилъ коней ты эфириныхъ,—
Ржутъ, топчутъ твердь, сгѣшать летѣть.

Ты, съ новымъ торжествуя годомъ,
Между блистающихъ колесъ
Лазуревымъ пустился сводомъ,
Течешь на крутизу небесъ;
Стремяясь къ пріятствамъ вешней нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги.

Надписи.

Къ статуѣ Петра Великаго.

I.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
 Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
 Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
 Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
 Рожденны къ скипетру, простеръ въ работу руки,
 Монаршу власть скрывалъ, чтобъ наамъ открыть
 науки.

Когда онъ строилъ градъ, сносиль труды въ вой-
 пахъ,

Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ
 моряхъ,

Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
 Домашнихъ побѣжалъ и внѣшнихъ супостатовъ;
 И словомъ, се есть ПЕТРЪ, отечества отецъ.
 Земное божество Россія почтаетъ,
 И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаеть,
 Сколь много есть ему обязанныхъ сердецъ.

II. .

Звалннымъ образамъ, что въ древни времена
 Героямъ ставили за славные походы,
 Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
 И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
 Что вѣра правая творить всегда претить.

Но вамъ простительно, о поздные потомки,
Когда, услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите алтарь предъ сей геройскій видъ:
Мы вѣсъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его, превыстимъ смертныхъ силъ,
Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за бога почитали.

III.

Металль, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се россиянъ утѣшаєтъ,
Изобразивъ въ себѣ лица его черты!
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

Надпись на ракѣ св. князю Александру Невскому
въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ.
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираеть
И на берега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ
И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ первого сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила свѣсть.

Отрывки изъ другихъ надписей.

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтеть,
Лежитъ оружіе, и съ кровью слезъ не льетъ,
И земледѣлецъ плугъ выносить безопасно.

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понты,
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себѣ сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ.
Но только лишь оно въ луга свои лучъ прольетъ,
Открывшись въ теплотѣ, сіяеть каждой цвѣтъ,
Богатство красоты предъ онимъ отверзаетъ,
И свой пріятный духъ, какъ жертву проливаетъ.

Хотя счастливыя военные дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала,
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекрасиѣ ко всѣмъ сіяеть ихъ порфира.
Велико дѣло въ томъ, чтобъ часто побѣждать,
Но болѣе того всегдашиї миръ держать.
Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ счастію почти дана вся воля,
Спокойный миръ хранить одна премудра власть,
Не можетъ войску быть, ни счастію въ томъ часть.
Производить плоды природно только лѣту,
И кроткій миръ единъ даетъ богатство свѣту.
Въ довольствіѣ сиѣть трудъ, довольствіе въ трудѣ.

Петровъ духъ былъ ей *) шлемъ, любовь россіянъ
щить.

*) Елисаветѣ.

Безъ грому молнія изъ ясности блестая,
 Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
 Смутила горду кровь, пропзила грозный взоръ:
 Сраженъ, прогпанъ, убѣгъ Рифейскихъ горъ:
 Угасла молнія, одаѣ лучи сіали:
 Вселенные концы руками восплескали.

По правдѣ вѣчность есть пространный океанъ,
 Что вихрамъ завсегда на колебанье данъ.
 Въ ней лѣта — корабли, что скоро и пробѣгаютъ,
 И въ дальности себя безвѣстной закрываютъ.

СТИХИ.

Имп. Елизаветѣ, представленные 1 января 1755 г.

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство,
 Подобная странѣ, монархия, твоей?
 Отъ запада твое простерлось государство,
 Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей.
 Какой монархъ возмогъ, чтобы подъ одну державу
 Народовъ множество толикое собрать?
 Чуть знаютъ по рѣчамъ себя, лицу и нраву,
 Но всѣ едину чтуть тебя, россійска мать.
 Какъ утреннимъ лучемъ престоль твой здѣсь
 сіаетъ,

Другую часть страны твоей поконитъ ночь;
 Какъ утрення заря Камчатку озаряетъ,
 Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь;
 Когда имѣеть ночь народъ твой южный лѣтомъ,
 То сѣверныи народъ въ трудахъ полдневныхъ
 бдить;

Какъ звѣздыныи Астрахань въ ночи блестаетъ
свѣтомъ,
То Коль во полнѣйшемъ блестанье солнце зритъ.
Все то, что скипетръ твой, богиня, освящаетъ,
Востокъ, западъ, сѣверъ, югъ усердіемъ горитъ,
Начавши отъ Двины огнь праздничный пылаетъ,
По дальнѣйшій Амуръ, что Хинъ *) отъ нась дѣлить,
И съ восклицаніемъ во всѣхъ странахъ шумящимъ
Языки разными вѣщаетъ твой народъ:
Да новое тебѣ, и всѣмъ тебѣ служащимъ
Лвится счастіе въ начавшійся сей годъ.

Разговоръ съ Анакреономъ.

Ода первая.

АНАКРЕОНъ.

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покой
Любовь велять звенѣть.
Я гусли со струнами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли поневолѣ
Любовь мнѣ пѣть велять,
О васъ, героя, болѣ,
Прощайте, не хотятъ.

*) Т. е. китайцевъ.

ЛОМОНОСОВА ОТВѢТЬ.

Мнѣ пѣть было о нѣжной,
 Анакреонъ, любви;
 Я чувствовалъ жаръ прежній
 Въ согрѣвшейся крови,
 Я бѣгать стала перстами
 По тоненькимъ струнамъ
 И сладкими словами
 Послѣдовать стопамъ.
 Мнѣ струны иопеволѣ
 Звучатъ геройскій шумъ.
 Не возмущайте болѣ,
 Любовны мысли, умъ:
 Хоть нѣжности сердечной
 Въ любви я не лишенъ,
 Героевъ славой вѣчной
 Я больше восхищенъ.

Ода двадцать вторая.

АНАКРЕОНЪ.

Когда бы намъ возможно
 Жизнь было продолжить,
 То сталъ бы я неложно
 Сокровища копить;
 Чтобъ смерть въ мою годину
 Взявъ деньги, отошла,
 И за откупъ, кончину
 Отсрочивъ, жизнь дала.
 Когда же я то знаю,

Что жить положенъ срокъ:
 На что крушусь, взыхаю,
 Что мзды скопигъ не могъ.
 Не лучше-ль безъ терзанья
 Съ пріятельми гулять
 И нѣжны воздыханья
 Къ любезной посылатъ.

ЛОМОНОСОВА ОТВѢТЪ.

Анакреонъ! ты вѣрно
 Великій философъ:
 Ты дѣломъ равномѣрно
 Своихъ держался словъ.
 Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
 Которые писалъ,
 Смѣялся забабоцамъ *),
 Ты пѣть любилъ, плясалъ;
 Хоть въ вѣчность ты глубоку
 Не чаялъ больше быть,
 Но славой послѣ року,
 Ты могъ до пасть дожить.
 Возьмите прочь Сенеку,
 Онъ правила сложилъ
 Не въ силу человѣку,
 И кто по онымъ жилъ?!

Ода одиннадцатая.

АНАКРЕОНЪ.

Миѣ дѣвушки сказали:
 Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,

*) Забабоцы — сказки, бредни.

И зеркало миѣ дали,
Смотри: ты лысъ и сѣдъ.
Я не тужу пимало,
Еще-ль мой волосъ цѣль,
Иль темя гладко стало,
И весь я побѣлъ.
Лишь въ томъ могу божиться,
Что долженъ старичокъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

ЛОМОНОСОВА ОТВѢТЬ.

Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ,
И слушай, что ворчить, нахмурившись, Катонъ.
Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шумъ,
Отъ ревности на смѣхъ склонить мой хочетъ умъ?
Однако я за Римъ, за вольность твердо стану,
Мечтаними я такими не смущусь,
И симъ отъ Кесаря кинжаломъ освобожусь,
Анакреонъ! ты быль роскошень, весель, сладокъ;
Катонъ старался внести въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ и взялъ свое съ собой.
Его угрюмствомъ въ Римъ не возвращенъ покой.
Ты жизнь употреблялъ, какъ временниу утѣху;
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
Зерномъ твой отнялъ духъ пріятный виноградъ;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостать.
Беззлобно роскошь въ томъ была тебѣ причина;
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдругъ и сходства понять я.
Умнѣе кто изъ васъ -- другон въ томъ будь судья.

Письмо къ Шувалову.

Прекрасны лѣтни дни, сіяя на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплють въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всѣмъ открыла обший пиръ.
Созрѣлые плоды древа отягощаютъ
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ.
И руку жадную пригожствомъ привлекаютъ;
Что снять своей рукой, тотъ слаше плодъ устамъ.
Сие довольствіе и красота всемѣстна
Не токмо жителямъ обильнѣишихъ полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечетъ она пріятностью своей.
Ты, будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мои покоя духъ не знаеть,
Воспомяни мое раченье и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь,
Ограда вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаниї ищу.
Однако лѣто мнѣ съ весною возвратится
Я оныхъ красотой и въ зиму наслажусь,
Когда мой духъ твоимъ пріятствомъ ободрится,
Которое внести я на Парнасъ потщусь.

Къ Пахомію.

Пахомій говоритъ, что для святого слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.

Ты будешь казнодѣй, лишь только стань попомъ
 И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
 На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
 Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
 Василій, Златоустъ, церковные столпы,
 Учились доляе, какъ ныпѣши попы;
 Гомера, Пиндара, Демосѳена читали
 И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали,
 Натуру, общую всѣмъ прочимъ тварямъ мать,
 Небесъ, земли, морей, старались испытать,
 Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
 И важностью вещей сердца людски подвигнуть.
 Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
 Чтобъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
 Ты словомъ Божіимъ незнанье закрываешь
 И большие тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь;
 Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
 Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.
 Намъ слово Божіе чувствительно, любезно
 И лишь во рту твоемъ безсильно, бесполезно,
 Нравоученiemъ преславный Телемакъ *)
 Стоярать полезнѣе твоихъ нескладныхъ вражъ.

Кузнечикъ **).

Кузнечикъ дорогой, сколь много ты блаженъ,
 Сколь большие предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!

*) Т. е. „Телемакъ“, соч. Фенелона.

**) Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, куда Ломоносовъѣздилъ въ 1761 году просить о подписании привилегіи для университета.

Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою
 И наслаждаешься медвяною росою.
 Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣна тварь,
 Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
 Ты Ангелъ во плоти, иль лучше—ты безплотенъ!
 Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
 Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому,
 Не просишь ни о чёмъ, не долженъ никому.

О С Е Н Ъ.

Ужѣ по изобильномъ лѣтѣ
 Достигнетъ солнце, гдѣ Вѣсы
 Равняютъ день и ночь на свѣтѣ.
 И слѣдомъ лѣтнія красы
 Присиѣть по трудамъ ограда,
 Какъ сладостный изъ винограда
 Потоками прольется сокъ.
 Тогда дыханія способны
 Съ богатствомъ пристани удобны
 Поставятъ корабли на срокъ.

О ДВИЖЕНИИ ЗЕМЛИ.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
 И спорили весьма между собой въ жару.
 Одинъ твердилъ: земля, вертясь, вокругъ солнца хо-
 дить,
 Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
 Одинъ Коперникъ былъ, другой былъ Гегломей.
 Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.

Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
 Скажи, какъ ты о семъ сомнѣни разсуждаешь?
 Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ
 правъ,

Я правду докажу, на солицѣ не бывавъ:
 Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
 Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркого.

Отрывки изъ „Гимна Бородѣ“).

Не роскошной я Венерѣ,
 Не уродливой Химерѣ
 Въ гимнахъ жертву воздаю:
 Я похвальну пѣснѣ пою
 Волосамъ отъ всѣхъ почтенымъ,
 По груди распространенымъ.
 Что подъ старость нашихъ лѣтъ
 Уважаютъ нашъ совѣтъ.

О, сколь въ свѣтѣ ты блаженна,
 Борода, глазамъ замѣна!

). Гимнъ бородѣ, написанный противъ раскольниковъ, въ свое время произвелъ большой переполохъ, такъ какъ некоторые духовныя лица обидѣлись имъ, и Тредьяковскій, взявъ на себя защиту бороды, обвинялъ Ломоносова въ кощунствѣ и неуваженіи къ вѣрѣ, написалъ даже пародію „Переодѣтая борода или гимнъ пьяной головѣ“, въ которой онъ осмѣивалъ слабость Ломоносова къ вину; на всѣ эти нападки Ломоносовъ отвѣчалъ нѣсколькими эпиграммами, которыхъ помѣщены нами вслѣдъ за „гимномъ“ (см. стр. 63—65).

Люди обище говорятъ
И по правдѣ то твердятъ.
Дураки, врали, пролазы
Были бы безъ неї безглазы:
Имъ въ глаза плеваль бы всякъ;
Ею цѣль и здравъ ихъ зракъ.

Борода въ казну доходы *)
Умножаетъ во вся годы:
Керженцамъ **) любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ сборъ за оную приносить
И съ поклономъ низкимъ просить
Въ вѣчный пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

Если кто невзраченъ тѣломъ,
Или въ разумѣ несмѣломъ,
Если въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ,—
Будеть взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ
Для великой бороды.
Таковы ея плоды!

О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,

*) Раскольники должны были платить пошлину на право ношения бороды.

**) Извѣстные раскольнически скиты на рѣкѣ Керженцѣ, впадающей въ Волгу выше Макарьева, Нижегородской губ.

Мать дородства и умовъ,
 Мать достатка и чиновъ,
 Корень дѣйствій невозможныхъ,
 О, завѣса мнѣній ложныхъ,
 Чѣмъ могу тебя почтить,
 Чѣмъ заслуги заплатить?

Черезъ многіе расчесы
 Заплету тебя я въ косы
 И всю хитрость покажу,
 По всѣмъ модамъ наряжу;
 Черезъ разныя затѣи
 Завивать хочу тупеи.
 Дайте ленты, кошельки*)
 И круничатой муки!

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
 Всѣ уборы не вмѣстятся:
 Для ихъ многаго числа
 Борода не доросла.
 Я крестьянамъ подражаю
 И какъ пашню удобряю!
 Борода, теперь прости,
 Въ жирной влажности рости!

*) Четыреугольный иѣшечекъ изъ черной тафты, надѣваемый женщинами на затылокъ; имъ поддерживаются косы.

Эпиграммы на Третьяковскаго.

I.

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
 Твой мерзкій складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
 Печаль, что ты языкъ россійской развращаешь,
 А смѣхъ, что ты гѣмъ зломъ затмить достойныхъ
 чаешь.

Но плюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вражъ:
 Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
 Давно изгага *) всѣмъ читать твои „спинички“,
 „Дорогу некошну“, „вонючія лисички“.
 Никто не помнай намъ подлости ходуль
 И къ пьянству твоему потребныхъ красоуль.
 Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
 Пробипъ **), на злость твою взирая, улыбался:
 Ученія его и чести, и труда
 Не можешь повредить ни ты, ни борода.

II.

Что за дымъ
 По глухимъ
 Деревнямъ курится?
 Тамъ расколъ,
 Дно крамоль,

*) Изжега.

**) Ломоносовъ, подъ этимъ именемъ, которое происходит отъ латинского слова *probus* — честный, разумѣль себя самого.

Въ грубоſти крутиſся.
 Средь того гнѣзда
 Поднятая борода,
 Глушихъ капитоновъ флагъ,
 Дала сборищу ихъ знакъ.

Всѣ спѣшать,
 Всѣ кричать:
 Борода святая!
 Мы съ тобой,
 Съ дорогой,
 Въ рай идемъ, пылая.

Кто зажегъ?
 Лжепророкъ.
 Изъ какого лѣсу?
 Онъ одинъ
 Тресотинъ *)
 Сердцемъ сроденъ бѣсу;
 Онъ безбожный лицемѣръ,
 Побродяга, суевѣръ,—
 Онъ продерзостью своей
 Ободрилъ бородачей.

Огляниſь,
 Веселиſь,

*) Тресотинъ — дѣйствующее лицо въ комедіи Мольера „Les femmes savantes“; это обратилось въ нарицательное для бездарныхъ и хвастливыхъ стихотворцевъ. Сумароковъ подъ именемъ Тресотиша вывелъ въ своей комедіи Тредьяковскаго.

Адская утроба!
 Твои комилотъ—
 Скверный родъ
 Возстаетъ изъ гроба,
 Образъ твой—Геростратъ,
 Храмъ зажечь Парнасскій радъ;
 Адъ готовъ тебѣ помочь,—
 День затмить онъ таекъ, какъ ночь.

* * *

Ахъ какъ радъ
 Пустосвятъ—
 Для того распона, *)
 Что въ тебѣ,
 Какъ въ себѣ,
 Видитъ зла холона;
 И Аввакумъ протопоинъ
 Поднялъ лысину и лобъ,
 Улыбаясь на тебя,
 Смотрить, злость твою любя.

Отмщать завистнику меня вооружаютъ,
 Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чаютъ.
 Когда Зоилова **) хула отнюдь мнѣ не вредитъ,
 Могу ли на него за то я быть сердитъ?
 Однако-жъ осержусь! Я всталъ, ищу обуха,

*) Т. е. разстриженный попъ.

**) Зоиломъ называютъ придирчиваго, иногда злого, пристрастнаго критика по имени грека Зоила, жившаго около 270 г. до Р. Х. и прославившагося своимъ въ высшей степени пристрастнымъ и несправедливымъ разборомъ Гомера и Платона.

Ужъ поднялъ, я махну! А кто сидитъ тутъ? Муха!?
Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
Бѣдняжка, ты летай, ты пой — мнѣ нѣть вреда.

Тредьяковскій возражалъ, что должно быть „безстыдный Родомонтъ“ былъ пьянъ, когда писалъ такъ:

. не муха то была,
А трудница медовъ россійскихъ тѣхъ пчела!

О сомнительномъ произношениі буквы „г“ въ россійскомъ языке.

Бугристы берега, благопріягны влаги,
О горы съ гроздами, гдѣ грѣеть югъ ягнятъ,
О грады, гдѣ торги, гдѣ мозгокружны браги
И деньги, и гостей, и годы ихъ губять;
Драгіе ангелы, пригожія богини,
Бѣгущія всегда отъ гадкія гордыни,
Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени *), пѣги, смуглы,
Багровые глаза продолговаты, круглы,
И кто гораздъ гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать.
Ногаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны,
Тугія головы, о иготи **) чугунны,

*) Игремь — лошадь свѣтлорыжей масти съ бѣловатой гривой и хвостомъ.

**) Иготь — ступка.

Гнѣвливые враги и гадкословный другъ,
 Толпыни, щеголи, когда вамъ есть досугъ,
 Отъ васъ совѣта жду, я вамъ даю на волю,—
 Скажите, гдѣ быть Га *), и гдѣ стоять глаголю?

Вася.

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
 Надѣлъ пастушье платье волкъ
 И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
 Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
 На уши вздѣлъ широку шляпу,
 И крался тихо сквозь лѣсокъ
 На ужинъ для добычи къ стаду.
 Увидѣлъ тамъ, что жучка спить,
 Обнявъ пастушку, ѡирсъ храниТЬ
 И овцы всѣ лежали сряду.
 Онъ могъ изъ нихъ любую взять,
 Но, не довольствуясь уборомъ,
 Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
 И именемъ овецъ назвать.
 Однако чутъ лишь пасть разинулъ,
 Раздался въ рощѣ волчій вой,
 Пастухъ свои сладкій сонъ покинулъ,
 И жучка бросился съ нимъ въ бой;
 Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
 Другой за горло ухватилъ.
 Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
 Что черезчуръ перемудрилъ,

*) Т. е. латинское h, выговариваемое какъ русское x.

Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
 И волчимъ голосомъ сказался;
 Но Оирсь недолго размышилъ,
 Уборь съ него и кожу сняль.
 Я притчу всю короткимъ толкомъ
 Могу вамъ, господа, сказать:
 Кто въ свѣтѣ семь родился волкомъ,
 Тому лисицей не бывать.

ПРИЧИ.

I.

Жениться хорошо, да много и досады;
 Я слова не скажу про женскіе наряды:
 Кто милъ, на томъ всегда пріятенъ и уборъ,
 Хоть правда, что при томъ и кошелекъ не споръ
 Всего несноснѣе противные совѣты,
 Упрямая слова и спорные отвѣты.
 Примѣръ намъ показалъ недавно мужичокъ,
 Котораго жену въ водѣ постигнулъ рокъ.
 Онъ къ берегу пришель, увидѣлъ тамъ сосѣда,
 Не усмотрѣлъ ли онъ, спросилъ, утоншей слѣда?
 Сосѣдъ совѣтовалъ внизъ берегомъ идти,
 Что быстриня туда должна еe снести;
 Но онъ отвѣтствовалъ: я, братецъ, признаюсь,
 Что вѣкъ она жила со мною вопреки,
 То истинно теперь о томъ не сомнѣваюсь,
 Что потонувъ, она плыла противъ рѣки.

II.

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо разсудилось.
Онъ ѿхалъ на ослѣ, а слѣдомъ парень шелъ;
И только лишь съ горы они спустились въ долъ,
Прохожій осудилъ тотчасъ его на встрѣчѣ:
Ахъ, какъ ты малому даешь бресть столь далече?
Старикъ сошелъ съ осла и сына посадилъ,
И только лишь за нимъ десятокъ разъ ступилъ,
То люди начали указывать перстами:
Такими, вотъ, весь свѣтъ наполненъ дураками:
Не можно-ль на ослѣ имъ ѿхать обоимъ?
Старикъ къ ребенку сѣлъ и ѿдогъ вмѣстѣ съ нимъ.
Однако чуть минулъ мѣстечка половину,
Весь рынокъ закричалъ: что мучишь такъ скотину?
Тогда старикъ осла домой поворотилъ
И скуки не стерпя, себѣ проговорилъ:
Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То будеть и осла взвалить къ себѣ на плечи!

Изъ Анакреона.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди ~~для~~ покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.

Кто тамъ стучится смѣло?
 Со гнѣвомъ я вскричалъ;
 Согрѣй обмерзло тѣло,
 Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
 Чего ты устрашился?
 Я мальчикъ, чутъ дышу,
 Я ночью заблудился,
 Обмокъ и весь дрожу.
 Тогда мнѣ жалко стало,
 Я свѣчку засвѣтилъ,
 Не медливши ни мало,
 Къ себѣ его пустилъ.
 Увидѣлъ, что крылами
 Онъ машетъ за спиной,
 Колчанъ набить стрѣдами,
 Лукъ стянуть тетивой.
 Жалѣя о несчастьѣ,
 Огонь я разложилъ,
 И при такомъ ненастѣ
 Къ камину посадилъ.
 Я теплыми руками
 Холодны руки мялъ,
 Я крылья и съ кудрями
 До суха выжималъ.
 Онъ чутъ лишь ободрился,
 Каковъ-то, молвилъ, лукъ;
 Въ дождѣ чать повредился,
 И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
 Тутъ грудь мою пронзила
 Преострая стрѣла
 И сильно уязвила,
 Какъ злобная пчела.

Онъ громко разсмѣялся
 И тотчасъ заплясалъ:
 Чего ты испугался?
 Съ насмѣшкою сказалъ;
 Мой лукъ еще годится
 И цѣлъ и съ тетивой;
 Ты будешь вѣкъ крутиться
 Отнынъ, хозяинъ мой.

Изъ „Иліады“.

За здравіе твоє! Мы какъ бы у Атрида
 Твою, Ахиллесъ, здѣсь пищею довольны.
 Ты нась столомъ своимъ довольно угостиль.
 Не ради циршства къ тебѣ мы нынъ пришли:
 Насъ греческихъ полковъ погибель устрашаетъ
 И наши корабли едва ли уцѣлѣютъ.
 Уже тебѣ пора во крѣость облещись:
 Трояне близъ судовъ поставили свой станъ
 И ихъ союзники зажгли въ полкахъ огни,
 Грозятся купно всѣ, что съ брега не отступятъ.
 Пока до кораблей Ахейскихъ не достигнутъ,
 И, грянувъ, самъ Зевсъ, даегъ имъ добрый знакъ
 Надѣясь на него Пріамовъ храбрый сынъ
 Въ ужасной ярости всѣхъ грековъ презираеть
 И въ бѣшенствѣ своемъ боговъ не почитаетъ.
 Желаетъ, чтобъ заря скорѣе началась,
 И хвастаетъ отсѣчь всѣ носы у судовъ,
 И флотъ весь истребить, возжегши хищный пламень,
 И грековъ всѣхъ убить, смятенныхъ въ мрачномъ
 дымѣ.

Сего весьма страшусь, и чтобъ сему Зевесъ
 Такъ быть не попустилъ и не судилъ бы рокъ
 Полъ Троей умереть далече отъ Эллады.
 Какъ если хочешь ты, то стань за насть хоть поздно
 И греческихъ сыновъ избавь отъ сей бѣды.
 Ты будешь самъ тужить, какъ намъ случится зло,
 И радъ бы пособить, да способовъ не будетъ.
 Подумай, чтобы нынъ избыть отъ злой годины.

Изъ „Энеиды“.

Не стыдно ли ужъ вамъ сидѣть въ осадѣ снова
 И смерти ждать въ стѣнахъ? вы дважды взяты въ
 Троѣ.

Улисса нѣтъ у насть, у насъ Атридовъ нѣтъ.
 Жестокій нашъ народъ отъ роскоши бѣжитъ.
 Мы хладною водой младенцевъ укрѣпляемъ,
 Подрослые въ лѣсахъ всегда звѣрей гоняютъ.
 Но васъ багряная одежда украшаетъ,
 Вы любите плясать и въ роскошь отдаваться.
 Подите по горамъ Диндимскимъ за свирѣльми:
 Венера васъ зоветъ тимпаномъ и трубами;
 Оружіе свое мужчинамъ намъ отдайте.

Изъ Марціала.

На бѣлыхъ волосахъ у Аппія зима
 И лѣто на глазахъ, горящихъ отъ вина;
 Какъ пьетъ, то по носу фіалки расцвѣтаютъ

И точно тѣмъ весны средину представляютъ.
Какъ въ осень щеки всѣ брусники полны зрѣлой.
Не всякъ ли видѣть годъ изображенъ тутъ цѣлый?

Изъ Кальпурнія.

Ахъ, малко, безъ тебя лилей почернѣли
И ясныя струи и вина мнѣ противны;
Но если придешь ты, лилей побѣлѣютъ
И ясныя струи и вина будуть сладки.

Изъ Горадія.

Я знать безсмертія себѣ воздвигнуль
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотреть не можетъ,
Ни множество вѣковъ, ни юдка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Римъ владѣеть свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ *),
Гдѣ Давнусь царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатныи родъ препятствомъ не быть
Чтобъ внести въ Италію стихи эольски
И первому звенѣть Алцейской лирой.

*) Авфидъ — рѣка въ Апуліи, родинѣ Горадія.

Взгордися праведной заслугой, музъ,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ!

Изъ оды „на счастіе“ Ж. Б. Руссо.

(Строфы 4, 6, 7, 10, 11, 12).

Ты знай: герои совершенны
Премудростю въ свѣтъ даны;
Она лишь видѣть, сколь презрѣнны,
Что чрезъ тебя возведены.
Она ту славу презираеть,
Что рокъ неправедный рождаеть
Въ побѣдахъ слѣпотой своей;
Предъ строгими ея очами
Герой съ суровыми дѣлами
Ничто, какъ счастливый злодѣй.

Издревле, что обѣ васъ извѣстно,
О, хищники чужихъ державъ!
Жѣланье въ мірѣ всемъ не вмѣстно,
Попраніе вѣнчанныхъ главъ,
Огня и труповъ полны стѣны,
И вы въ пару кровавой пѣни,
Народъ пожранный отъ меча,
И въ шумѣ блѣдна мать великому,
Свою дочь тщится съ плачемъ, съ крикомъ,
Отнять съ насильнаго плеча.

Слѣпые мы судьи, слѣпые,
Чудимся таковыемъ дѣламъ!
Однѣ ли приключенія злыхъ
Даютъ достоинство царямъ?
Ихъ славѣ, бѣствами обильной,

Безъ брани хищной и насильной
Не можно развъ устоять?
Не можно божеству земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величествомъ блистать?

О вы, что въ добродѣтель чтите
Единъ въ войнахъ геройскій шумъ,
Себѣ Сократа возразите
За Клитова убивца въ умъ!
Вамъ будетъ царь въ немъ несравненный,
Правдивой кротостью почтенный,
Достойный алтаря во вѣкъ;
Тогда страшилище Эвфраты
Противъ вѣнчаннаго Сократа
Послѣдній будетъ человѣкъ.

Герои люты и кровавы,
Поставьте гордости конецъ,
Рожденной отъ воинской славы,
Забудьте лавровый вѣнецъ.
Напрасно Рима повелитель
Октавій, свѣта побѣдитель,
Навелъ въ его предѣлы страхъ;
Онъ Августомъ бы не нарекся,
Когда бы въ кротость не облекся
И страха не скончалъ въ сердцахъ.

О воины великосерды,
Явите вашихъ лучъ добротъ;
Посмотримъ, сколь тогда вы тверды,
Какъ счастье возьметъ поворотъ.
Когда то къ вамъ великодушно
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпить;

Но только лишь оно отстанеть,
Геройска похвала уянеть
И смертныи будеть всѣмъ открытъ.

Изъ поэмы Петръ Великій.

I.

Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой вель войну
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ попралъ против-
ныхъ,

Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льсти-
выхъ;

Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сер-
дечна

И полонъ ревности спѣшить въ восторгѣ дихъ
Петра Великаго гласить вселенной вслухъ
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насть неслыханы отъ вѣка,
Съ какимъ усердиемъ отечество любя,
Ужасныи подвергалъ опасностямъ себя.

Да, на его примѣръ и на дѣла велики,
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны вла-
дыки,
Познаютъ, что монархъ и что отецъ прямой,

Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой.
Дабы россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ снабдить,
Велика дщерь его *) щедротой оживить.

II.

Буря на Бѣломъ морѣ.

Уже бѣлѣя понть передъ Петромъ кипитъ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса;
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные, имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной наасти,
На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ
Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ;
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ;
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ ле-
тѣль;
Въ сердцахъ великой страхъ сугубять скрипомъ
снасти...

Собои они красны, собои они велики.
Отважась въ долгій путь, гдѣ трудности толики,
Ищу, чтобы иногда имѣть себѣ покой,
Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мною,
Дабы яснѣе зреТЬ съ высокихъ мѣстъ и красныхъ

*) Т. е Елизавета Петровна.

Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ
ужасныхъ,

Я на земли стою, но страхомъ колебаюсь
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ обрушась на Петра.
Но промыслъ въ глубину десницу простираеть;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ ровныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ
прахъ;

Однако доскаакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ кончаетъ бѣгъ, лѣть токи потовыя—
Такъ Сѣверъ, *) укротясь, внословѣдни возстеналъ.
По усталымъ валамъ попть пѣну разстилалъ;
Исчезли облака; сквозь воздухъ въ Югѣ чистый
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ беспокойныхъ водъ;
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутись печальна Уна,
Медлентельно течетъ въ объятія Нептуна.

Тогда пловущимъ Петръ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаванье сіи слова вѣщалъ:
„Какая похвала россійскому народу
Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду!
Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ,
Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.
Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама

*) Т. е. сѣверный вѣтеръ.

И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
Герои на моряхъ, Колумбъ и Магелланъ,
Сколько много обрѣли безвестныхъ прежде странъ;
Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невѣжды,
Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
Бездонный океанъ травой какъ лугъ покрыть;
Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ гро-
зить.
Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портить въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ
злѣе.

Лишаетъ долгій зной здоровья и ума,
А стужа въ сѣверѣ ничтожить вредъ сама.
Самъ ледъ, что кажется столь грозенъ и ужасенъ,
Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопа-
сенъ.
Колумбы росскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворять на востокъ
И наша досягнетъ въ Америку держава“ *).

III.

Подводное царство.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,

*) Говорится о проходѣ въ Америку вдоль сѣверного берега Сибири.

Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ
 И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
 Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи;
 Отъ сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ
 И воду вихрями крутятъ и кверху бьють,
 Предшествуя царю пространныя пучины,
 Что двинулся къ Петру ошибкою повинный,
 Изъ глубины своей, ~~гдѣ~~ царствуетъ на днѣ.
 Въ недосягаемой отъ смертныхъ глубинѣ,
 Между высокими камнистыми горами,
 Что мы по зрѣнію обыкли звать мелями,
 Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
 На томъ сего царя палаты и престолъ.
 Столы вокругъ его— огромные кристаллы,
 По коимъ обвились прекрасные кораллы.
 Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
 Превосходящихъ цвѣть дуги межъ тучъ густыхъ,
 Что кажется, укротясь, намъ громовая буря;
 Помость изъ аспида и чистаго лазуря;
 Палаты изъ одной изсѣчены горы;
 Верхи— подъ чутуей великихъ рыбъ бугры;
 Уборы внутренни— покровъ черепокожныхъ,
 Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
 Тамъ тронъ— жемчугами усыпанный ятарь; !
 На немъ спдить волнамъ сѣдымъ подобенъ царь,
 Въ заливы, въ океанъ десницу простираетъ,
 Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
 Одежда царская порфира и виссонъ,
 Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
 Ни мразы, ни борей туда не досягаютъ,
 Лишь солнечныя лучи сквозь влагу проникаютъ.

IV.

Картина Ладожскаго озера.

Принесши плодъ, земля лишилась лѣтней пѣги;
 Разносять блѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги:
 Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу борей,
 Дожди и снѣгъ и градъ трясеть съ сѣдыхъ кудрей,
 Наводить на воды глубокія морщины.

Сквозь мглу ужасень видѣть нахмуренныи пучины;
 Смутившись тягостю его замерзлыхъ крылъ,
 Крутится и кипитъ съ водой на берегъ плѣ.
 Волнами свержены, встрѣчаютъ гору волны
 И скачутъ вокругъ нея, печальныхъ знаковъ полны,
 Между запасами колеблется тамъ дубъ,
 Между спарядами пловцевъ россійскихъ трупъ;
 Тамъ кормы, дна судовъ разсыпаны, разбиты...
 Монархъ, узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ не-
 сытый,

Вздохнулъ изъ глубины и бурѣ запрещалъ,
 И въ сердцѣ положилъ великий трудъ — каналъ,
 Дабы россійскою могущею рукою
 Потоки Волхова соединить съ Невою.

Тамира и Селимъ^{*}).

Трагедія въ пяти актахъ.

Дѣйствие въ Крыму, въ Кафѣ; лица: Муметъ, царь Крымскій, Мамай, царь Татарскій, Тамира, дочь Муметова, Селимъ, царевичъ Багдадскій, Нарсимъ, братъ Тамирина, Надиръ, братъ Муметовъ, Зайсанъ, визирь Муметовъ, Клеона, мамка Тамирина, два вѣстника и воины. Содержаніе трагедіи состоится въ томъ, что Селимъ осадилъ съ войскомъ Кафу, ханъ которой Муметъ обѣщалъ съ супружество Мамаю свою dochь и послать къ нему на помошь Нарсима съ войскомъ. Въ началѣ трагедіи ни Мамая, ни Нарсима еще нѣть. Селимъ видѣлъ на стѣнахъ Тамиру и полюбилъ ее и любимъ взаимно; вслѣдствіе этого онъ готовъ дать миръ Мумету и вступаетъ съ нимъ въ союзъ.

Такъ начинается эта трагедія. Тамира въ первомъ явленіи съ Клеоной говорить:

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ,
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной погодѣ;
Любезна тишина мпнула въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовиться къ отпору

^{*}) Для ознакомленія съ трагедіями Ломоносова мы по-
мѣщаемъ одну изъ нихъ въ пересказѣ К. С. Аксакова (Соч.
К. Аксакова, т. II); онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приводить и все
почему либо замѣчательныя ея мѣста.

И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣль.
 Селимъ полки свои возвель на ближнюю гору,
 Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣль.
 На гору, какъ орель, всходя онъ возносился,
 Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
 И быстрый конь подъ нимъ какъ бурный вихрь
 крутился,
 Селимово казаль проворство тѣмъ и власть.
 Онъ ёздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной почї
 Закрыла отъ меня поля, его и строй.
 Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
 Однако видѣла его передъ собой;
 Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:
 Смущался мысльми сонъ, смущались мысли сномъ:
 Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,
 Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
 Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
 Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ
 И стрѣлы пущены уже подъ облаками
 Направленными вслѣдъ стрѣлами разсѣкаль.

Она усылаетъ Клеону смотрѣть, не началось ли
 сраженіе; оставшись одна, она старается себя увѣ-
 рить, что противникъ ихъ не Селимъ, а отецъ его,
 который послалъ его противъ Мумета, и невольно
 увлекается на другую сторону, все думая о Се-
 лимѣ:

Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
 Сыновияя любовь и должности велять.
 И какъ родительской не согласиться волѣ?
 Отецъ его, отецъ, не онъ намъ супостатъ!

Онъ счастливъ, что ему есть въ старости замѣна.
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
И ежель есть сестра, то сколь она блаженна,
Что съ лѣта младенческихъ съ нимъ купно воз-
расла!

Но сколь родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!

Клеона возвращается и говорить, чѣо Селимъ
кажется идетъ прочь отъ Крыма. Тамира, еще не
признаваясь Клеонѣ въ любви, говорить, что вѣрно
какой нибудь предатель измѣнилъ Селиму.

Или отецъ обятье нечаянно воиной
И требуетъ себѣ его на помочь силъ.
Я чаяла конца и по паденьи мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнь оставшій прахъ,
Мнѣ будеть слѣдоватъ во узахъ за Селимомъ
И при Эвфратскихъ жить невольницей брегахъ.

Клеона, видя ея смущеніе, спрашиваетъ—отчего?

Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обезпокоили младую мысль во снѣ?

Наконецъ Тамира признается:

Что дѣлать мнѣ теперь, когда онъ прочь идетъ?
Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ
плыву,

И горы Крымскія отъ насть изъ виду скрылись!
 Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!
 Уѣдетъ о моей любви онъ неизвѣстенъ
 И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!

Клеона говорить, что Селимъ считаетъ блаженствомъ только —

Какъ стѣны падаютъ и города дымятся,
 Когда мечи блестятъ, течеть по копьямъ кровь.

Тамира отвѣчаетъ:

За пимъ бы слѣдоватъ ни горы мнѣ высоки,
 Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
 Ни копья, ни мечи, ниже кровавы токи,
 Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
 Любовію горятъ нерѣдко и герои;
 Отъ ней избавиться не можно никому.
 Кому любезнѣе сраженія и болѣ
 И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?
 Однако нынѣ онъ, послѣдуя Мамаю,
 Хотя въ Россійскій край пошелъ вооруженъ,
 Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрио знаю,
 Всѣ мысли клонить къ той, которой уязвленъ.

Муметъ приходитъ и возвѣщаетъ дочери о мирѣ съ Селимомъ и что Мамай назначенъ ей женихомъ.

Тамира отвѣчаетъ:

Что я съ младенчества родительскую волю
 Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;

Свою почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ.

Но просить его погодить по крайней мѣрѣ. Она остается одна и не знаетъ, что дѣлать. Такъ оканчивается первое дѣйствіе. Во второмъ дѣйствіи Селимъ вмѣстѣ съ Надиромъ; они видятся и съ изумленiemъ узнаютъ другъ друга: они вмѣстѣ были въ Индіи. Здѣсь является намекъ на прежнюю вѣкъ настоящаго дѣйствія лежащую жизнь Селима; это прекрасное мѣсто: оно обнаруживаетъ поэтическую природу. Не нужно для трагедіи, не нужно для хода дѣйствія знать, что Селимъ былъ въ Индіи. Но это совершенно поэтическое явленіе, когда бросается свѣтъ на другую, сюда не входящую жизнь человѣка, на другіе его дни; это даетъ знать, что была иная жизнь, иные годы, иные интересы — и въ невѣрномъ неопределенному свѣтѣ является другая часть многообразной жизненной дѣятельности человѣка, и невольно поднимается рядъ возможныхъ картинъ и возможныхъ явленій жизни; думаешь, что иначе жилъ человѣкъ, было для него другое время. Такое же поэтическое отступленіе встречается еще, когда упоминается о Дмитріи Донскомъ, о Куликовской битвѣ, о русскихъ вообще. Надиръ и Селимъ, сказали мы, узнали другъ друга.

Нарсімъ былъ также вмѣстѣ съ ними въ Индіи, гдѣ они не говорили другъ другу о своемъ происхожденіи. Во время ихъ пребыванія въ этой странѣ Надиръ выдавалъ его Селиму за своего собственаго сына.

Надиръ говорить:

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ сколь искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣ-
тель.

СЕЛИМЪ.

Сѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понынѣ мѣста воспоминаютъ,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя,
Хотя и никому твой царскій родъ незнаемъ,
Который и друзьямъ твоимъ былъ потаенъ.
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

НАДИРЪ.

На брань попечь съ Мамаемъ.
Однако онъ царемъ, не мной на свѣтъ рожденъ.

Селимъ признается Надиру въ любви своей къ Тамирѣ.

Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей рознь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя известна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобою.

Бывала-ль красота очамъ моимъ прелестна?
 Бывалъ ли нарушенъ любовью мои покой?
 Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые брамины
 Съ младенчества въ моей оставили крови:
 Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
 Имѣть недвижныи духъ и бѣгать отъ любви,
 Я больше, какъ рабовъ, имѣлъ себя во власти,
 Мой правъ былъ завсегда уму порабощенъ,
 Преодолѣнныя имѣлъ подъ игомъ страсти
 И мрака ихъ не зналъ, наукой просвѣщенъ.
 Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу,
 Но нынъ подъ общій я подверженъ сталъ законъ
 И мыслей быстраго сдержать не силенъ бѣгу,
 Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
 Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду:
 Любовь исторгнула изъ рукъ военныхъ мечъ,—
 Тамира, не полки, была защита граду,
 Ова мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ.

Селимъ говорить Надиру, что видѣлъ Тамиру на стѣнѣ, что онъ боролся съ тѣхъ поръ самъ съ собою, воевать ли съ Муметомъ или поставить миръ; онъ рѣшился было на первое —

Я въ руки принялъ мечъ; но сердце воопіяло:
 Селимъ, на то ли ты дерзаешь устремленъ,
 Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало

 И чтобы въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
 Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ сгущенный прахъ.

Приходитъ Тамира, видитъ Селима; Селимъ

говорить ей, что ее любить. Здѣсь прекрасные стихи:

Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и копья и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ посильный утихаетъ,
Удержанъ силою толикой красоты!

Онъ уговариваетъ ее соединиться съ нимъ, идти за собою:

Послѣдуи мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
Гдѣ вешніе всегда господствуютъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная тебя;
Царицу воспріять великую стекаясь,
Богинею почтить чудящійся народъ,
И красотъ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставить твой при-
ходъ.

Тамира открываетъ ему все и уходитъ. Является Муметъ и Зайсанъ. Селимъ объявляетъ Мумету, что залогомъ и печатью союза должна быть его дочь; Муметъ даетъ неопределенный отвѣтъ. Остаются Муметъ, Надиръ и Зайсанъ; Муметъ въ недоумѣніи тѣмъ болѣе, что Нарсимъ ненавидитъ Мамая; два послѣдніе даютъ противоположные соવѣты Мумету: Надиръ за Селима, Зайсанъ за Мамая. Прекрасны слова Надира, когда Зайсанъ угрожаетъ могуществомъ Мамая:

Что мѣру превзошло, стоитъ надъ стреминою,
 Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать:
 Безумна власть падеть своею тяготою;
 Что срамно приобрѣсть, срамище потерять.
 Видаль я быстрыя уже изсохши рѣки,
 Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
 Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
 Упали тягостью поверженныхъ враговъ.

Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
 Кто гонить одного, тотъ всякому грозить.
 Россію варварство его безчеловѣчно
 Изъ многихъ областей въ одну совокупить.
 На плачъ, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ
 стекутся;

Разсыпанныхъ враждой сбереть послѣдній страхъ.
 Какою силою въ единству облекутся,
 Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ:
 Сей вредные своей земли отмстивъ набѣги,
 Лавровымъ верхъ вѣнцемъ и царскимъ увѣнчалъ,
 А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
 Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріялъ.

Приходитъ вѣстникъ съ придонскихъ полей съ
 вѣстью, что Мамай побѣдилъ. Здѣсь стихи какъ-то
 отзываются въ стихахъ Озерова:

Одно несчастіе Мамая сокрушаетъ,
 Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
 Лежитъ и поля часть велику покрываетъ!

Въ третьемъ дѣйствіи является Мамай, бѣжав-

шій съ Куликова поля; онъ хочетъ скрыть свое пораженіе, онъ думаетъ, что погубилъ Нарсима, что некому сказать о его пораженіи; онъ разсказываетъ Мумету и другимъ о своей побѣдѣ и о томъ, что Нарсимъ остался еще на поляхъ российскихъ и что онъ (Мамай) пожаловалъ его краемъ:

Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

Является Тамира. Мамай объявляетъ ей о своемъ желаніи на ней жениться; Муметъ и Надиръ уходятъ; изъ отвѣта Тамиры Мамай замѣчаетъ что она его не любить, и объявляетъ ей это. Тамира говоритъ, что она любить другаго и удаляется. Изъ словъ Клеоны Мамай видѣтъ, что Тамира любить Селима. Мамай, оставшись одинъ съ Зайсаномъ, спрашиваетъ о Селимѣ. Зайсанъ ему разсказываетъ; Мамай приходитъ въ гиѣвъ и рѣшается отомстить Селиму. Они уходятъ. Выходятъ вновь Тамира и Клеона. Тамира усылаетъ Клеону и остается одна; она намѣрена бѣжать съ Селимомъ, борется сама съ собой и наконецъ рѣшается бѣжать съ нимъ. Она говорить:

Бѣги отсель, бѣги, Тамира, и спасайся,
Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ;
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ принять тебя на корабли готовъ.
Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плаватели всѣ направилися въ путь,
И небо искренней любви поспѣшаешь;

Уже намъ и борей способный началь дуть.

Отъ рока бѣгая на явныи рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой;
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной

Слѣши, слѣши отъ мѣсть, Мамаемъ зараженныхъ,
Слѣши за Понтъ, за Тигръ, за Нилъ, за океанъ.

Прости, дражайшее отечество, прости!—

Такъ оканчивается третье дѣйствіе. Въ четвертомъ дѣйствіи Зайсанъ объявляетъ Надиру, что онъ встрѣтилъ Тамиру бѣгущую къ судамъ Селима, воротилъ ее и ввелъ въ домъ; онъ хочетъ бѣжать объявить объ этомъ Мумету. Надиръ говоритъ:

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти.

Клеона приходитъ къ Надиру и разсказываетъ ему о горести и слезахъ Тамиры. Надиръ говоритъ, что подозрѣваетъ Мамая въ хитрости! Клеона говоритъ:

Для столь поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ въ городѣ прошелъ, что онъ совсѣмъ побить.

НАДИРЪ.

Всегда есть Божій гласъ—гласъ цѣлаго народа,

Устами онаго Всевышній говоритъ.
 Но пусть Мамай надъ всей вселенной торжествуетъ,
 Однако счастливъ быть не можетъ бракъ такой,
 Когда сама любовь противъ него враждуетъ.
 Совмѣстно-ль варварству съ столь нѣжной красотой?
 Возможно-ль въ сей тоскѣ Тамирѣ укрѣпиться
 И сердца своего движенья утолить?

КЛЕОНА.

На страсть ея смотря и небо возгорится
 И не умѣлить зла толикаго отмстить.

НАДПРЪ.

Горами потрясетъ и воспалить пожары,
 Или опустошить повѣтремъ луга,
 Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
 Потопомъ скверные очистить берега.

КЛЕОНА.

Народную молву преумножаютъ знаки,
 Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда,
 Миѣ кажутся во снѣ ужасные призраки
 И врановъ, какъ на групѣ, слетаются стада.

НАДИРЪ.

Хоть радостенъ Муметь, но войска не имѣть;
 Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ
 вновь?

Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣеть
 Озлобить мечъ въ рукѣ держащую любовь.
 Мамая гордый духъ чѣмъ болыше возвышаетъ,
 Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
 На пышны горъ верхи громъ чаще ударяетъ.
 Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жить.
 Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
 Гдѣ рѣдко молнии возможно досягать.
 Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
 Кто-бѣ завтрашне себѣ могъ счастье обѣщать.
 На лживость онаго никто не полагайся:
 Что угромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
 Никто въ несчастії спасенья не отчайся:
 Что вечеръ низложилъ, то утро вознесеть.
 Неутолимыи рокъ все коломъ обращаетъ,
 Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
 Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
 И тѣхъ съ собой влечеть, что снизу шли за нимъ
 И симъ смущаются лишь только подлы души,
 Которы, на морской волнами шумный путь
 Смотря, колеблются съ недвижимыя суши
 И чаютъ на брегу высокомъ потонуть.
 Едина видитъ то съ прозорствомъ добродѣтель;
 Среди громовъ и бурь недвижимо стоитъ;
 Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель,
 Хоть міръ обрушится, безстрашну поразить.

Приходитъ Селимъ и узнаетъ, что Тамира поймана на пути къ нему; онъ говоритъ, что вновь обратить воинство противъ города.

Ударить женскій стонъ ~~здесь~~ вмѣсто пѣсней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.

Наконецъ онъ оставляетъ это намѣреніе и хочетъ драться съ Мамаемъ; онъ отвѣчаетъ Надиру:

Владѣеть нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ,
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ,

То лучше мнѣ избрать себѣ похвальную часть.
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тьмѣ безславія кончаютъ долгій вѣкъ?
Добротами всходить на верхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человѣкъ.

Надиръ его удерживаетъ, говорить ему обѣ его родителяхъ:

Они во срѣтенье давно къ тебѣ взираютъ
И простираютъ мысль чрезъ горы и валы
И въ нетерпѣніи минуты всѣ считаютъ,
Твоей насытиться желая похвалы.—
Возобнови свои премудрые уставы,
Которымъ прежъ сего себя ты покорялъ,
И вспомни прежніе свои на сей часъ нравы,
Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ.

Селимъ отвѣчаетъ:

Ужъ я не тотъ Селимъ...

Является Мамай; между нимъ и Селимомъ заявывается жаркий споръ; они бросаются драться другъ съ другомъ, но ихъ разнимаютъ.

Въ пятомъ дѣйствіи Муметъ объявляетъ Тамирѣ, что она должна соединиться съ Мамаемъ. Клеону же приказываетъ бросить въ темницу. Надиръ утѣшаетъ Тамиру и говоритъ:

Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ
И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣлъ,
Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ внизъ летѣлъ.

Приходитъ вѣстникъ и разсказываетъ о поединкѣ Селима съ Мамаемъ:

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;
Какъ туча мрачная Мамай ярясь смутился,
Отъ глазъ быль блескъ, какъ валъ морской горить
въ ночи,

Надежда на лицѣ Селимовомъ блестала
И въ мужествѣ была пріятна красота.
Всѣдѣ рука его Мамая угѣсняла;
Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
Едва отъ скорыхъ опъ ударовъ укрывался
И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ,
Уже и отступалъ и къ бѣгу порывался;
Но руку сильную занести въ размахъ Селимъ,
Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами,
Распался разомъ щитъ и конска голова.

Въ то время какъ Селимъ одолѣвалъ Мамая,

прибѣжалъ Мамаевы мурзы и бросились на Селима. Вѣстникъ въ это время оставилъ мѣсто поединка; Насиръ уходитъ мстить за Селима, а Тамира остается одна; она увѣрена, что Селима больше нѣть; она говоритъ, что ей нѣть отрады—
Одно спасенье мнѣ не ожидать спасенія.

Все это мѣсто вообще прекрасно. Она рѣшается слѣдовать за Селимомъ:

И смерть зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаетъ.

Что должно потерять, то должно презирать.
Зачѣмъ рука моя конца не ускоряетъ?
Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
Когда-бъ нашъ вѣкъ продлить изволилось судьѣ;
Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться:
Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ.

Она хочетъ заколоться. Въ это время являются Селимъ и Нарсимъ; они говорятъ, что Мамай убитъ. Приходитъ и Муметъ съ прочими. Нарсимъ разсказываетъ о пораженіи на Куликовомъ полѣ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно,
Какое предпріялъ Мамай, тиранъ и льстецъ.
Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце
лучъ.

Въ густой крови кипя, тряслась земля багрова
 И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ.
 Ужъ поле мертвыми наполнилось широко,
 Непрядва, трупами спершись, едва текла.
 Равличный видъ смертей тамъ представляло око,
 Различнымъ образомъ повержены тѣла:
 Иной съ размаху мечъ занесъ на супостата,
 Но прежде прободенъ, удара не скопчалъ;
 Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата,
 Но мертвый на корысть желанную упалъ;
 Иной, отъ сильного удара убѣгая,
 Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонеть подъ ко-
 немъ;

Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая,
 Иной врага повергъ и умеръ самъ на немъ...
 Россійскіе полки отсюду утѣснены,
 Казалось, что въ плѣнъ сдадутся иль падутъ.
 Мамаи растерзаны противныхъ видя члены
 Великой гордостью, промолвилъ мнѣ: падутъ!
 Нарсимъ, Дмитрія во узахъ предо мною,
 Когда онъ живъ еще, немедленно поставь;
 Но ежели онъ мертвъ, съ противничей главою
 Поспѣшино возвратясь, мнѣ радости прибавь!
 Я, будучи его тобою отданъ волѣ,
 Не медля поскакалъ къ россійскому полку
 Дмитрія искать въ его стану и въ полѣ;
 По трупамъ перешелъ кровавую рѣку;
 Со всѣхъ сторонъ коня внезапно окружили
 Избранны воины Мамаевыхъ полковъ
 И тѣхъ, что кругъ меня вооруженны были,
 Дерзнули сѣчь. Я тутъ узналъ проклятый ковъ.
 Узналь, что не вотще его я опасался
 И къ защищению себя вооружилъ.

Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся
И стрѣлу на меня въ свирѣпости пусгилъ.
Она, пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

МУМЕТЬ.

Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

НАДИРЪ.

Трепещетъ грудь моя!

СЕЛИМЪ.

Сколь близко быль къ кончинѣ!

НАРСИМЪ.

Внезапно шумъ возсталъ по воинству вездѣ.
Какъ туча бурная, ударивъ отъ пучины,
Ужасный въ воздухѣ рождаетъ бѣгомъ свистъ,
Реветь и гонить мглу чрезъ горы и долины,
Возносить отъ земли до облакъ легкій листъ,
Такъ сила россская, поднявшись изъ засады,
Съ внезаннымъ мужествомъ пустилась противъ
насъ;

Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой гласть.
Во срѣтенье своимъ россияне вскричали,
Великій воснылаль въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полки, увидѣвъ, встрепетали
И ужасъ къ бѣгствию принудилъ всѣхъ татаръ.
Убийцы отъ меня для страху удалились.

Я кверху смутные возвель свои глаза.
 Тогда надъ росскими полками отворились
 И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
 Ударилъ громъ на насъ, по онъмъ поборая,
 И подалъ знакъ, что Богъ на помошь имъ идетъ;
 Глазами я искалъ и не нашелъ Мамая,
 Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему вослѣдъ.
 Внимая страшный стонъ, съ холма я оглянулся,—
 Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
 Увидѣлъ купно всѣхъ поиранныхъ, ужаснулся;
 Мамаю отомстить за все я зло сѣшиль.

МУМЕТЬ.

О счастье лѣстивое! какъ души осѣдилашь.
 Тамира, я тебя напрасно озлобляль!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ животъ съ надеждой возвращашаешь!

СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мои соперникъ падъ!
 И очи, государь, мои тѣмъ насладились,
 Что отнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
 Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
 Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
 Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
 Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣть,
 Однако я стоять противъ вооружился
 И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
 Тотчасъ тутъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима,

Который яростью къ Мамаю устремленъ
Легъль къ отмщению колеблемаго Крыма.
Онъ тяжко возсленалъ, мечемъ сквозь грудь прон-
зенъ.

Какъ тигръ ужъ на копытъ, хотя ослабѣваетъ,
Однако, посмотрѣвъ на раненый хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ
И ратовище, злясь, въ себѣ зубами рветъ,
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою,
Но паль и, трясучись, о землю тыломъ биль.
Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ,
Разинулъ челюсти, но, гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Остались истребить огнемъ послѣдній адъ.

Муметь соединяетъ Селима и Тамиру, прощаетъ
Клеопу,— и трагедія оканчивается.

Изъ письма о пользѣ стекла.

(Генералу-поручику Ивану Ивановичу Шувалову
1752 г.).

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтуть ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блестающихъ въ глаза:
Не меныше польза въ немъ, не меныше въ немъ
краса.

Нерѣдко я для той*) съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,

И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь;
Пою передъ тобою въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу,
И какъ я оное хвала воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю:
Не должно тленности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено,— огонь его родитель.

Съ патурой никогда онъ произвѣстъ хотя
Достойное себя и оныя дитя
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби затворилъ,
Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ,
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навель густую тѣнь
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворного здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этина правѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ неї разженнай рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчалсь, мниль, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдоваль конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,

*) Т. е. пользы; у Ломоносова была фабрика разныхъ стеклянныхъ издѣлій.

И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что-жъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло!

Когда неистовый свирѣпствуя Борей*)
Стѣсняетъ мразомъ насть въ упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемѣны.
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Опь былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть,
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ то же отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?!

Такъ въ бисерѣ стекло подобаясь жемчугу,
Любимо по всему земному ходить кругу.
Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,
Имъ красится арабъ на южныхъ берегахъ.
Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, простаки,
Что тамъ драгой мегаллъ изъ сребряной рѣки
Даютъ Европскому купечеству охотно
И бисеру берутъ количество несчетно;
Но тѣмъ, я думаю, они разумнѣй настъ,
Что гонять отъ своихъ бѣдамъ причину глазъ;
Имъ оны времена не будутъ ввѣкъ забвены,
Какъ пали ихъ отцы для злата побіенны.
О сколь ужасно зло! На то ли человѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?
На то ли, разрушивъ естественны предѣлы,
На уломъ деревѣ обшелъ кругомъ свѣтъ цѣлый?

*) Сѣверный вѣтеръ.

За тѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,
 Чтобъ тамъ себя явить свирѣпаго врага?
 По тягостномъ трудѣ, спесенномъ на пучинѣ,
Губ предалъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,
 Едва на твердый путь отъ бурь избыть успѣль,
 Военпой бурей онъ внезапно зашумѣль.
 Уже горягъ царей тамъ древній жилища;
 Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ
 пища;

И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
 Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ трупамъ въ
 ровъ.

Съ перстнями руки прочь и головы съ убранствомъ
 Сѣкуть несытые и златомъ, и тиранствомъ.
 Иныхъ, свирѣпствуя, въ средину гонять горъ
 Драгой металлъ изрыть изъ преглубокихъ норъ;
 Смятеніе и страхъ, оковы, гладъ и раны,
 Что наложили имъ въ работѣ ихъ тираны,
 Препятствовали имъ подземну хлябъ крѣпить,
 Чтобъ тягота надъ ней могла недвижна быть.
 Обрушилась гора: лежать въ ней погребены
 Безсчастные, или по истиинѣ блаженны,
 Что вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
 Работы тяжкія, ругательства и мукъ!

О, сколь великій вредъ! Отъ зла рождалось зло.
 Виной толпкихъ бѣдъ бывало ли стекло?
 Никакъ! Оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ,
 Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.

По долговременному теченьи нашихъ днед
 Тупѣеть зрѣніе ослабленныхъ очей.
 Померкшее того не представляетъ чувство,
 Что кажется въ тонкостяхъ натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ,

Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ;
 Тогда противень дены; веселіе досада;
 Одно лишь памъ стекло въ сей бѣдности отрада.
 Оно способствиемъ искусныя руки
 Подать намъ зрење умѣеть чрезъ очки!
 Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
 Что честь достойную воздать ему косящемъ?

Хоть острѣмъ взоромъ настъ природа одарила,
 Но близокъ онаго конецъ имѣеть сила.
 Кромѣ, что вдалекѣ не кажеть намъ вещей,
 И собраныхъ трубой онъ требуетъ лучей;
 Сколь многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
 Которыхъ малый ростъ предъ нами скрываетъ!
 Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ от-
 крылъ,

Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
 Сколь тонки члены ихъ, суставы, сердце, жилы,
 И первы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
 Не меныше, пежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
 Настъ малый червь частей сложеніемъ дивить.
 Великъ Создатель нашъ въ огромности пебесной!
 Великъ въ строеніи червей, скудели тѣспой!
 Стекломъ познали мы толики чудеса,
 Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ и лѣса.
 Прибавивъ ростъ вещей, оно сколь намъ потребно,
 Являетъ травѣ разборъ, и знаніе врачебное;
 Сколь много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
 Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жиль!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
 Хотятъ предвозвѣщать, сколь скоро будутъ вѣтры;
 Сколь скоро дождь густой на пивахъ замутить,
 Иль, облака прогнавъ, ихъ солнце оставитъ.

Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможеть намъ, и дѣло совершиется.
Открылись точно имъ движенія свѣтиль,
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силь.
Сколь могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горь златыхъ достойно!
Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ,
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣ-бы укрыться,
Причины оного изслѣдоватъ страшится,
Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Вертясь, стеклянный шаръ даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовыми сходственнымъ сверканiemъ и трескомъ.

Дивился сходству умъ, но видя малость силь,
До лѣта прошлаго*) сомнителенъ въ томъ былъ,
Довольствуя одни чрезъ любопытство очи,
Искаль въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дня и ночи,
И больше въ томъ одномъ раченія имѣль,
Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣль,

*) Т. е. лѣта 1752 г., когда въ Россіи сдѣлалось известнымъ открытие Франклиномъ воздушнаго электричества.

И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вождѣнны.
 О сколь со древними дни наши несравненны!
 Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течеть,
 Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ иѣть,
 Что та же сила тучъ гремящихъ мракъ наводить,
 Котора отъ стекла движеніемъ исходить,
 Что зная правила, изысканы стекломъ,
 Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
 Единство оныхъ силъ доказано стократно:
 Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
 Тогда обѣ истинѣ стеклоувѣритъ насть,
 Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?

Письма къ И. И. Шувалову.

I *).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое вашего превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непрѣблномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненный монархии нашей, которую я вашимъ отеческимъ представительствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія

*) Писано по поводу опасеній Шувалова, что Л—въ, получивъ въ награду имѣніе, станетъ менѣе заниматься науками. Оно прекрасно выражаетъ врожденную любовь къ знанію, которой не могли заглушить никакія препятствія.

къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, кото-
рую я ~~да~~ наукъ терпѣль добровольно, отвратить
не умѣла. Не примите, ваше превосходительство,
мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе
представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спас-
сихъ школахъ *), имѣль я со всѣхъ сторонъ
отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія,
которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную
 силу имѣли. Съ одной стороны, огецъ, никогда дѣ-
тей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи
одинъ, его оставилъ, оставилъ все довѣрство (по
тамошнему состоянію), которое онъ для меня кро-
вавымъ плотомъ нажилъ и которое послѣ его смерти
чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная
бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья,
нельзя было имѣть на проиштаніе въ день больше,
какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, про-
чее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ
образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ.
Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца
достатки, хорошие тамошніе люди дочерей своихъ
за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ быт-
ность предлагали; съ другой стороны школьніи
малые ребята кричатъ и перстами указываютъ:
смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать при-
шелъ латынѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взять я
въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жало-
ванье получать противъ прежняго въ сорокъ разъ.
Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропор-
ціи своей умножило охоту, хотя силы мои пре-
дѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше пре-

*) Земконоснасское училище въ Москвѣ.

восходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣнїи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили-бъ, что музы... кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣнїи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Бойля *), который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана **), который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. По приказанію вашему все исполнить на премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаиль Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Мая 10 дня 1753 года.

*) Англійскій физикъ.

**) Философъ, у котораго Л— въ учился въ Марбургѣ.

***) Ирландскій медикъ.

II *).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Полученное вчерашняго числа отъ 24 мая письмо вашего превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнныи знакъ особливої вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ некоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ-подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца хотя

*) Отвѣтъ на письмо Шувалова, который удостовѣрился, что Л—въ наукъ не оставить. Л—въ, благодаря за эту увѣренность, представляетъ вмѣстѣ и отчетъ о своихъ занятіяхъ.

по чатурѣ доброго человѣка, однако въ крайнемъ
невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую
мачиху, которая всячески старалась произвести
гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда
сижу то-пустому за книгами. Для того многократно
я приужденъ былъ читать и учиться, чему воз-
можно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ,
и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спас-
скія школы. Нынѣ, имѣя къ тому по высочайшей
императорскаго величества милости совершен-
ное довольство, вашимъ отеческимъ представитель-
ствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе ваше и дру-
гихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее
въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское
нессовершенного возраста разсужденіе, могу ли я
нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить
передъ моимъ дѣтствомъ? Однако перестаю сими
представленіями утруждать вашу терпѣливость, вѣ-
дая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того до-
ношу вашему превосходительству о томъ, что по-
хвальная наша къ наукамъ охота требуетъ. Во-
первыхъ, что до электрической силы надлежитъ,
то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма
недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ ма-
шину, а другой мною въ тучѣ: первый, что Му-
шенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно
переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ ма-
шины въ знатное разстояніе около цѣлой версты,
чему описание и рисунокъ при семъ сообщаю. Вто-
рое примѣтилъ я у своей громовой машины, 25-го
числа сего апрѣля, что безъ грому и молни, чтобы
слышать или видѣть можно было, нитка отъ же-
лѣзного прута отходила и за рукою гонялась; а

въ 28-е число того же мѣсяца при прохождѣніи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ; что еще ~~видѣ~~ не примѣчено, и съ мою давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею обѣ электрической силѣ весьма согласно, п мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу сть онай происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдѣтъ, обѣ ускореніи которой вслчески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ, что ваше превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томъ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должностіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, готовить публично рѣчи и диссертациі, и виѣ онай сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на свое мѣсто языкѣ и исторію своего отечества, п долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Вирочемъ удостовѣряясь много-кратно, сколь охотно слушаете ваше превосходительство разговоры о паукахъ, весьма жадно ожи-

даясь въ скорѣе увидѣть въ печати то, что вы сочтете достойнымъ для публикации. Помилуйте, я не могу безъ благодарности оставлять виѣ, ибо я не знаю, какъ иначе выразить свою признательность за то, что вы сочли меня достойнымъ для обѣщанія, и что вы сочтете мое письмо достойнымъ для публикации. Помилуйте, я не могу безъ благодарности оставлять виѣ, ибо я не знаю, какъ иначе выразить свою признательность за то, что вы сочли меня достойнымъ для обѣщанія, и что вы сочтете мое письмо достойнымъ для публикации.

даю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашему желанію пришли вамъ не умѣдливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что для дѣланія себѣ электрической машины пе токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служать миѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шесть выставилъ. Какіе вашему превосходительству инструменты погребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію академическую именемъ вашимъ, для приказанія мастерамъ за тѣмъ, что всѣ по шабашамъ долго протянуть дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга мая 31 дня 1753 года.

III *).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не

*) Писано по случаю смерти профес. Рихмана. Въ томъ же году Л—въ сочишилъ „Слово о явленіяхъ воздушныхъ,

пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего іюля въ 26 числа въ первомъ часу по-полудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столѣ ставили дождался я парочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искорь, и къ тому припila моя жена и другія; и какъ я, такъ и онъ безпрестанно до проволоки и до привѣщенаго прута дотыкались, затѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щи простыпуть, а при томъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ пѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойного Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ зашыхавшись. Я думалъ, что его кто выбудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; опѣ чутъ выговорилъ: профессора громомъ зашибло. Въ самой возможной сгости, какъ силъ было много, прїѣхавъ, я увидѣлъ, что онъ ле-

отъ электричества происходящихъ», въ которомъ упоминается объ этомъ несчастномъ событии.

житъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лицо того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движение крови въ немъ возобновить за тѣмъ что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена, и больше пѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно, однако на шесть съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ биль сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертю, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ, но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ обѣ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради, ваше пре восходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ

наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградить, и я буду больше почтать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорѣніе прошу миловать науки и вашего превосходительства всепокорѣнішаго слугу въ слезахъ Михайла Ломоносова.

С.-Петербургъ 26 іюля 1753 года.

IV.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Получивъ отъ студента Чоповскаго переводъ первого письма Чопіева опыта о человѣкѣ, не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему превосходительству. Въ немъ нѣтъ ни единаго стиха, который бы мною былъ поправленъ. Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто ректорское послѣ ректора Ротгаккера, которое онъ весьма способно управлять можетъ, зная лагинскій языкъ совершенно и притомъ изрядно разумѣя греческій, французскій и нѣмецкій, о искусствѣ въ Россійскомъ сей примѣръ обѣ немъ свидѣтельствуетъ. Для того и профессоръ Фишеръ, который самъ былъ долго ректоромъ, весьма его къ сей должности одобряетъ. Шумахеръ хотя кажется видѣть, что то же хочеть дѣлать, однако отпюдь вѣрить нельзя и больше, чаю, противное сдѣлать намѣренъ. Публичное дѣйствіе послѣ Рихмановой смерти обѣщалъ неоднократно произвести въ дѣло и часто ко мнѣ при-

сыпалъ о поспѣшеніи, а какъ я нынѣ читалъ, то онъ сказалъ, что изъ Москвы не имѣетъ извѣстія, будетъ ли актусъ. Между тѣмъ слышалъ я отъ профессора Г., которому онъ сказалъ, что актусъ будетъ отложенъ. Академическое собраніе послѣсмерти Рихмановой и отѣзда Краценштейнова весьма мало осталось, состоя въ четырехъ профессорахъ, изъ которыхъ я съ неизмѣнныи глубокоочищеніемъ пребываю до смерти вашего превосходительства все-покорнѣйший слуга Михаилъ Ломоносовъ.

Авг. 23 дня 1753 г.

V.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Въ исполненіе приказанія, отъ вашего превосходительства въ нынѣшнемъ письмѣ присланного, не могу никоимъ образомъ отказаться цо вашему убѣждѣнію, почтая вашу неоднократно объявленную мнѣ волю. Итакъ, хотя *) учинить отпоръ моимъ ненавистникамъ, не знаю и весьма сомнѣваюсь, не больше ли я имъ благодарить и ихъ хвалить, не жели мстить и уничтожать, долженъ: благодарить за то во-первыхъ, что они меня своей хулой хвалить, и къ большему приращенію малой моей славы не пожалѣли себя опредѣлить въ Зонлы, что не за меньшую услугу себѣ почитаютъ; второе за то, что они подали причину вашему превосходительству къ составленію нынѣшняго вашего ко мнѣ письма, съ разными разсужденіями, до словесныхъ наукъ касающимися, которое бывшихъ и настоящихъ Зонловъ злобу въ ничто обращаетъ и въ которому я

*) Т. е. желая.

не столько заслуги, сколько свою должность вижу. Они стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія, для того, что они самихъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высоко-парные мысли, похвальный во всѣ вѣки и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя, унизить хотять. Для доказательства предлагаю вашему превосходительству примѣры, которыми основательное оправданіе моего имъ возможнаго подражанія показано быть можетъ. Изъ Гомеровой Иліады п. 5:

Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы,
Пошелъ и тѣмъ потрясь и лѣсы и бугры;
Трикраты онъ ступилъ, четвертый шагъ достиг-
нулъ

До мѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

Изъ Вирг. Энеиды кн. 3.

Едва онъ рѣчъ скончаль, великая громада
Съ горы къ водамъ идетъ среди овечья стада,
Ужасный Полифемъ, прескверный изувѣръ,
Исполненъ ярости и злобы выше мѣръ,
Лишася зрѣнія онъ дубъ несетъ рукою,
Какъ трость, и ищетъ тѣмъ дороги предъ со-
бою;

Зубами заскрипѣлъ и моремъ побѣжалъ,
Едва во глубинѣ до бедръ касался валъ.

Какъ сему Камоенсъ подражаетъ, можно видѣть въ моей Риторикѣ § 158. Кроме сихъ герон-ческаго духа стихотворцевъ и нѣжный Овидій исполненъ высокопарными мыслями:

Изъ Превращеній кн. 1.

Трикраты страшные власы встряхнулъ Зевесь,
Подвигнуль горы тѣмъ, моря и лѣсъ.

И изъ книги 15.

Я таинства хочу невѣдомыя пѣть,
На облакѣ хочу я выше звѣздъ взлетѣть,
Оставивъ низъ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою.

Симъ подобныхъ высокихъ мыслей наполнены
всѣ великие стихотворцы, такъ что изъ нихъ мож-
но составить не одну великую книгу. Того ради я
весъма тому радъ, что имѣю общую честь съ столь
великими людьми, и за великую честь почитаю съ
ними быть опороченъ неправо, напротивъ того за
великое несчастіе, ежели Зонлъ меня похвалитъ.
Я весъма не удивляюсь, что онъ въ моихъ одахъ
ни Пиндара, ни Малгерба не находится, для того,
что онъ ихъ не знаетъ и говорить съ ними не
умѣетъ, не разумѣя ни по-гречески, ни по-фран-
цузски. Не къ поношенію его говорю, но хотя ему
добroe совѣтовать за его ко мнѣ усердіе, чтобы
хоть одному поучился. Заключая сіе,увѣряю вѣ-
ше превосходительство, что я съ Перфильеви-
чемъ *) переписываться никогда памѣренъ не быть,
и нынѣ, равно какъ прежде сего, пародію его на

*) Ив. Перфильевичъ Елагинъ, сторонникъ партіи Ра-
зумовскихъ, боровшейся съ Шуваловыми за первенство
при дворѣ Елизаветы Петровны.

Тампру, всѣ противъ меня вамѣренія и движенія пропустилъ бы я безпристрастнымъ молчаніемъ безъ огорчевія, какъ похвалу отъ его учителя безъ честолюбиваго услажденія, если бы я не опасался произвести въ васъ неудовольствие ослушаніемъ. Но и еще при томъ прошу, ежели возможно, удовольствоваться тѣмъ, что сочинилъ г. Поповскій, почетній за свою должность по справедливости, что Перфильевичъ себѣ несправедливо присвояетъ. Данный мнѣ отъ него титулъ никогда бы я не оставилъ въ его стихахъ, если бы я хвастовствомъ моихъ зависниковъ не принужденъ былъ разсудить, что тѣмъ имѣемъ нынѣ ученику меня назвать можно, которымъ меня за двадцать лѣтъ учители мои называли. Всепокорнѣйше прошу извинить тѣсноту строкъ. Съ усердиемъ высокопочтаниемъ пребываю вашего превосходительства

всепокорнѣйший слуга
Михаило Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга. 16 окт. 1756 г.

VI.

Характеристика Шумахера.

Что я письмами вашего преосходительства нынѣ не оставленъ, сіе служить мнѣ къ великому утѣшению въ нынѣшихъ обстоятельствахъ. Совѣтникъ Шумахеръ, пренебрегая то, что онъ отъ его сіятельства господина президента присланымъ ордеромъ о произведеніи публичнаго акта изобличенъ былъ въ своихъ неправедныхъ поступкахъ въ

разсуждениі моей рѣчи, употребилъ еще вѣкъ коварные свои пропски для ея остановленія. Правда, что онъ всегда быть высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и всѣхъ профессоровъ гонитель и коварный и злопитостный приводчикъ въ несогласіе и враждованіе, однако нынѣ сталъ еще вдвое, имѣя двойные интересы, то есть пре-гордаго невѣжду высокомысленаго фарисея зятя своего Тауберта. Всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорять: не дай Богъ, чтобы академія доссталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой; обопѣкъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходит, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особенно профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ и нынѣ профессоровъ одного на другого подыщать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются. Я о всемъ писалъ къ его сіятельству господину президенту нарочито пространно и всепокорѣнѣше просилъ, чтобы сдѣлать конецъ двадцатилѣтнему бѣдному академіи состоянію и отбавить отъ приближающагося конечнаго разоренія. Между тѣмъ вѣась, милостиваго государя и отца, слезно прошу учинить съ науками въ Россіи великую милость, чтобы какимъ вами благоразсудится образомъ сіе общее благополучія ученыхъ препятствіе окончилось, воспослѣдовали бы уже давно отъ всѣхъ желаемая тишина и радость. По вашего превосходительства письмамъ разсуждаю, что вы графу К. Г. *) пристойнымъ образомъ о моемъ къ нему

*) Т. е. графу Кир. Гр. Разумовскому, тогдашнему президенту академіи.

письмѣ знать дать можете, которое на прошлой почтѣ къ нему послалъ. Сила и важность вся въ томъ состоитъ, чтобъ бѣзъ вѣдома профессорскаго никакія дѣла не отправлялись и его бы сіятельство ничего не апробовалъ *), что канцелярія безъ согласія собраній о томъ представитъ. Ибо кромѣ сего на что профессорскія собранія? На что ихъ голоса, когда Шумахеръ все смыслить, когда ему все повѣрить можно? *Все смыслитъ?* Боже мой! но онъ и въ главной своей охотѣ, въ рисованіи толку не знаетъ. Посмотрите на изображеніе Е. И. В., что на петербургскомъ плакатѣ. *Ему все поверить можно?* Правда: козлу капусту, овецъ волку! На него просили первые профессоры, призванные въ Россію Петромъ Великимъ, которыхъ онъ своими коварствами отовсюду вытѣснилъ и паше отечество лишилъ великия пользы; на него просили студенты въ правительствующемъ сенатѣ, какъ я былъ за моремъ, за что ему былъ жестокій выговоръ; на него просили снова студенты и канцелярскіе служители съ Нартовымъ въ ниспроверженіи наукъ и въ расточеніи казны, гдѣ онъ во многомъ изображенъ и только знатнымъ представительствомъ избавился. Наконецъ просили на него и всѣ профессоры обще и для того поручено было имъ правление ученыхъ дѣлъ до президента. При такъ великихъ примѣрахъ его злости, при томъ великому множествѣ свидѣтелей разнаго состоянія, разныхъ народовъ и въ такъ разныя времена обстоятельства, возможно ли сомнѣваться о безсовѣстномъ его поведеніи? Возможно ли ожидать цвѣтущаго

*) Одобрялъ.

наукъ состоянія? Возможно ли подумать, что все на него напрасно солгали, за тѣмъ, что онъ не повышеннъ? Сие столько же его оправдать можетъ, какъ публикованпаго бездѣльника князя Хованскаго, который многократно судей и права умѣль употребить къ своему закрытию и избавленію отъ петли. Не довольно ли о семъ увѣряеть вышеупомянутое Академіи бѣдное состояніе? Извините почти однѣ развалины, внутрь нѣть ничего, чтобъ академіею и университетомъ могло называться по примѣру иностраннныхъ и по несравненному великолѣпію монархии нашей. Я ожидаю какъ отъ его сіятельства господина президента, такъ и отъ вашего превосходительства скорой наукамъ помощи и за должность мою къ отечеству и за несказанныя щедроты Всемилостивѣйшія Государыни положить твердое и непоколебимое намѣреніе, чтобы за благополучія наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ, не пожалѣть всего моего временнаго благополучія, съ чѣмъ остаюсь непремѣнно.

Ноября 1 дня 1753 г.

VII.

Объ основаніи Московскаго университета.

Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношенiemъ правительствующему сенату къ великой моей радости я увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣлѣство произвести намѣрились къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю,

сколь много природное ваше несравненное дарование служить можетъ и многихъ книгъ членіе способствовать. Однако п тѣхъ совѣтъ вашему превосходительству не безполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не только видали, но и въ нихъ не сколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденія, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются. Того ради ежели Московскіи университеты по примѣру иностраннѣхъ учредить намѣряетесь, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради другихъ какихъ причинъ того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мнѣ милость и великодушіе, принимаю смылость предложить мое мнѣніе объ учрежденіи Московскаго университета кратко вообще.

1) Главное мое оспованіе, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради несмотря на то, что у насть нынѣ неѣть довольства людей ученыхъ, положить въ планѣ профессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольноное число. Сначала можно проняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собрапіе университетской библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скучный и узкій планъ по скучности ученыхъ, послѣ какъ размежуется, онъ снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы.

2) Профессоровъ въ полномъ университѣтъ мень-

и не ~~дѣлающими~~ быть не можетъ въ трехъ факультетахъ.

Въ Юридическомъ три:

I. Профессоръ всей юриспруденціи вообще, который учитъ долженъ натуральныя и народныя права, также и узаконенія Римской древней и новой имперіи.

II. Профессоръ всей юриспруденціи россійской, который кромѣ вышеписанныхъ долженъ знать и преподавать внутреннія государственныя права.

III. Профессоръ политики, который долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣка и какъ состоять въ нынѣшнее время.

Въ Медицинскомъ три же:

I. Докторъ и профессоръ химіи,

II. Докторъ и профессоръ натуральной исторіи,

III. Докторъ и профессоръ анатоміи.

Въ Философскомъ шесть:

I. Профессоръ философіи { *)

II. " физики { *)

III. " ораторіи { **)

IV. " поэзіи { **)

*) Здѣсь (кажется рукою Шувалова) поставлено противъ обѣихъ строкъ: 1.

**) Противъ обѣихъ строкъ написано: 1.

V. Профессоръ исторіи

VI. древностей и критики. })

3) При университѣтѣ необходимо должна быть гимназія, безъ которой университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ. Объ ея учрежденіи хотѣлъ бы я кратко здѣсь вообще предложить, но времени краткость возвращаетъ.

Не въ указъ вашему превосходительству совѣту не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый планъ предложить могу непремѣнно, съ глубокимъ высокопочтапіемъ пребывая.....

1754 г. Май.

VIII.

По приказанію вашего высокопревосходительства сыскалъ такого человѣка, который въ состояніи въась удовольствовать историческими переводами и экстрактами съ Россійскаго языка на французскій. Модрахъ, профессоръ исторіи, надѣюсь, вамъ извѣстенъ, который по-французски искусень и Россійскій языкъ основательно знаетъ, весьма желаетъ услугить симъ трудомъ вашему высокопревосходительству и уже началъ дѣлать экстрактъ изъ Камчатской исторіи, въ чёмъ могу ему спомоществовать моимъ совѣтомъ и для переписки набѣло употребить студентовъ. Мои манускрипты могутъ нынѣ

*) Шуваловъ противъ обѣихъ строкъ подписалъ: „геральдика“. Всѣ три примѣчанія взяты изъ 18 № „Московскаго Телеграфа“ 1825 г., гдѣ письмо это было въ первый разъ напечатано.

больше служить, нежели я самъ, не имѣя отъ моихъ недоброжелателей покоя. Сверхъ сего, не продолжая времени, долженъ я при первомъ случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя мои изобрѣтенія ради славы отечества, дабы не воспослѣдовало съ ними того же, что съ иочезрительною трубою случилось. Сей ущербъ чести отъ моихъ трудовъ сталъ мнѣ вдвое горестенъ для того, что тѣ, которые сіе дѣло невозможнымъ почитали, еще и понынѣ жестоко съ досадительными словами спорятъ, такъ что, видя, не видять и, слыша, не слышать. Не взирая на то, стараюсь произвести въ дѣйствіе еще новый оптическій инструментъ, которымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ, нежели какъ видимъ просто. Сколь сіе въ жизни человѣческой полезно, всякъ удобно разсудить можетъ. При семъ не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ трудолюбивон, такъ называемой, „Пчелѣ“ *), напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. (Тредіаковскій) совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему рабоченію сдѣлать помѣшательство; здѣсь видѣть можно цѣлый комплотъ. Тр. сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ „Пчелу“, Тр. далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. Посимъ обстоятельствамъ ясно видѣть, ваше высокопревосходительство, можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не престая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Смилосердитесь надо мною, милостивый государь, свободите

*) Журналъ, издававшійся Сумароковымъ.

меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даюгъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія, но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть предъ свѣтомъ высочайшею конфirmaцію доклада отъ Правительствующаго сената объ украшеніи Петропавловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая, претериѣваю сверхъ моего разоренія посмѣяніе и ругательство. Ваше сильное ходатайство можетъ меня отъ всего скоро избавить и увѣрить меня о непремѣнной милости, которую за особливое счастіе и честь въ жизни моей почитаю.

8 іюля 1759 г.

IX.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизнї меня больше не изобидѣль, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не рады. Свяжись съ гѣмъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалитъ, и бѣдное свое риомачество выше всего человѣческаго знанія ставить. Тауберта и Миллера *)

*) Таубертъ — совѣтникъ академической канцеляріи, Миллеръ — академикъ. Ломоносовъ съ ними всегда враждовалъ.

для того только бранить, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ краину... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе, только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помошь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнѣ защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ пользу отечеству; я по моему таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслить. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякия страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня

унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаний; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома и не желаютъ съ комедіантами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сie время ужились мы въ единодушії. Теперь по вашему ми-ротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постараитесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковы-мъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожи-дая отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю вашего высокопре-восходительства униженный и покорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

1761 года января 19 дня.

ПИСЬМО КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ).

Милостивый государь. По желанию вашему, все, что въ моей силѣ состоять, готовъ исполнить и токмо одного избавленія быть прошу: чтобы не ми:

*) Писано по поводу сочиненной И. Н. Елагинымъ сатиры на петиметровъ, въ которой онъ съ такими словами обращается къ Сумарокову:

Открытель таинства любовныхъ намъ лиры,
Творецъ преславныя и пышныя Семиры,
Изъ мозгу рожденія богини мудрый сынъ,

вступать ни въ какіе критические споры. Въ при-
сланномъ Елагина письмѣ къ Сумарокову, онъ
употребленную риѳему: *Россія, Индія*, на смѣхъ въ
примѣръ поставилъ. Я подлинно знаю, что сія
риѳема такъ же не хороша, какъ извѣстная вамъ у
Расина, а для того Елагинъ лжетъ, что онъ ею лю-
бовался. Много бы я могъ показать бѣдности его мел-
каго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно
будеть потеряно время на исправленіе такого че-
ловѣка, который уже больше десяти лѣтъ стихи
кропать началъ и попынѣ, какъ изъ прилагае-
мыхъ строчекъ видно, стихотворческой мѣры и
стопъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей,
справедливости изображеній и надлежащимъ об-
разомъ употребленія похвалъ и примѣровъ. Сіе
особливо сожалительно объ Александрѣ Петровичѣ
(Сумароковѣ), что онъ хотя его похвалилъ, но, незная
толку, весьма нелѣпо выбранилъ. Въ первой строт-
кѣ почитаетъ Елагинъ за таинство, какъ дѣлать
любовныя пѣсни, чего себѣ Александръ Петро-
вичъ, какъ священнотайнику, приписать не позво-

Наперникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ,
Зашитникъ истины, гонитель, бичъ пороковъ,
Благій учитель мой, скажи, о Сумароковъ,
Гдѣ риѳемы ты берешь, ты мнѣ не объявилъ,
Хоть къ стихотворству мнѣ охоту въ сердце влиль?

Въ этомъ стихотвореніи есть два стиха, которыми Ела-
гинъ мѣтилъ очевидно въ Ломоносова:

Или какъ нашъ поэтъ, влісавъ въ свой стихъ Россію.
Любуется сыскать къ ней риѳемою Индію.

литъ и Паномъ *) иѣсенинымъ назвать себя не допустить. *Семира* **) пышина, т. е. наутая, ему непріятное имя, да и неправда, затѣмъ, что она больше нѣжная. *Рожденныя изъ мозгу богини сыномъ*, т. е. мозговымъ внукомъ, не чаю, чтобы Александръ Петровичъ хотѣлъ называться, особливо, что нѣть къ тому никакой дороги. Минерва трагедій и любовныхъ иѣсень никогда не сочиняла, она богиня философіи, математики и художествъ, въ которыхъ Александръ Петровичъ, какъ человѣкъ справедливый, никогда не вклеплется, и думаю, когда онъ услышитъ, что Перфильевичъ на него взводить, то истинно у нихъ до войны доидеть, несмотря на панегирикъ. *Наперсникомъ Буаловымъ* ***) назвать Александра Петровича несправедливое дѣло. Кто бы Расина назвалъ Буаловымъ наперсникомъ, то есть его любимымъ при信赖никомъ, то бы онъ едва вытерпѣлъ; дивно, что Александръ Петровичъ сносить. Кажется, сверстать его съ Александромъ Петровичемъ истинная обида. *Россійскимъ Расиномъ* Александръ Петровичъ по справедливости названъ, затѣмъ что онъ его не токмо половину перевелъ въ свои трагедіяхъ по-русски, но и самъ себя Расиномъ называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевичъ, называя его защитникомъ истины, даетъ ему титулъ больше, нежели

*) У древнихъ грековъ такъ назывался богъ наступающей жизни.

**) Героиня одной изъ трагедій Сумарокова.

***) Буало и Расинъ—зnamенитые французскіе писатели XVII вѣка.

короля англійскаго: онъ пишется защитникомъ вѣры, по право или нѣть, о томъ сомнѣваться позволено. Александръ Петровичъ защитникъ истины? Великъ человѣкъ, ежели Перфильевичъ про него не такъ солгалъ, какъ о риѣмъ: Россія—Івдія, будто онъ ею любуется. Дважды поносить онъ своего учителя явно, въ третій ругательски хвалить: поносить первое, что учитъ, но якобы скрытно, не показывая, откуда береть риѣмы и будто бы отъ него хочетъ посуловъ; второе, якобы все стихотворческое искусство Александра Петровича состояло въ пріисканіи скоромъ риѣмъ, не смотря на мысли, въ чемъ я самъ спорю и подтверждаю его же, Елагина, словомъ, что Александръ Петровичъ, ищучи риѣмъ, самъ не ломается, но, какъ человѣкъ осторожный, лучше вмѣсто себя ломаетъ языкъ россійскій, правда хотя не вездѣ, однако не рѣдко. Наконецъ ругательскій титулъ: *благий учитель!* *Благий*, по-славянски *добрыи*, знаменуетъ и точному разумѣнію писаться надлежить до Божества, какъ оное свидѣтельствуетъ: *никто же благъ токмо единъ Богъ*. Я не сомнѣваюсь, что Александръ Петровичъ боготворить такимъ образомъ себя не позволить. И такъ одно нынѣшнее россійское осталось знаменованіе: *благой* или *блаженный*,—нестерпимая обида! Однако еще несноснѣе, что онъ, Аполлона столкавъ съ Парнаса, хотеть музъ отдать въ послушаніе Александра Петровича, или, по его мнѣнію, безстыдному мщенію уже отдалъ, думая, что музы безъ Сумарокова никому ничего дать не могутъ."

ПИСЬМО КЪ ГР. Г. ОРЛОВУ^{*)}.

Милостивый Государь Григорій Григорьевичъ! Обрадуй Всеышній Господь ваше превосходительство, сколько я милостивымъ вашимъ присыланиемъ обрадованъ сегодня. Подай вамъ въесь вѣкъ столько чувствовать удовольствія, какъ я нынѣ! Но оно безконечно умножится, когда совершение вашего благодѣянія истинно отеческаго воспослѣдуетъ, ибо онымъ всѣ истинные сыны отечества отъ унынія возстановлены или, лучше сказать, воскрешены будутъ. Напротивъ того злыя недоброхоты россійскіе, въ коварныхъ своихъ проискахъ ослабясь, не такъ станутъ насягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія (въ которое я было самъ первый попалъ) избавить возлюбленный россійскій родъ. Не укосни, милостивый государь, въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее учащееся юношество оживить отрадою и показать, что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ отечества, на защищеніе вѣрныхъ природныхъ подданныхъ Ея Величества. Въ надеждѣ несомнѣннаго отеческаго вашего покровительства съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю....

27 іюля 1762 года.

*) Писано въ отвѣтъ на выраженное гр. Орловымъ намѣреніе ходатайствовать передъ Имп. Екатериной II о подписаніи привилегіи (грамоты) Петербургскаго университета и о назначеніи Ломоносова вице-президентомъ академіи наукъ.

ПИСЬМО КЪ СЕСТРѦ.

Государыня моя сестрица, Марья Васильевна!

Здравствуй на множество лѣтъ съ мужемъ и съ дѣтьми! Весьма пріятно мнѣ, что Мишенька пріѣхалъ въ Санктпетербургъ въ добромъ здоровьѣ и что умѣеть очень хорошо читать и исправно, также и писать для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, сшиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы и до ногъ, и волосы убираетъ по нашему, такъ чтобы его на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не засѣйчивъ, и тотчасъ къ намъ и къ нашему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ. Не показалъ никакого виду, чтобы тосковалъ или плакалъ. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи Наукъ, состоящія подъ мою командою, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаются и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣнiemъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенько писать и гацовать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочно, осмотрѣть какъ онъ въ общежитіи со школьниками ужинаетъ, и съ кѣмъ живеть въ одной камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я обѣ немъ стараюсь, какъ долженъ добрый дядя и отецъ крестный. Такъ же хозяйка моя и дочь его любятъ и всѣмъ довольствуютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ чрезъ ученіе

счастливъ будеть, и съ истиннымъ любленіемъ пре-
бываю братъ твой,

Михайло Ломоносовъ.

Марта 2 дня 1765 года, изъ Санктпетербурга.

Я часто видаюсь здѣсь съ вашимъ губернато-
ромъ, и просилъ его по старой своей дружбѣ, что-
бы васъ не оставилъ. Въ случаѣ нужды, или еще
и безъ нужды можете его превосходительству по-
клониться, Евсей Федоровичъ или ты сама. Жена
и дочь моя вамъ кланяются.

Изъ похвального слова Петру Великому.

1. Приступъ.

Давно долженствовали науки представить славу
его ясными изображеніями, давно желали въ на-
рочномъ торжественномъ собраніи превознести
несравненные дѣла своего основателя, но вѣдал,
сколь великое искусство требуется къ сложеню
слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о
семъ герою должно предлагать, чего о другихъ еще
не слыхано. Нѣть въ дѣлахъ ему равнаго; нѣть
равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы
мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ то-
лику глубину ихъ множества и величества. Одва-
ко, наконецъ, разсудилось лучше въ краснорѣчіи,
нежели въ благодарности показать недостатокъ;
лучше съ произносимыми отъ усердной простоты
разговорами соединить искренностю украшенное
слово, нежели молчать между толикими праздне-
ственными восклицаніями, наипаче когда Всевыш-

ний Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ князъ Павлѣ Петровичѣ всевождѣнныи залогъ своея къ намъ Божественныхъ милости, которую въ продолженіи Петрова племени почтаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе и уступивъ ревностной смѣлости място, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего героя. Сie предпринимая, откуда начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ неисчислимыхъ и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и города, которые славою его движими, во срѣтеніе стекались и дѣламъ его соответствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Огъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ столь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть, и что великий сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ бытъ не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислить, если бы только исчислить возможно было. И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленного времени позволить, важнѣйшія токмо дѣла его упомянуть, потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія, наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ спосибствовавшія.

2. Устроіство флота.

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшия, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели, посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщають судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью россійского флота, а въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристапища, плаватель удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ къ удовольствію пашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы россійской; индѣ другой Тифисъ *) между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуда толпкая слава и сила россійскихъ флотовъ по столь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? Откуда магеріи? Откуда искусство? Откуда машины и орудія, пужныя въ столь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древ-

*) Сынъ Нептуна, кормчій корабля Арго, на которомъ греческій герой Язонъ ѿздилъ въ Колхиду за золотымъ руномъ.

шіе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великихъ дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковыми бы истинно вымысломъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное и выше силь чловѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было-бѣ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ иѣть сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ии случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, по и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ, дабы ии надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силь не потребовать. Подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, иначе не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго вешцю малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ и на морской глубинѣ показать россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума сво-

его силы во вѣсъ важнаго сего предиріятія часіи, которыя разсматривая, увѣрился, что въ столь трудномъ ~~дѣлѣ~~^{делѣ} успѣховъ имѣть невозможно, ежели опь самъ довольноаго въ немъ знанія не получить. Но гдѣ оное постигнуть? Что великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище *) на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копал рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда съ начала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубенскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря, увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства и, скрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не погнулся. Удивлялись сиерва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ россіянинъ столь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и вооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими ру-

*) Т. е. зрелище.

ками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣль искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго понятія. Потомъ сколь великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ россіянинъ, но самъ столь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скіпетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной науки? Вездѣ великій государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ. Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки; я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и потомъ его орошенные. Сколь часто раздавались на вѣсъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкие, къ составленію корабля пріготовленные члены, нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремились, и оживленное примѣромъ его множество съ невѣроятною послѣдностію совершили великія громады. Сколь чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣнiemъ наслаждались стекшіеся народы, когда опытная великія зданія къ сопствѣнью на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многоократно то наверху опыхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу машинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотрѣнныя недостатки исправлять по-

величиемъ, ободренiemъ, догадкою и неутомимыхъ рукахъ своихъ посѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченiemъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правою во дни Петровы показалась!

Сколь радостны были великому государю толикие въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства раченiemъ его произведенные, легко изъ того усмотреть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ сподвижниковъ съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются певскія струи садами и флагами; не вмѣщаются берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонеть отъ пароднаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ машинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посыпаетъ? Кому на среѣтеніе монархъ нашъ съ таковыми великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флоту! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и куппо онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кроме исполинской смѣлости въ предирѣятіи и неутомимой въ совершениіи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великий нашъ защитникъ.

3. Дѣятельность Петра.—Заключеніе.

За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственный правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ ириращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что-жъ его путешествія или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь кораблей его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумять уступающія ему Каспійскія волны. И вы, великия рѣки, Южная Двина и Полночная *), Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба **), Дунай, Секвана, Тамина, Рень ***) и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ которого источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ на-

*) Западная и Сѣверная.

**) Одеръ, Эльба.

***) Сена, Темза, Рейнъ.

черталь корабли, пристани, крѣпости, и тѣ между тѣмъ какъ иріатель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченiemъ, какъ море приливомъ и отливомъ, такъ онъ попеченiemъ и трудами для насть былъ въ непрестаниомъ движениі.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самого океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многие; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великихъ названныхъ. И правда, предъ другими великі, однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованаго, но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честолюбія и вместо тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ, но вместо, чтобы воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ, однако боялся моря. Иной на морѣ господствоволь, но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шапки. Иной ни желѣза, ни воды, ни

огня не боялся, однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употребля пріимѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ не достаточенъ. Чго въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, отъ Первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Негръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому-жъ я героя пашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дохнетъ духъ Его и потекутъ воды; прикоснется горамъ — и вздымаются. Но мыслямъ человѣческимъ предѣль предписанъ. Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ Отцемъ отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь, Всемилостивѣшую Государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, горныхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши нась, Боже, награди Господи! За великие труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за взыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненные всѣхъ къ Россіи благодѣянія награди долгоденствіемъ и погомствомъ.

А ты, великая душа, сияющая въ вѣчности и героевъ блестаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наследникъ; правнукъ по

желанію нашему родился; мы тобою возвышены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Согласіе естествознанія съ религію^{*)}.

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, непросвѣщенныхъ никакимъ учениемъ, вслѣдствіе неосновательнаго сомнительства и страха, когда бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Не рѣдко легковѣріемъ наполненные головы слушаютъ и съ ужасомъ винимаютъ, что при такихъ пебесныхъ явленіяхъ и роочествуютъ бродящи по миру богадѣлки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ обѣ именн астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сущорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміеничѣмъ какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалицъ беспокоится, беспокойство его должно зачитать ему же въ наказаніе за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого попятія не имѣеть. Крестьянинъ смыется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ

*) Изъ Прибавленія къ разсужденію: „Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюданное въ С.-Петербургской Ак. Н. мая 26 дня 1761 г.“.

внутреннес увеселеніе, представляя въ умѣ, сколь много знаніемъ своимъ его превышаетъ человѣка, себѣ подобно сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію.

Читалъ здѣсь о великой атмосфѣрѣ около помянутой планеты *), скажетъ кто: подумать-де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря, произрастаютъ вездѣ разныя прозябенія, ими питаются животныя. И сіе-де наобидно Конерниковой системѣ: противно-де закону.

Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобный споръ о движениіи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, глава 10 стихъ 12, въ точномъ грамматическомъ разумѣ и потому хотятъ доказать, что земля стоитъ.

Но сей споръ имѣть начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ христіанскихъ учителей. Древніе астрономы еще задолго до Рождества Христова, Никита Спракузянецъ призналъ дневное земли около своей оси обращеніе; Филолай—годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣ. Однако эллинскіе жрецы и суевѣры тому противились и правду на много вѣковъ погасили.

*) Венеры.

Первый, Клеантъ нѣкто, доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движениі земли дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, всея земли содержательницу, дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ нимфъ, боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало астропомическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явлений глупые и съ механикою и геометріею прекословяще пути планетамъ: циклы и эпизики (круги и побочные круги).

Коперникъ возобновилъ наконецъ солнечную систему, коя имя его носить, показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другие великие математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явлений, чего по земностоятельной системѣ отнюдь достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышенія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ физическое учение, но величества и могущества его ионятіе больше всѣхъ подаетъ астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтиль небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями, и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громче его прославляемъ.

Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть

грамматическимъ, но нерѣдко и риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ святой Василій Великий, какъ оное съ натурою согласуетъ и въ бесѣдахъ своихъ на Шестидневникъ ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о землѣ, обище пишетъ: „Аще когда во псалмѣхъ услышши. „азъ утвердихъ столпы ея“, содержательную той силу столпы речени быти возмни“ (бесѣда 1). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіе: „и рече Богъ“, и другія, слѣдующее объявляетъ: „Кая потреба слова могущимъ отъ самаго ума общити другъ другу совѣты?“ (бесѣда 2). Явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни усть, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаимному своего благовolenія, по ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3) тожъ объ изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: „Въ проклятствѣ, Израилю, будетъ тебѣ, глаголеть, небо мѣдяно. Что сіе глаголеть? Всеконечную сущость и оскудѣніе воздушныхъ водъ“. Упоминающіяся часто въ Бібліи Божія чувства толкуя, такъ пишетъ: „И видѣ Богъ яко добро;—не само тое утѣшенное нѣкое зреїніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очима бо зритъ доброты зданія Творецъ, но непзглаголанпою премудростю видить бывающая“. Не довольно ли здѣсь великій и святый сей мужъ показаль, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть несходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя; никогда между со-

бою въ распрю приди не могутъ, развѣ кто изъ иѣкотораго тицеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплеть. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, иѣть ли какого способа къ объясненію и отвращенію минимаго между ними междуособія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви, которому согласуясь, Дамаскинъ святый, глубокомысленный богословъ и высокій священный стихотворецъ (въ опасномъ изданіи православныя вѣры, кн. 2. гл. 6), ибо, упомянувъ разныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: „Обаче аще же тако, аще же иначко, вся Божіимъ повелѣніемъ, быша же и утвердишася“, то есть: физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. То же и въ слѣдующихъ утверждаетъ: „Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанию и воздухъ небомъ звати, за еже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся итицы небесныя, воздушныя глаголя: воздухъ бо летательныхъ есть путь, а небо. Се три небеса, яже божественный рече Апостолъ. Аще же и седмь поясы седмь небеса пріяти восходящи, ничтоже слову истины вреждастъ“, то есть: хотя кто и дрснія эллинскія мнѣнія о седми небесахъ приметъ, священному писанию и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій, о возможности многихъ міровъ разсуждая, пишетъ: „Яко бы скудельникъ, отъ того же художства тицеславія создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего Содѣтель, не единому міру соумѣренную имѣя тво-

рительную силу, но па безкопечногубое превосходящую, мгновеціемъ хотїнія единѣмъ во еже быти приведе величества видимыхъ”.

Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались, соединяя его списканіе съ богодухновенными размышеніями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономії. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астропоміческія орудія и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей древнихъ астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы тогда открыты были тысячи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями: какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ, ежели да на планетахъ есть живущіе памъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный. Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всеми поведеніями отъ насъ отмѣнныe, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать, или ихъ обратить и крестить хочетъ, то пусть по Евангельскому слову („пе стяжите ни зата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни лиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла“) туда пойдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ,

то послѣ пустъ поїдетъ для того-жъ и на Венеру. Только **бы** трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили, и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно. „Многи пути ко спасенію. Многи обители суть на небесѣхъ“.

При всемъ семъ христіанская вѣра стоять не-преложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ творенія Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной наказалъ Свое величество, въ другой Свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованаго понятія. Вторая книга—Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великие церковные учителя. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественныхъ въ природу вліянныхъ істѣствій суть таковы, каковы по оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителень математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи или хімії.

Толкователи и проповѣдники Священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, пред-

ставляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божією согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изъискиваютъ способы и ко времененному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними илевели и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примеры не только изъ эллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ*) о паденії Руфиновѣ**) объявляетъ, сколь много служить вниманіе въ натурѣ для поznанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣнїѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смогрѣніе,
Или по слѣпотѣ безъ риду***) все течетъ,
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣть.
Однако, посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы

*) Латинскій стихотворецъ, жившій въ царствованіе византійскаго имп. Феодосія (379—395).

**) Министръ Феодосія и Аркадія.

***) Порядку.

оно имя ни имѣло, христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ, тогъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключается (бесѣда 6 о бытіи свѣтиль): „Аще симъ научимся: себѣ самыя познаемъ, Бога познаемъ, Создавшему поклонимся, Владыцѣ поработаемъ, Отца прославимъ Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Началовожду жизни нашей насущнїи и будущнїи поклоняющеся не престанемъ“.

О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ известныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выражений разума, какъ вынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего приобрѣто купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славянскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова сколь высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ эллинскомъ языке героевъ, витийствовали великие христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими бого-

словскими догматами и паренiemъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языке, сколь много мы отъ перевода ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ духовныхъ пѣспей Дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языке греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ греческаго языка книги на славянскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славянскому языку странныхъ, однако оныя чрезъ долготу времени слуху славянскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. Итакъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненiemъ россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языке, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли сискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языке отъ греческаго пріобрѣгены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи

употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языке, тогда богатство умножилось и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобного успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различствуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и россійской языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣть разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сие происходитъ отъ трехъ родовъ речений россійского языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ обще употребительны, напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежать, конъ хотя обще употребляются мало, а особенно въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный,зываю. Неупотребительны и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣть въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штильѣ употребить непристойно, какъ только въ полыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительного употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ речений рождаются три штиля:

высокій, посредственный и низкій. Первый со-
ставляется пзъ рѣченій славяно-россійскихъ, то
есть употребительныхъ въ обоихъ парѣчіяхъ, и
изъ славянскихъ россіянамъ вразумительныхъ и
не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ соста-
вляться должны греческія поэмы, оды, прозаичны
рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ
обыкновенной простоты къ важному великолѣпію
возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ
россійскій языкъ передъ многими пынѣшними
европейскими, пользуясь языкомъ славянскимъ изъ
книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ рѣченій
больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ,
куда можно принять нѣкоторыя реченія славян-
скія, въ высокомъ штиль употребительныя, однако
съ великою осторожностью, чтобы слогъ не ка-
зался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ
немъ можно низкія слова, однако остерегаться,
чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ въ
семь штиль должно наблюдать всевозможную рав-
ность, которая особенно тѣмъ теряется, когда ре-
ченіе славянское положено будетъ подлѣ россій-
ского простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ
театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется
обыкновенное человѣческое слово къ живому пред-
ставленію дѣйствія. Однако можетъ и первого рода
штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобра-
зить героичество и высокія мысли; въ нѣжностяхъ
должно отъ того удаляться. Стихотворныя друже-
скія письма, сагиры, эклоги и элегіи сего штиля
больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать

имъ пристойно описанія дѣль достопамятныя и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣть въ славянскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славянскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матеріи, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣль. Простонародная низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служать однимъ реченіемъ славянскимъ сокращенные мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту.

Народъ россійскій, по великому пространству обитающей, не взирая на дальнее разстояніе, говорить повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германії, баварскій крестьянинъ мало разумѣеть мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя всѣ того-жъ нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое паше преиму-

щество живущими за Дунаемъ народами славянскаго поголовнія, которые греческаго писовѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иночленными языками, однако для употребленія славянскихъ книгъ церковныхъ говорять языкокъ, россиянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчиемъ сходиѣ, нежели польскій, не взирая на безразрывную пашу съ Польшею пограничность.

По времени-жъ разсуждая, видимъ, что россійский языкъ, отъ владѣнія Владимира до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ ~~хвѣтъ~~ не столько отмѣнился, чтобы старого разумѣть не можно было, не такъ какъ многіе народы, не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ приложениемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и собственной пользѣ воснослѣдуется: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великодѣлнія сочинитель мысли сугубо возвысить. 2) Будеть всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдал равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ ко-

ренного славянского языка купно съ россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небрежениемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сie все показаннымъ способомъ пресеъчется и россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, сколь долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языке украситься будетъ.

Сie краткое напоминаніе довольно къ движению ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдаи, что съ паденiemъ онаго безъ искусствъ въ немъ писателей не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ испанскій, гальскій, британскій и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ переселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія, но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Гораций говоритъ:

Героп были до Атрида,
Но древность скрыла ихъ отъ пась:
Что дѣль ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Счастливы греки и римляне передъ всѣми древними европейскими народами. Ибо хотя ихъ вла-

дѣнія разрушились и языки изъ общенароднаго употребленія вышли, однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвени? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Горациевѣ лирѣ, не склоняясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова и дѣйствительно начало и основалось щедротою великія его дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда прийти въ упадокъ россійскому слову. Стануть читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елизаветина вѣку и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Горациямъ? Царствуетъ Августа Елизавета, имѣеть знатныхъ и Меценату подобныхъ представителей, чрезъ которыхъ ходатайство ея отеческій градъ снабдень новыми прращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнаса, веселится своимъ симъ украшеніемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего Основателя, на кото-

раго бодрое попеченіе и усердное представительство твердую надежду полагаютъ россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа.

Въ письмѣ къ И. И. Шувалову.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Разбирая свои сочиненія, нашелъ я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ вашему высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго отечества, въ упованіи, можетъ быть найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному правленію Россійскаго свѣта служащее, что вашимъ проницательствомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приведено быть можетъ. Всѣ оныя по разнымъ временнымъ замѣченныя порознь мысли подведены быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы *).

1. О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.

2. О истребленіи праздности.

3. О исправленіи нравовъ и о большомъ народа просвѣщеніи.

*) Изъ нихъ дошла до насъ только первая.

4. О исправлениі земледѣлія.
5. О исправлениі и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.
6. О лучшихъ пользахъ купечества.
7. О лучшей государственной экономіи.
8. О сохраненіи военного искусства во время долговременного мира.

„Сіи столь важныя главы требуютъ глубокаго разсужденія, долговременного въ государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство. Итакъ, М. Г., извините мою дерзость, что, не имѣя къ тому надобной способности, касаюсь столь тяжкому бремени только изъ усердія, которое мнѣ не позволяетъ ничего (хотя бы только и повидимому) полезнаго обществу оставить подъ спудомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чёмъ состоитъ величество, могущество и богатство всего государства, а не въ обширности тщетной — безъ обитателей. Божественное дѣло, и милосердья и человѣколюбивыя наша монархии кроткаго сердца достойное дѣло избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ и достоинны были. Сие помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ ея магеринскія высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубійства и еще самоубійства, народъ умоляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправлениія или совершенного истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно.

(Важнѣйшимъ злоупотребленіемъ Ломоносовъ

считаетъ браки между лицами несоответственныхъ лѣтъ. При немъ почти везде по деревнямъ выдавались взрослые девки за несовершеннолѣтнихъ парней. Такому обычаю Ломоносовъ приписываетъ происхожденіе многихъ пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство, кроме естественного вреда и препятствія размноженію. Точно также вооружается онъ и противъ браковъ стариковъ съ молодыми девицами).

1. По моему мнѣнію невѣста жениха должна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть 15-ю лѣтами. Сіе для того, что женщины скорѣе старятся, нежели мужчины, а особенно отъ частой беременности. Женщины рожать едва далѣе 45 лѣтъ, а мужчины часто и до 60 лѣтъ къ плодородію способны; всего сходище, ежели мужъ жены старѣе отъ 7 до 10 лѣтъ. Хотя жь по деревнямъ и показываютъ причины, что женять малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, за тѣмъ что ежели кто семью малую, а много пашень или скота имѣть, тотъ найдетъ работниковъ, примѣ третыниковъ или половищиковъ, или продай излишнее другому.

2. Неравному супружеству много подобно насильное!.. для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, чтобы они, услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, оного не допускали и не вѣнчали подъ опасенiemъ лишения чина. Жениха бы и невѣstu не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде.

(Въ 3-мъ своемъ параграфѣ Ломоносовъ разсуж-

даетъ о правилѣ не жениться и не выходить замужъ болѣе трехъ разъ).

Въ 4-мъ—о постриженіи вловыхъ молодыхъ священниковъ и дьяконовъ въ монахи).

Сюда жъ надлежитъ и постриженіе молодыхъ людей прямо въ монахи и монахини, которое хотя въ нынѣшнія времена и умалилось предъ прежними, однако еще много есть излишства, особенно въ Малороссіи и при Синодальныхъ школахъ... Миѣ кажется, что надобно клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45 лѣтъ.

5. Вышеписанное касалось больше до обильнѣйшаго плодородія родящихъ, слѣдующее надлежитъ особенно до сохраненія рожденныхъ. Хотя—говорить Ломоносовъ, привятіемъ предложеныхъ мѣбрь—несомнѣнно можетъ знатное пріумноженіе народа, и не столько будетъ беззаконнорожденныхъ, слѣдовательно и меныше дѣтскаго душегубства, однако по разнымъ случаямъ и по слабости человѣческаго сложенія быть тому невозможно, чтобы непозволеннымъ сластолюбiemъ, или насильствомъ обремененная женщина, не хотя быть обезславлена, не искала бы способовъ утаить своего беззаконія и несчастія, отъ чего иногда въ отчаяніи матери дѣтей своихъ убиваютъ. Для избѣжанія столь ужаснаго злодѣйства и для охраненія жизни неповинныхъ младенцевъ, надобно бы учредить нарочные богадѣлennые дома для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей приему, гдѣ богадѣлennыя старушки могли-бы за ними ходить вмѣсто матерей или бабокъ; по о семъ особенно въ письмѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

6. Слѣдуютъ сему младенческія болѣзни, изнурающія и въ смертныя челюсти повергающія начинаяющуюся жизнь человѣческую, пзъ которыхъ первое и всѣхъ лютѣйшее мученіе есть самое рожденіе. Страждеть младенецъ не менѣе матери и тѣмъ только разнится ихъ томленіе, что матъ оное помнить, не помнить младенецъ. Сколь же оно велико, изъявляетъ Давидъ Пророкъ, ибо, хотя *) изобразить ужасныя враговъ своихъ скорби, говорить: „тамо болѣзни яко рождающія“ (сирѣчъ женщины). Проходя болѣзненныи путь въ прискорбный и суетный свѣтъ, сколь часто нѣжный человѣкъ претерпѣваетъ великія покрежденія, а особливо въ головѣ тѣмъ, что въ самое въ свое рожденіе лишается едва начатыя жизни и въ первые почерпнутый духъ въ послѣднее испускаеть, либо пѣсколько часовъ или дней только лишь съ настоящею смертію борется. Сие первое страданіе, которымъ нерѣдко изъ рожденныхъ живыхъ на весь вѣкъ здравіе повреждается. Сего иначе ничѣмъ не можно отвратить, или хотя пѣсколько облегчить, какъ искусствомъ повивальныхъ бабокъ и осторожностію беременныхъ. Потомъ слѣдуетъ болѣзнь при выходѣ зубовъ, младенцамъ часто смертоносная, когда особливо надучая болѣзнь съ собою приноситъ. Также грыжи, оспа, сухотка, черви въ животѣ и другія смерти дѣтской причины всѣ требуютъ знанія, какъ лечить нѣжныхъ тѣхъ болѣзни. Для уменія столь великаго зла совѣтуя въ дѣйствіе произвести слѣдующее: 1-е) выбрать хорошия книжки о повиваль-

*) Т. е. желая.

номъ искусствѣ и, самую лучшую положивъ за основаніе, сочинить наставленіе на россійскомъ языкѣ, или, сочинивъ на другомъ, перевѣстъ на россійскій, къ чemu необходимо должно присовокупитьъ добрые пріемы россійскихъ повивальныхъ искусствыхъ бабокъ; для сего, созвавъ выборныхъ, долговременнымъ искусствомъ дѣло знающихъ, спросить каждую особливо о всѣхъ вообще и что за благо принято будегъ, внести въ оную книжцу. 2-е) Для излеченія прочихъ дѣтскихъ болѣзней, положивъ за основаніе великаго медика Гофмана, который упражнявшись чрезъ 60 лѣтъ въ докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленіе объ излеченіи младенческихъ болѣзней, по которому я дочь свою дважды отъ смерти избавилъ, и присовокупивъ изъ другихъ лучшее, соединить съ вышеписанною книжкою о повивальномъ искусствѣ; при томъ не позабыть, что наши бабки и лекари съ пользою вообще употребляютъ. 3-е) Въ обоихъ совокупленныхъ сихъ искусствѣ въ одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части нетрудно было сыскать везде въ Россіи, за тѣмъ, что у насъ аптеками такъ скучно, что не токмо въ каждомъ городѣ, но и въ знатныхъ великихъ городахъ понынѣ не устроены, о чемъ давно бы должно было имѣть попеченіе, но о семъ особливо представлено будетъ. 4-е) Оную книжку напечатать въ довольноомъ множествѣ, распродать во все государство по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди читая, могли сами знать и другихъ наставленіемъ пользоваться. По исчисленіи умершихъ, по приходамъ, учиненному въ Парижѣ, сравнивъ ихъ лѣ-

та, умираютъ въ первые три года столько же почти ~~младенцевъ~~, сколько въ прочие до ста считая. И такъ положимъ, что въ Россіи мужеска полу 12 миллионовъ; изъ нихъ состоится одинъ миллионъ въ такомъ супружествѣ, что дѣти рождаются, положивъ общее одинъ въ два года. По сему на каждый годъ будетъ рожденныхъ полмилліона, изъ коихъ въ три года умретъ половина, или по здѣшнему небреженію и больше, такъ что на всякий годъ достанется смерти въ участіе по сту тысячъ младенцевъ, не свыше трехъ лѣтъ. Не стоитъ ли труда и попеченія вашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысячъ, можно было удобными способами сохранить въ жизни?

7. Доселѣ о натуральныхъ обстоятельствахъ, младенцамъ вредныхъ,— остается упомянуть о поврежденіяхъ, отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящихъ. Попы, не токмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцевъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, чтобы вода была натуральная, безъ примѣщенія, и вмѣняютъ теплоту за примѣщенную матерію, а не думаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію смѣшанною. Но и въ самой холodной водѣ еще теплоты очень много, отъ замерзанія въ ледъ принимаетъ вода на себя стужу до 130 гр., да и тутъ можно почесть ее горячею, за тѣмъ что замерзающая ртуть несравненно большее разстояніе отъ сего градуса имѣеть, нежели вода отъ кипятка до замерзанія, однако... физику толковать нѣть нужды; довольно принудить властю, чтобы всегда крестили водою, лѣтней въ разсужденіи теплоты равною, за тѣмъ, что холод-

яая нисшедшему недавно изъ теплой матерной утробы младенцу конечно вредна, а особливо ко-торый много претерпѣлъ въ рожденіи; одно погру-женіе въ умѣренной водѣ не безъ тягости мла-денцу, когда мокрота въ глаза, въ уши, въ ноздри, а иногда и въ ротъ вливается (а когда ротъ и ноздри запираетъ попъ рукою, тогда пресѣкается дыханіе, которое недавно лишь получилъ младенецъ). Когда-жъ холодная вода со льдомъ охва-тить члены, то часто видны признаки падучей болѣзни и, когда отъ купели живъ останется, од-нако въ слѣдующихъ болѣзняхъ, кои всякий мла-денецъ послѣ преодолѣть долженъ, а особливо при выходѣ первыхъ зубовъ, оная смертоносная бо-лѣзнь удобнѣе возобновится. Сколько много есть столь несчастливыхъ родителей, кои отъ 10 до 15 дѣтей родили, а въ живыхъ ни единаго не оста-лось!

8. Бѣдственному младенческому началу жизни слѣдуютъ приключения, нападающія на здравіе человѣческое въ прочемъ оныхъ теченіи. И во первыхъ невоздержаніе и неосторожность съ устав-ленными обыкновеніями, особливо у васъ въ Рос-сіи вкоренившимися и имѣющимися видъ иѣкото-рой святости. Паче другихъ именъ пожираютъ у насъ масляница и св. недѣля великое множество народа однимъ только перемѣннымъ употребле-ніемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что, готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по каба-камъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похо-

роны доказываютъ то ясно. Разговѣнѣе тому же подобно. Да и дивиться не для чего.

(Ломоносовъ распространяется *здесь* о прочихъ явленіяхъ, которыми среди народа сопровождается заговѣніе)...—и такъ себя до чистаго понедѣльника изнуряютъ, что здоровья своего никою мѣрою починить не могутъ, употребляя грубыя постныя пищи, которая и здоровому желудку тягостны. Сверхъ того скоро слѣдуетъ начало весны, когда всѣ скверности, накопленныя отъ человѣковъ и отъ другихъ животныхъ, бывшія во всю зиму заключенными отъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водою и намѣсь мокротными и цынготными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ первы и во все строеніе жизненныхъ членовъ человѣческаго тѣла вливаются, рождаютъ болѣзни въ здоровыхъ, умножаютъ онъя въ больныхъ и смерть ускоряютъ въ тѣхъ, кои бы еще могли пожить долѣе. Послѣ того приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе, всеобщая христіанская радость; тогда хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяютъ страсти Господни, однако мысли наши уже на св. *веды*. Иной представляеть себѣ пріятныя и скромныя пищи, иной думаетъ, поспѣсть ли ему къ празднику платье, иной представляетъ, какъ будетъ веселиться съ родственниками и друзьями, иной ожидаетъ, прибудутъ ли запасы изъ деревни, иной готовить живописныя лица и несомнѣнно чаетъ случая поцѣловаться съ красавицами или помилѣе свидаться. Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отиѣли. Христосъ Воскресе! только въ ушахъ и на языке, а въ сердцѣ

какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены!? Какъ съ привязу спущенная собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвуть, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ, тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые паникки; тамъ лежать безъ памяти отягченные обѣяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и... утомленные недавніе строгіе постники. О, истинное христіанское пощеніе и празднество! не на такихъ ли Богъ негодуетъ у пророка: праздниковъ вашихъ ненавидить душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною! Между тѣмъ бѣдный желудокъ, привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы и, не имѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренный яденія по жиламъ посыпаетъ, — онъ спираются, пресѣкается теченіе крови, и душа... изъ тѣсноты тѣла прямо улетаетъ. Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью исходитъ. Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣнное читаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниколюбцевъ самоубійцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масляницѣ пріуготовляется къ посту житіемъ умѣреннымъ, въ постъ не изнуряетъ себя излишне и говѣеть больше духомъ,

нежели брюхомъ, на св. ~~предѣлѣ~~^{предѣлѣ} радуется о пре-
провождениі в. поста въ истинныхъ добродѣте-
лѧхъ въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу лю-
безныхъ, а не въ томъ, что дожилъ до разрѣше-
нія на вся, тотъ конечно меныше почувствуетъ
припадковъ отъ нездороваго времени, а особенно
когда трудами кровь приводить въ движение и,
словомъ, содержитъ себя хотя то постными, то
скромными пищами, однако равно умѣренными,
безъ крутыхъ скачковъ и пригорковъ. Но здѣсь,
въ сѣверѣ, сie по концамъ тучное, а въ середѣ сухое
время, есть самая праздная часть года, когда
крестьяне не имѣютъ никакой большой работы и
только посѣянные, пожатые, измолоченные и смолотые
плоды полевые доѣдаютъ. Купцамъ за ис-
порченными дорогами и распутьцами почти нѣть
проѣзду изъ города въ городъ съ товарами; нѣть
кораблямъ плаванія и морскимъ людямъ доволь-
наго движения; военные люди стоять въ походахъ
по зимнимъ квартирамъ, а дома, то для морозовъ,
то для слякоти, не могутъ быть удобно экзерцицій.
И такъ большая часть народа должна остаться въ
праздности, которая въ заговѣніе и разговѣніе
даетъ причину къ необузданной роскоши, а въ
постъ съ худыми прошлогодними пищами и съ
нездоровымъ воздухомъ соединенная, портить здо-
ровье и жизнь коротитъ.

Многіе скажутъ: да проживаютъ же люди! отцы
наши и прадѣды жили долгіе вѣки! Правда жи-
вать и лопарі, питаясь почти одною только ры-
бою, да посмотрите жъ, сколь они тѣломъ велики
и сколь многолюдны, и сравните ихъ съ живущими
въ томъ же климатѣ самондами, питающимися по-

большой части мясомъ. Первые ростомъ мелки, малолюдны, такъ что на 700 верстахъ въ длину, а въ ширину на 300 лопарей столь мало, что и въ больши солдатскіе наборы со всей земли по два солдата съ числа душъ найдаютъ изъ нашего рода, за тѣмъ, что изъ нихъ весьма рѣдко, чтобы кто и по малой мѣрѣ въ солдаты годился. Само-яды, напротивъ того, ростомъ не малы, широко-плечи и сильны и въ такомъ множествѣ, что если бы междуусобная частыя кровавыя сраженія между многими ихъ князьками не случались, то бы знатная восточно-сѣверного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что тѣ россійскія области многолюднѣ, гдѣ скотомъ изобилънѣ, затѣмъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ скотомъ скудно, и въ мясоѣдѣ по большей части питаются рыбью или пустыми щами съ хлѣбомъ. Въ лѣтній пость кромѣ новыхъ плодовъ земныхъ и свѣжихъ рыбъ и благораствореннаго воздуха: 1) поспѣшествуетъ сохраненію здравія движеніе тѣла въ крестьянахъ пахатною работою, въ куничествѣ дальнею Ѵздою по землѣ и по морю, военнымъ экзерцицію и походами, 2-е) ради исправленія такихъ нужныхъ работъ меныше праздности, матери невоздержанія, меныше гостыбы и пирушекъ, меныше пьянства, неравнаго житія и прерывнаго штанія, надрывающаго человѣческое здравіе. А сверхъ того хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерзнетъ на дорогѣ, какъ о масляницѣ бываетъ, и не провалится подъ ледъ, какъ случается на св. недѣлѣ.

(Ломоносовъ затѣмъ говоритьъ, въ чёмъ долженъ высказываться истинный пость, согласный съ уче-

ніемъ Православной Церкви)... — ученьемъ вкорените всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имъемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубийства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ъѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времениостоять на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данные Христомъ заповѣди, на конѣ весь законъ и пророки висять: Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя...

Исправленію сего недостатка,— заключаетъ Ломоносовъ,— ужасныя обстоять препятствія, однако не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ и вмѣсто ихъ учредить правительствующій сенатъ, святѣйшій синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой мѣсяцъ! Россійскій народъ гибокъ!

9. Кромѣ сего впадаетъ великое множество людей и въ другія разныя болѣзни, о излечениіи коихъ весьма мало порядочныхъ есть учрежденій, какъ выше упомянуто, и только по большей мѣрѣ простые, безграмотные мужики и бабы ле-

чать наугадъ, соединяя часто натуральные спосо-
бы, сколько смыслать, съ вороженьемъ и шепта-
ніями, и тѣмъ не только не придаютъ никакой
силы своимъ лекарствамъ, но еще въ людяхъ укрѣ-
пляютъ суевѣріе, больныхъ приводятъ въ страхъ
унѣзми видами и умножаютъ болѣзнь, приближая
ихъ скорѣе къ смерти. Правда, много есть изъ
нихъ, кои дѣйствительно знаютъ лечить нѣкото-
рыя болѣзни, а особливо внѣшнія, какъ коновалы
и костоправы, такъ что иногда и ученыхъ хирур-
говъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходитъ, однако
все лучшее учредить по правиламъ, медицинскую
науку составляющимъ. Къ сему требуется по всѣмъ
городамъ довольноное число докторовъ, лекарей и
аптекъ, удовольствованныхъ лекарствами, хотя бѣ
только по нашему климату пристойными, чего не
такмо нѣгъ и сотой доли, но и войско российское
весьма недовольно снабжено медиками, такъ что
лекари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не
такмо чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить об-
стоятельства, дать лекарства и тѣмъ страждущихъ
успокоить. Отъ такого непризрѣнія, многіе, коимъ
бы ожить, умираютъ. Сего недостатка ничѣмъ не
можно скорѣе наполнить, какъ для изученія док-
торства послать довольноное число российскихъ сту-
дентовъ въ иностранные университеты и учреж-
деніямъ и впредь учреждаемымъ внутри государ-
ства университетамъ дать между прочими привил-
егіями власть производить достойныхъ въ докто-
ра. 2) Медицинской канцеляріи подтвердить на-
крѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при ле-
каряхъ было довольноное число учениковъ россий-
скихъ, коихъ бы они въ опредѣленное время своему

искусству обучали и сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, почти никакихъ лекарствъ составлять не умѣютъ, а ради чего? за тѣмъ, что аптекари держать еще учениковъ нѣмецкихъ, а русскіе при иgotѣ *), при рѣшеткѣ и при угольѣ до старости доживаются и учениками умираютъ; а нѣмецкими всего государства не наполнить. Сверхъ того недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много препятствуютъ.

10. Смертямъ отъ болѣзни слѣдуютъ насильственные, натуральные и случайные обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, т. е. моровыя язвы, пожары, потопленія, морозы, повѣтря на людей хотя по большей части въ южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякие способы противъ того употреблять должно. Оные состоять въ истребленіи уже начавшагося или въ отвращеніи приходящаго. Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства, и для того лучше должно, выбравъ изъ авторовъ, сочинить медицинскому факультету книжку и, напечатавъ, распродать по государству. Ко второму надобно съ бывшихъ пріемѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ надежь на скотъ, а послѣ и на людей повѣтrie. Въ наши просвѣщенные вѣка знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіеся люди отъ

*.) Иготь — ступа.

астрономовъ и могутъ предостеречься, не выпуская скота изъ дома и не давая травы того дня снятой; такъ въ другихъ государствахъ остерегаются два или три дня послѣ, и сами никакихъ плодовъ въ то время не снимаютъ и не употребляютъ, говоря, что во время солнечнаго затмѣнія падаютъ ядовитыя росы. Главная причина быть кажется, по моему мнѣнію, что во время затмѣнія закрывается солнце луною, такимъ же тѣломъ, какъ и земля наша, пресѣкается электрическая спла, которую солнце на всѣ растенія во весь день изливаетъ, что видно на травахъ ночью спящихъ и тоже страждущихъ въ солнечное затмѣніе. Время научить, сколько можетъ электрическая сила действовать въ разсужденіи повѣтрія. Затмѣнія во всемъ государствѣ не знаютъ и для того надобно заблаговременно публиковать и, что требуется, повелѣть указами, по примѣру, какъ водится въ другихъ государствахъ. Для избавленія отъ огненной смерти служить предосторожность обѣ утоленіи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чѣмъ покажется пространно въ письмѣ о лучшей государственной экономіи. Потопленія суть двояко: отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ. Первое легко отвратить можно, запретивъ, чтобы при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вешней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сие дѣлается отъ одной лѣнности, чтобы вода и сѣно и всякая отъ воды удобность была близко, однако часто на высокихъ мѣстахъ живущіе видятъ весною, сами будучи въ безопасности, какъ скотъ и люди и цѣлые дома неприступный ледъ падеть въ отчаяніи всякаго спаселомоносовъ.

ніе. Вторыхъ потопленій ничѣмъ отвратить нельзя, не умаливъ много гощенія и пьянства, для коихъ люди дерзаютъ перебѣжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить чрезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ; въ главѣ обѣ истребленій праздности предложатся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.

11. Не малый ущербъ причиняется народу убийствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, которыхъ ничѣмъ, какъ межеваніемъ утешить не можно. На разбойниковъ хотя посылаются сыщики, однако чрезъ то вывести сіе зло, или хотя знатно убавить, неѣть почти никакой надежды. Основательнѣйшіе и сильнѣйшіе къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ Всемилостивѣйшей славище и при томъ любезнѣе, затѣмъ что онъ дѣйствіе свое возымѣетъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови. Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ, при деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бывають ~~для~~ продажи пограбленныхъ пожитковъ; и такъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будуть узки и тѣсны, то не могутъ долго утаиться, не занадобится далече посыпать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай перебрать по одиночкѣ и ловить ихъ часто. Всевождѣнныи и долговременныи покой внутри нашего отечества чрезъ полтораста лѣтъ, въ кое время послѣ раз-

оренія отъ поляковъ не нужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и многихъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя надежныхъ валовъ и рвовъ, но и деревянныхъ палисадниковъ, или тыновъ не имѣютъ, что не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ, присылаемыхъ на географические вопросы въ Академію наукъ изо всѣхъ городовъ указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію. Кромѣ того что проѣзжающіе иностранные не безъ презрѣнія смотрятъ на наши беспорядочные города, или лучше сказать почти на развалины, разбойники употребляютъ ихъ къ своему прибѣжницу и также могутъ закрыться отъ достойнаго каранія въ городѣ, или еще лучше, нежели въ деревнѣ, затѣмъ что городъ больше и со всѣхъ сторонъ въ него на всякомъ мѣстѣ ворота днемъ и ночью безпрестанно отворены ворамъ и добрымъ людямъ. Когда-жъ бы всемилостивѣйше повелѣть благоизволено было, всѣ россійскіе города, у коихъ огражденіе рушилось или его и не было, укрѣпить хотя не каменными стѣнами, но токмо валомъ и рвомъ и высокимъ палисадникомъ и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣть гарнизоновъ, такъ чтобы ряды и лавки были внутри огражденія, то бы ворамъ провозить въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма трудно и всѣ для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели въ мѣстѣ со

всѣхъ сторонъ отворенномъ, а разбойникъ можетъ быть въ воротахъ скорѣе примѣченъ, который, не продавъ грабленыхъ вещей, корысти не получить. Сверхъ сего въ каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ выѣскою, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякий день объявлялъ въ ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ прїѣзжихъ и прохожихъ воли не имѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромеъ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ. По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ, или двое и больше поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городѣ, или въ другое безопасное мѣсто и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ томъ не будетъ, то давать приводчикамъ за всякую голову по 10 руб. изъ мѣщапскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, эсаула, также и за поиманіе и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 р. Сие хотя довольно быть кажется, гдѣ города не въ весьма дальнемъ разстояніи, однако многія мѣста есть въ Россіи глухія на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямая убѣжища разбойниковъ и всякимъ бѣглымъ и беспаспортнымъ людямъ; примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Ветлуги, которая, на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ не малая часть разбойники. Крестьяне ихъ содер-

жать во всю зиму за полтину человѣка, а буде что онъ работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая паспорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, даи знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить ратуши и воеvodства и оградить надежными укрѣщеніями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сie будетъ служить не токмо для общей безопасности и къ сбереженію россійского народа, но и къ особливої славѣ Всемилостивѣйшей нашей Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и состроительницы многихъ новыхъ городовъ россійскихъ.

12. Переставая говорить о погрѣшностяхъ россійского народа болѣзнями, несчастіями и убийствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ. Съ границъ мѣсть уходить люди въ чужія государства, а особенно въ Польшу, и тѣмъ лишается подданныхъ Россійской короны. Подлинно, что, расположивъ предосторожности на рубежѣ литовскомъ, однако столь великой скважины силою совершенно запереть невозможно,—лучше поступить съ кротостію. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощений крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. И такъ, мнѣ кажется, лучше по границъ съ Польшей жителей облегчить податями и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Даи расколу много уходитъ россійскихъ людей на Вѣтку,—находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военному случаѣ? А впредь могутъ служить способы, кои представляются о исправленіи правовъ и о большемъ просвѣщеніи народа.

13. Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время приуждаетъ не токмо одинокихъ людей, но и цѣлые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мѣстъ отъ военного насильства удаленныхъ. Пространное властьніе великой нашей Монархии въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное и єдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ человѣковъ ожидаютъ къ своему полезному произведенію. Условія, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, не представляю, не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами.

Хотѣлъ бы я сочинить примѣрный счетъ, сколько бы изъ сихъ 13 способовъ (а есть еще и больше) воспослѣдовало сохраненія и приращенія подданныхъ Ея Императорскаго Величества. Однако требуются къ тому для извѣстія многія обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю нѣсколько, что на каждый годъ можетъ взойти приращеніе российскаго народа больше противъ прежняго до полумилліона душъ, отъ ревизіи до ревизіи въ 20 лѣтъ до 10 милліоновъ. Кромѣ сего уповаю, что сіи способы не будутъ ничѣмъ народу отяготительны, но будутъ служить къ безопасности и успокоенію всенародному.

Оканчивая сіе, надѣюсь, что вашему высокопревосходительству чтонибудь понравится изъ моихъ

доброжелательныхъ къ обществу ~~и вѣтнай~~, и прошу о вашемъ безпрерывномъ здравии и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго васъ въ сей день и влившаго вамъ кровь сына отечества къ произведенію дѣлъ полезныхъ, а паче къ покровительству наукъ и художествъ, къ которымъ я, равно и къ Вамъ, отъ всей искренности усердства, съ должнымъ высокопочтеніемъ пребываю.

Ноября 1 дня 1761 г.

Изъ „краткаго описанія разныхъ путешествій по съвернымъ морямъ и показанія возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“.

(Сочиненіе это издано только въ 1847 г. Гидрографическимъ департаментомъ морского министерства. Оно отыскано въ главномъ морскомъ архивѣ и написано для экспедиціи Чичагова къ Шпицбергену. Это послѣдній трудъ геніального писателя; его хранили въ глубочайшей тайнѣ, а потомъ забыли).

Глава первая. О разныхъ мореплаваніяхъ, предпринятыхъ для сысканія проходу въ Остъ-Индію западно-съверными морями.

Путешествіе М. Фробишера.

По изобрѣтеніи южнаго ходу около мыса Добрыя Надежды въ Остъ-Индію, предводительствомъ Португальскаго Адмирала Гамы, старались разныя

морскія Державы сыскать проѣздъ съверомъ въ тѣ же страны, для избѣжанія столь далекаго по разнымъ морямъ плаванія и ~~и~~ избытія многообразныхъ, въ ~~и~~ съ случающіхся, противностей и опасностей. Надежда и сомнѣніе представляли два прохода: одинъ около Съверной Америки на западъ, одинъ около Съверныхъ береговъ Азійскихъ на востокъ, Сибирскимъ Океаномъ. Въ обѣ стороны многія предпріятія учинены, съ разными успѣхами, что кратко въ сей главѣ предлагается.

Первая въ семъ покушенія учинила Англія, при королѣ Генрикѣ седьмомъ. Иванъ Каботъ пошелъ изъ Бристоля на королевскомъ кораблѣ съ нѣкоторыми купецкими на западъ, 1597 года весною, и 24 числа Іюля усмотрѣлъ берегъ острова при Съверной Америкѣ, называемаго нынѣ Новая Земля, назвалъ онуу Прима Виста. Поворотясь на полдень до Флоридинскаго мыса, съ тѣмъ пріѣхалъ обратно домой, не выходивъ нигдѣ на берегъ. Сынъ его, Севастіанъ Каботъ неудачными предпріятіями сіе Англичанъ намѣреніе почти вовсе уничтожилъ, и оное было оставлено до 1576 г.

Мартынъ Фробишеръ, предпріявъ по немъ поискъ съверо-западнаго проходу на двухъ корабляхъ и на третьей пинкѣ, пустился въ море, чтобы получить желаемое или не возвратиться въ отчество. Однако ходилъ за тѣмъ трикратно, ибо, въ сей первый разъ, достигъ онъ только до восточнаго Гренландскаго берега, примѣтилъ нѣкоторый узкий проливъ къ западу, который назвалъ въ свое имя, видѣлъ берега и острова, по мѣстамъ льдами покрытые, и льды, плавающіе по морю; на берегахъ усмотрѣны хижинны тамошнихъ жителей, ло-

дочную ъзду онъхъ. Ставшись ласкать ихъ къ обходительству, угощениемъ и подарками, ничего не успѣлъ, но потерялъ пятерыхъ Англичанъ, кои сверхъ приказанія осмѣлились выйти на берегъ, взяты отъ дикихъ людей въ полонъ. Потомъ прошелъ близъ западныхъ береговъ Исландскихъ въ Англію, куда достигъ въ началѣ октября мѣсяца. По возвращеніи ничего больше не могъ показать, какъ одного увѣзеннаго Гренландца и нѣкакого чернаго камня, взятаго матросомъ съ берегу; сей на огнѣ покраснѣлъ и подалъ чрезъ нѣкоторыя пробы падежду о содержаніи въ себѣ золота. Многіе тѣмъ привлечены были къ вторичной посылкѣ. Собралась компанія съ выключительными привилегіями, и сама королева Елизавета имѣла въ ней участіе. Фробишеръ отправленъ Маія 31-го числа 1577 года. Тщетно искалъ онъ пяти человѣкъ, потерянныхъ въ прежнюю цоѣзду, и тѣмъ только былъ доволенъ, что нагрузилъ на корабли мнимой золотой руды 1500 пудъ и взялъ пойманыхъ двоихъ тамошнихъ жителей. Не смотря на то, отиранъ былъ Фробишеръ третій разъ съ цѣлью флотомъ, пожалованъ золотою цѣпью и на одномъ кораблѣ положенъ былъ цѣлой разборной домъ, съ другими потребностями къ заведенію зимовья. Но и тутъ не было удачи: сей корабль пропалъ отъ сильной бури и другие вѣсъма повредились. И такъ, не сыскавъ прежнихъ мѣстъ, ради великихъ противностей и затрудненій ни съ чѣмъ назадъ возвратились. Фробишеръ въ 1588 году оказалъ свою храбрость на славномъ морскомъ сраженіи съ испанцами, командуя кораблемъ, называемымъ „Три-

умфи^и, и награжденъ кавалерію *). Спустя шесть лѣтъ при взятії Бреста раненъ и умеръ.

Путешествія Гудсона.

Симъ походомъ (т. е. удачнымъ походомъ Георга Веймута, дошедшаго до 86 параллели) укрѣпясь въ надеждѣ, Англія ожидала человѣка къ тому больше другихъ способнаго, каковъ и нашелся въ славномъ Гудсонѣ, о которомъ по немъ другіе бывшіе мореплаватели свидѣтельствуютъ, что въ морскихъ путешествіяхъ не бывало никакого искуснѣя: при всякихъ случаяхъ непоколебимъ былъ мужествомъ, неутомимъ трудами. Соединившись, нѣкоторая знатныхъ купцовъ компанія для поиску желаемаго проѣзду востокомъ, западомъ, или прямо сѣверомъ, выбрали себѣ достойнаго человѣка. Гудсонъ пустился въ море 1-го числа Маія 1607 года, и въ 13-е число Іюня увидѣлъ восточный берегъ Гренландіи; 21, усмотрѣлъ на 73 градусѣ другое мѣсто той же земли, где была хорошая и мягкая погода, хотя прежде на 63 градусѣ чувствовалъ не малую стужу. Море было тихо и безледно и по немъ плавало знатное количество лѣсу; при семъ онъ примѣтилъ, что синеватое море было ледовито, зеленоватое отъ льдовъ свободно. На сѣверномъ берегу Шпицбергскомъ, или на южномъ Гренландскомъ, нашелъ ручьи свѣжей теплой воды, звѣрьные слѣды и множество птицъ. Оттуда къ сѣверу дошелъ на 82 градуса (далѣе ити льды не позволили), откуда поворотился въ нордвестъ **), чтобы пройти въ про-

*) Т. е. орденомъ.

**) Сѣверо-западъ.

ливъ Дависовъ, но за неудобностію плаванія возвратился въ Англію.

На другое лѣто отправленъ Гудсонъ, для изслѣдованія проѣзду востокомъ, 21-го числа апрѣля, и путь своей направилъ промежъ Новою Землею и Шпицбергомъ. Однако, нашедши на великихъ льдахъ, назадъ воротился, чтобы попытаться пройти западомъ сквозь проливъ называемый Лумлей. Но, разсудивъ, что лѣто поздно становится, въ Англію возвратился. Послѣ чего, неизвѣстно ради какихъ причинъ, оставя отечество, вступилъ въ голландскую службу и 1609 г. апрѣля 6-го числа вышелъ въ море изъ Текселя. Миновавъ сѣверный Норвежской мысъ, пустился прямо въ Новую Землю, но великия льдины, коими море покрыто было, отняли всю надежду; а особенно съ нимъ бывшіе голландскіе и аглинскіе матросы привыкли ходить въ Остъ-Индію, и ради того стали весьма скучать великою и неспособою себѣ стужею; сверхъ сего произошли между ними, какъ между разноземцами, ссоры. И такъ, принужденъ перемѣнить свое предпріятіе, по коему, съ общаго совѣта, повернулся на западъ къ Америкѣ и, ходивъ по разнымъ мѣстамъ около береговъ между 37 и 44 градусовъ, съ немалымъ неудовольствіемъ и роптаніемъ подчиненныхъ въ Англію безполезно возвратился.

Въ четвертой разъ, 17-го апрѣля 1610 года предпріялъ путь свой Гудсонъ изъ Темзы къ сѣверу и достигъ западныхъ береговъ Исландскихъ, гдѣ люди противъ него учинили бунтовщикій заговоръ, который разрушить много ему труда стоило. Оттуда пустившись къ западу, прошелъ найденные берега Дависомъ и вступилъ въ проливъ своего имени;

потомъ вѣхалъ въ великий заливъ, по нему же прониженованный, на 62 градуса ширины. А какъ доплылъ до западнаго берега, высматривалъ онъ прилежно, даже до сентября, и искалъ способнаго мѣста, гдѣ-бѣ прожить зиму. Подштурманъ его, Робертъ Ейветъ, непрестанно старался побуждать птицойные головы на своего начальника; для того Гудсонъ отставилъ его отъ должности, чѣмъ больше раздражилъ оныхъ. Весьма удивительно, чѣмъ думалъ Гудсонъ съ людьми зиму прокормиться, когда уже запасъ, данный на шесть мѣсяцевъ, вышелъ и купно назначенное время? Однако зиму пропитались птицами. На весну, не сыскавъ никакихъ жителей, отъ коихъ бы получить споможеніе запасомъ, раздѣливъ немногіе сухари послѣдніе всѣмъ и себѣ по равной части, со слезами и увѣщаючи пошелъ обратно въ Англію. Помянутый подштурманъ и нѣкто Генрихъ Гринъ, коего Гудсонъ отъ казни избавилъ, съ другими бунтовщиками поймали его и съ сыномъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, также математика Жемеза Вадгуза, корабельнаго плотника, и еще пять человѣкъ посадили безъ пищи и ружья въ шлюпку и опустили на море. Въ сихъ суровыхъ мѣстахъ Богъ отмстилъ злодѣйство. Гринъ съ двумя товарищами убитъ отъ дикихъ людей; Ейветъ умеръ на корабль мучительною болѣзнию; прочие, претерпѣвъ горькія нужды, домой возвратились и все бы достойную казнь понесли, если бы ихъ сильная рука не заступила для чаемой въ нихъ вредъ надобности.

О возможності съверо-западнаго прохода въ Остъ-Индію.

При окончаниі сея главы остается мнѣ объявить свое мнѣніе о съверо-западномъ вышеупомянутомъ проходѣ, которое въ томъ состоить, что оной не возможенъ, или хотя и есть, да тѣснъ, труденъ, безполезенъ и всегда опасенъ. Разсуждая причины физическія, которыя еще по сie время пытаютъ Агличанъ надеждою, не могу довольно надивиться, что народъ, гдѣ довольно искусныхъ мореплавателей въ теоріи и практикѣ и остроумныхъ физиковъ, не можетъ усмотреть явнаго оныхъ неосновательства. Первымъ и главнымъ доводомъ почитаются великие приливы и отливы на западныхъ берегахъ Гудсонскаго залива, а особенно въ Велькомѣ и при заливѣ Ренуальсѣ, ибо изъ того заключаютъ, что должно тутъ быть въ близкости Океану, изъ котораго подымается вода такъ высоко. На сie предлагаю слѣдующее:

Въ открытомъ Океанѣ вода много меньше подымается, нежели въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ прохода ищутъ, напротивъ того, въ тѣсныхъ мѣстахъ и во встрѣчныхъ водахъ, куда движение Океана свободнѣе досягаеть, подымаются воды несравненно выше, какъ въ Океанѣ: примѣромъ служить можетъ Мезенская губа, гдѣ приливъ подымается иногда до семи сажень. Праведно ли кто заключить можетъ и скажетъ ли кто, что изъ Бѣломорскаго пролива есть проходъ въ Океанъ Мезенскою губою, для того что воды весьма высоко ходятъ? Но кто встрѣчное теченіе водъ и позданіе приливовъ, по разнымъ разстояніямъ знаетъ, за подлинно ска-

жеть, кто когда изъ Бѣлаго моря производится отливъ и полая вода вытекаетъ между Терскимъ и Зимнимъ берегомъ, въ то-жъ самое время подосыпаетъ новый приливъ изъ Океана: встрѣчные воды сражаются около мелей, что между Тремя Островами и между Моржовцемъ, и общими силами устремляются діагональною линіею согласно съ механическими правилами къ Мезенскому устью. И посему тамъ приливъ выше восходитъ, нежели на противномъ берегу въ Трехъ Островахъ, гдѣ самая большая досягаетъ не далѣе четырехъ сажень. Всего чудище, что, вѣда великие проливы отъ востока Гудсонскій и Дависовъ, и многократными поездками и описаниемъ береговъ, особенно западныхъ, что не можно чаять и въ сотую долю величию отверстія противъ Дависова и Гудсона, утверждаютъ, что помянутые въ Велькомѣ приливы приходятъ западными проливами. Сверхъ сего, обще Океанъ движется отъ востока къ западу; слѣдовательно много натуральне, приливъ въ рѣченыхъ заливахъ быть пространными и известными проливами, нежели нигдѣ не отысканными, въ берегахъ, кои почти на всякой милѣ осмотрѣны. Всего неразсудительне, что Елнѣ Гудсонской заливъ уподобляетъ Посредиземному морю, не взявъ въ разсужденіе свойства главныхъ: 1) Что Посредиземное море несравненно больше Гудсонскаго залива, и напротивъ того 2) Гибралтарскій проходъ не можетъ малостію отнюдь сравниться съ великими проливами Дависовымъ и Гудсоновымъ. 3) Что узкой онай путь океанской водѣ въ Посредиземное море отворенъ отъ запада, въ противность теченію открытаго моря. Итакъ, нѣть ни

малѣйшаго сомнѣнія, что Баффинскаго и Гудсонскаго залива и самаго Велькоме воды движутся отъ приливовъ и отливовъ Атлантическаго Океана; и если бы глубины на разныхъ мѣстахъ, берега и острова сихъ морей были известны, то бы теорію доказать легко было можно, отъ чего происходит ихъ чрезвычайная вышина, какъ выше о Мезенской губѣ показано. Что-жъ до знатной солености и прозрачности сихъ водъ, а особенно къ сѣверу надлежить, то происходит она отъ малости свѣжей воды изъ рѣкъ, которыми ближайшія къ сѣверу земли неотмѣнно должны быть скучны. Множество китовъ большой солености воды приписывать должно.

Глава вторая. О поискахъ морскаго проходу въ Остъ-Индію, въ сѣверо-восточной сторонѣ, Сибирскимъ океаномъ.

Путешествія Баренса.

Нѣть сомнѣнія, что изъ давныхъ весьма лѣтъ купечество далече простидалось близь береговъ Ледовитаго моря въ сѣверныхъ сибирскихъ предѣлахъ отъ западныхъ сѣверныхъ народовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Стурлезономъ описанныя мореплаванія изъ Норвегіи въ Двину рѣку; также найденные лѣтъ за двадцать древнія готическія серебряныя деньги, при рѣкѣ Пинегѣ, въ Кеврольскомъ уѣздѣ. Примѣченіе въ знатномъ отдаленіи отъ моря, на берегахъ сибирскихъ, старинные кочи, и наконецъ повѣствованіе новогородскаго лѣтописателя, что древніе славяне ходили по рѣкамъ Вымѣ и Нечорѣ, даже до Великой Оби,

промыплять дыньковъ, то есть соболей. Однако морскихъ предпріятій, обстоятельно описанныхъ, не находимъ до шестнадцатаго столѣтія.

Голландцы первые, сколько извѣстно, учинили ~~для~~ того поѣздку 1593 года. Вильгельмъ Баренсъ, искусный лоцманъ, посланъ былъ отъ нѣкоторой компаніи голландскихъ купцовъ, съ тремя кораблями. Изъ Текселя вышелъ 16-го июня 5-го дня, и 23-го того-жъ, побывъ въ Кильдинѣ, пустился къ Новой Земли, и между 4 и 5 16-я, взявъ вышину солица въ самую полночь, нашелъ себя на 73 градусахъ 25 минутахъ, отъ берегу Новой Земли, около шести миль; оттуда простирался далѣе къ востоку и северу, достигъ до 77 градусовъ 45 минутъ, увидѣль множество льду, а особенно поля ледяныхъ (по нашему называются стамухи), коихъ конца не видно; при томъ почувствовалъ, что матросы уже ропщутъ, почель сіе путешествіе невозможнымъ и пошелъ къ южному концу Новой Земли, куда отправлены были прочія два судна. Близъ Вайгача нашелъ онъ поставленные кресты и муку, въ камняхъ зарытую,—признаки промышленниковъ российскихъ. Паче чаянія, въ ту же пристань вбѣжали оныя два судна, кои, увидѣвъ Баренса, чалли что онъ обошелъ около Новой Земли и вышелъ изъ Вайгача имъ навстрѣчу; но радость ихъ была суетна. Но общему совѣту въ Голландію возвратились.

Разговоры и описание Вайгача, который проливъ голландцы Нассавскимъ называютъ, слыша въ Голландіи, многие знатные ревностно предпріяли отправить другую большую посылку, чтобы онымъ пройдти въ Китай и въ Индію. Генеральные ста-

ты и принцъ Оранской самъ вступили въ сіе дѣло, чтобы не токмо проходъ сыскать, но и купечество учредить, гдѣ только жителей найдутъ. Предводительство сего вгоричнаго предпріятія препоручено было славному географу Петру Планкцю, которой тому сочинилъ планъ и карту. Флотъ сооружили изъ семи кораблей: два изъ Амстердама, два изъ Зееланда; два изъ Екгузена; седьмая яхта изъ Роттердама, для поданія вѣсти въ Голландію, когда флотъ пройдетъ льды и до Табинскаго мыса (такъ Чукотской мысъ называли) достигнутъ. Баренсъ назначенъ предводителемъ на самомъ большомъ изъ двухъ кораблей, что отправлены изъ Амстердама, и въ помощники ему данъ Яковъ Гемскерзъ.

Сей флотъ выступилъ изъ Текселя 2 числа іюня и миновалъ норвежской берегъ въ близость Вайгачевскаго пролива на 70 градусъ шрипмы, гдѣ встрѣтилъ ихъ мелкой ледъ безопасный; но въ самомъ проливѣ былъ столь густъ, что не позволялъ отнюдь проходу. Для того зашли въ губу, по ихъ называемую Квербухтъ; изъ оной по сухому пути ходили нѣкоторые на Востокъ нѣсколько миль, усмотрѣвъ чистое мѣсто на морѣ, чаяли, что Спібирской Океанъ открыть, и для того всячески ста-ли сквозь Вайгачъ пробиваться, а особенно, что видѣли россійскихъ промышленниковъ съ моржо-ымъ саломъ, зубами и съ солеными гусями, вы-шедшихъ изъ Карского моря, у коихъ выспросили нужные обстоятельства. Сверхъ сего, случившіеся на берегу самоѣды обнадежили ихъ, что ежели кто обойдетъ мысъ, лежащей къ нордъ-осту, на пять дней ходу, то найдетъ широкое открытое мо-

ре, склоняющееся къ полудни. Не смотря на сіі благонадежныя ободренія, раченіе ихъ было безполезно, ибо множество льдовъ, подводныхъ камней въ Карскомъ морѣ, такъ же и худая погода осенняя, затѣмъ что уже сентябрь застигъ, не допустили ихъ за Вайгачъ къ востоку больше ста верстъ; откуда, не получа желаемаго успѣха, въ Голландію возвратились.

Сія неудача не могла умалить охоты у голландцевъ къ тому же предпріятію. Амстердамское правительство, съ позволенія Генеральныхъ статовъ, 1596 г. отправило въ нордъ-остъ два корабля, которыхъ прежніе: Баренсъ, Гемскеркъ, и съ ними Корнелій Риппъ отпущенны главными. Въ море вышли 18-го Маія. 9 числа Іюня, въ 74 градусахъ широты, увидѣлъ островокъ и множество льда, который для многихъ бѣлыхъ медвѣдей назвали Медвѣжьимъ. Минувъ южный конецъ сего острова, и простираясь далѣе, того же мѣсяца 19 дня, на 80 градусахъ 11 минутахъ, землю открыли, которая далече протянулась, имѣть изрядные заливы для пристанища и, хотя ни лѣсомъ, ни травою не покрыта, кромѣ иху и некоторыхъ голубыхъ цвѣтковъ не показываетъ, однако преизобилуетъ великимъ множествомъ дикихъ гусей, также довольноствомъ бѣлыхъ медвѣдей, оленей, лисицъ бѣлыхъ и сѣрыхъ. Отчего съ берега возвратясь оба корабля къ полудни до Медвѣжья острова, учинили общій совѣтъ о дальнѣйшемъ своемъ мореплаваніи и изысканіи, гдѣ положили, что всякъ по своему благопрѣбѣтенію путь предпріять можетъ. И такъ Корнелій Риппъ, не перемѣнивъ своего намѣренія, пошелъ искать прохода сѣверомъ на старое

мѣсто, гдѣ, бывъ около 80 градусовъ ширины, Баренсъ положилъ идти нѣсколько къ полудни.

Іюля 17 дня, на ширинѣ 74 градусовъ 40 минутъ, увидѣлъ къ полудни Новую Землю, подъ коей въ виду пошелъ на лѣвую руку, къ ость-нордъ-осту, между льдомъ падуномъ мелкимъ и крутымъ, съ немалою опасностію, гдѣ до сентября мучившися, увидѣли себя льдомъ затертыхъ, такъ что потеряли надежду прежде будущей весны домой возвратиться: для того положили на семъ сурровомъ мѣстѣ зимовать. На берегъ стали выходить сентябрь первого числа; на берегу сыскали рѣчку прѣсной воды и довольно плавника для постройки хоромины и для тощленія, что имъ не мало служило къ ободренію, какъ бы отъ лютыхъ морозовъ и медвѣдей обороняться. Для слѣдующихъ нашихъ предпріятій, должно зимовье сихъ Голландцовъ на Новой Землѣ описать нѣсколько обстоятельнѣе.

Изъ плавнику, который лежалъ по зацлескамъ построена была одна большая изба и, сколько возможно, обшита досками изъ разбитаго корабля, покрыта досками же, и сверхъ того парусами, такъ что снѣгъ въ сю хижину проходить не могъ; отъ мороза глубокій снѣгъ, коимъ ихъ съ осени занесло, защищалъ довольно. Не имѣя ни печи, ни трубы порядочно сдѣланныхъ, не могли сей хижинѣ нагрѣть по надлежащему и отъ перваго опыта употребленія каменнаго угля для лучшей теплоты все такъ угорѣли, что чуть живы остались и, въ сукнахъ, кои раздѣлены были отъ командировъ, завиваясь, отъ стужи весьма недостаточно закрывались, и, если бы по закрытіи во-

все солнца не нашло къ нимъ множества лисицъ, коихъ мясо въ пищу, а кожи на шапки, на чулки и на другую нужду не послужили, то бы совершенно пропасть имъ было съ голода и холода который былъ иногда такъ крѣпокъ, что при мытьѣ, рубашки вынутыя изъ кипятка, замерзали прежде, нежели могли быть выжаты, и къ рукамъ приставали. Весьма умѣренное количество винограднаго вина и водки парочито ихъ въ томъ подкрѣпляло; также и сухари, хотя не безъ скучности, до весны не исходили. Много боролись съ наглыми бѣлыми медведями, пока день былъ съ осени, и какъ опять насталъ весною; въ отсутствіи дневнаго свѣта, вместо медведей было лисицъ множество. Примѣчанія достойно, что середи зимы видали вдали море открытое, и въ самомъ концѣ декабря мѣсяца, когда было нѣсколько отъ полуденной зари свѣтло. Въ морѣ слыхали ужасные трески, или лучше несказанные, громовымъ подобные звуки, когда ледъ ломался. Апрѣля 15-го числа море вездѣ открылось, а по стоячимъ у береговъ торосамъ на краяхъ сголли, на подобіе высокихъ домовъ и башень, великия взломанныя льдины; корабль нашли въ такомъ же состояніи, какъ осенью былъ взломанный оставленъ.

Во второе число апрѣля, сильнымъ полуденнымъ вѣтромъ море все очистилось, что ни единой большой плавающей льдины не осталось. Съ того времени починили шлюпку и шкуну, съ великимъ трудомъ по льду протянули къ морю и 14-го числа юля пустились въ море съ немалою опасностью. Въ хижинѣ, гдѣ зимовали, оставилъ Баренсъ

описаніе несчастливаго ихъ приключенія, для того, что ежели ихъ судьбина въ волнахъ постигнеть, комунибудь впредь достанется оное въ руки, дабы то хотя когданибудь на свѣтѣ увѣдали, сколько они претерпѣли бѣдствія. Обходя Полуночный мысъ Новыя Земли и пробираясь къ западу, отъ многихъ очевидныхъ погибелей избавились. Между тѣмъ Баренцъ, отъ повесенныхъ великихъ трудовъ умеръ, къ великой печали всѣхъ, для его разума и честности. Послѣ того еще многократно льдами окружены и утѣснены были, и шлюшка отъ шкуны отлучилась. Видѣли на дорогѣ промышленниковъ Россійскихъ, и освѣдомлялись у нихъ о дорогѣ неоднократно, покупая отъ нихъ притомъ сѣстные припасы. Наконецъ, недалече отъ Колы соединясь, пришли въ самый овый островъ, и къ немалому удивленію, нашли тамъ Корнелиса Рина, который другимъ путемъ, около 80 градусовъ, ходилъ искать прохода. Изъ Колы, въ октябрѣ мѣсяца 1597 года домой возвратились. О приключеніяхъ Корнелиса Рина нѣть описанія.

Путешествія Дежнева и другихъ русскихъ людей.

Холмогорецъ Федотъ Алексѣевъ, съ позволеніемъ государева прикащика, что былъ тогда на Ковымъ, съ казакомъ Иваномъ Дежневымъ предпріяли путешествіе изъ рѣки Ковыми на востокъ, въ юль мѣсяца 1647 года, въ томъ миѳни, чтобы дойти Анадира, о которой думали, что впада въ то-же Ледовитое море; однако за льдами походъ ихъ былъ безъ успѣха. Первая сія неудача не отпяла у нихъ ни надежды, ни смѣлости; и потому,

следующаго 1648 года іюня 20-го дия тѣ-же Алексѣвъ и Дежневъ, и еще иѣкто Герасимъ Анкудиновъ, пошли па семи кочахъ съ немалымъ чи-сломъ народа, на каждомъ суднѣ около тридцати человѣкъ. О четырехъ судахъ нѣтъ извѣстія, гдѣ дѣвались. Служилаго Анкудинова кочъ разбило у Чукотскаго носа, гдѣ онъ на прочія два къ то-варищамъ перебрался. Сентября 20-го дня, Алексѣвъ и Дежневъ, будучи на берегу, дали съ Чукчами бой, на коемъ Дежневъ раненъ; потомъ по-сило ихъ долго по морю; и наконецъ, Дежневъ выкинути за устье рѣки Анаидира ~~да~~ къ полу-дю, къ сѣвернымъ камчатскимъ предѣламъ, око-ло рѣки Олюторки. Тєдоть Алексѣвъ и Герасимъ Анкудиновъ въ коряцкихъ жилищахъ пристали къ берегу, на коемъ, пѣсколько поживъ, померли цынгою. Многіе изъ товарищей ихъ побиты; до-стальные, въ маломъ числѣ, убѣжали въ лодкахъ на Камчатку и первые изъ россіянъ въ сен землѣ поселились задолго до прихода пятисотника Володимира Атласова. И хотя они тамъ отъ Камча-даловъ убиты, конь увѣдали, что русскіе—люди, а не боги, затѣмъ что кровь ихъ увидѣли, когда они подрались между собою; однако имя ихъ и остатки жилища были свидѣтелями. О смерти Алексѣва и Анкудинова сказывала послѣ Дежневу якутская баба, коя жила у Алексѣва. Дежневъ, возвращаясь съ двадцатью пятью человѣ-ками, нашелъ Анаидиръ рѣку и, по неи ходя, осно-валъ Анаидирской острогъ; наконецъ, съ великимъ трудомъ отъ вершинъ перешедъ горы, достигъ на устьѣ рѣки Ковыми, откуда пошелъ, сперва на су-дахъ, по сибирскому берегу къ востоку.

Сею поѣздкою несомнѣнно доказанъ проходъ морской изъ Ледовитаго Океана въ Тихой, къ чьему наше главное намѣреніе здѣсь простирается. При семъ Дежневъ слышалъ, что море около Чукотскаго носу не повсѧгодно бываетъ ото льду чисто; о картахъ и о прочемъ, что до промысловъ надлежитъ, не упоминаю. Остается объявить о прочихъ берегахъ Сибирскаго Океана, отъ Вайгача до Ленскаго устья, кои хоть по большой части промысленниками обойдены издавна; однако полное доказательство представить должно изъ парочныхъ отиравленій морскихъ офицеровъ, кои по Высочайшимъ Монаршискимъ повелѣніямъ, посланы для описанія сѣверныхъ береговъ Сибирскихъ.

Объ оныхъ посылкахъ обстоятельный извѣстія хранятся въ Государственной Адмиралтейской Коллегіи. Сколько же мнѣ свѣдомо, то отъ города Архангельскаго сквозь Вайгачъ пзслѣдованъ, хотя трудной ходъ для многихъ льдовъ, морскими офицерами Малыгинымъ, Скуратовымъ, Мининымъ, далѣе Обской губы, даже до устьевъ рѣки Пясиги. Отъ устья Пясиги до устья Тамуры рѣки, хотя для множества льдовъ судовой ходъ почтается невозможнымъ, и штурманъ Мининъ, идучи съ запада отъ устьевъ Енисейскихъ, остановился на ширинѣ $73\frac{1}{2}$ градусовъ, а съ востока, отъ устья рѣки Вены, Поручикъ Харитонъ Лаптевъ могъ дойти до 77 градусовъ, а всего мысу водянымъ ходомъ не окружили; однако, по краямъ стоячаго льду, прошелъ при ономъ мысу Мичманъ Челюсткинъ, и вездѣ видѣлъ стоячей ледъ окруженъ торосомъ, то есть ходячимъ льдомъ, которой тогда зипшиемъ временемъ примерзъ къ стоячemu. Что

же оный въ лѣтнюю пору ходилъ, то показывали взломанные треніемъ бугры ледяные. Отъ рѣки Тамуры до устьевъ Ковынскихъ, судовой ходъ извѣданъ флота Шорутчикомъ Дмитріемъ Лаптевымъ; достальной берегъ, отъ Ковыни до устья рѣки Анадира, около Чукотского носу, изслѣдованъ извѣстіями отъ тамошнихъ жителей чрезъ Капитана Павлуцкаго;—чemu извѣстіе о морскомъ пути Федота Алексѣева съ товарищи весьма соотвѣтствуетъ, и сомнѣнія о морѣ всю Сибирь окружающимъ не остается.

Отъ Чукотского носу на Камчатку морской свободной ходъ отиудь не сомнителенъ, и доказанъ путешествіемъ Беринговымъ, которой, 1728 года Іюля 20-го дня, вышелъ изъ устья рѣки Камчатки и пустился на сѣверъ къ востоку при Камчатскихъ берегахъ, дѣля онymъ по возможной точности описание. На $64\frac{1}{2}$ и 67 градусахъ 18 милють, прѣѣзжали къ нему на байдарахъ Чукчи, у коихъ онъ спрашивалъ черезъ толмача Корячанина о положеніи земли далѣе къ сѣверу; на что отвѣтствовали, что она послѣ того простирается къ западу. Губу ли они, послѣ носу слѣдующую, или главной поворотъ разумѣли, сомнительно; только въ самомъ дѣлѣ правда, и Берингъ не пакрасно думалъ, что онъ по данной себѣ Инструкціи исполнилъ. Одного жаль, что, идучи обратно, слѣдовалъ тою же дорогою, и не отошелъ далѣе къ востоку, которымъ ходомъ, конечно бы могъ примѣтить берега сѣверозападной Америки.

Уже довольно показано, что сѣверной Сибирской Океанъ съ Атлантическимъ и съ Тихимъ безпрерывное соединеніе имѣетъ, и что Азія отъ Сѣвер-

ной Америки отдалена водами, кои коль широки, то есть, коль далече отстоянъ самыя съверныя берега Съверной Америки отъ Сибирскихъ, о томъ еще мало, или почти ничего не извѣстно, за невозможностю по нынѣ свободнаго мореплаванія; однако, сколько есть извѣстій, здѣсь пропустить не должно. Что противъ Чукотскаго носу есть земля, островы или матерая, о томъ увѣряютъ извѣстія геодезиста Гвоздева, и объявленія тамошнихъ жителей; и неоспоримо, что все оное принадлежитъ къ Америкѣ; ибо по сказкамъ Чукчей, и людей на оной землѣ поиманныхъ извѣстно, что земля оная велика, въ которой множество народу, лѣсовъ и звѣрей, и втекаютъ въ море великия рѣки, и многія притомъ обстоятельства. Съ западнаю конца Ледовитаго океана простирается Гренландія, которая, по крайней вѣроятности изъ нынѣ показанаго въ § 64-мъ соединена сухимъ путемъ съ землями, отъ Калифорніи къ съверу лежащими, гдѣ полагаются моря и рѣки, открытые де-Фукою и де-Фонтомъ, и куда ходили изъ Камчатки Чириковъ и Бернагъ; ибо восточные, южные и западные берега Съверной Америки суть довольно извѣстны; съдовательно надлежитъ быть и четвертому на съверъ, который хотя для великихъ заливовъ и острововъ идетъ чаятельно излучинами, какъ вездѣ почти бываетъ, однако однимъ країнемъ безпрерывнымъ.

Путешествіе морское съ Россійской стороны изъ Камчатки на востокъ, хотя и не надлежить до мореплаваній для поиску проходу въ Индію порѣ-остомъ; однако въ разсужденіи острововъ между Америкою и Камчаткою и Чукотскими берегами

лежащихъ, такъ же и самыхъ дальнихъ мѣсть къ полюсу склоняющейся Сѣверной Америки, служить къ нашему главному дѣлу. Опымъ ходомъ, подъ Беринговою и Чиркова командою, извѣдано: 1) что зацадные берега Сѣверной Америки лежать далѣе къ полюсу, нежели какъ прежде думали; а изъ того слѣдуетъ, по взятымъ наблюденіямъ, что оные отъ земли противъ Чукотскаго носу лежащей, отстоять не весьма далече, папримѣръ Долматовъ островъ отъ неї около осьми сотъ верстъ. 2) Что Америка противъ Камчатки лежащая начинается островами, каковъ есть Беринговъ и его сосѣдственные, и потому не безъ основанія утверждать можно, что видѣнныя мѣста, мимо коихъ шли помянутые мореплаватели, суть острова, и составляютъ Архипелагъ; ибо они шли дѣйствительно между островами, хотя ихъ и не видали, изъ коихъ одинъ, пресъченіемъ волнъ знать себя даль, почю во время сильнаго вѣтра отъ полудни, что опъ не былъ изъ числа малыхъ, какіе тамъ многіе примѣчены. 3) А посему явствуетъ, что противъ сѣверной части Камчатки и противъ Анадирскихъ устьевъ, можетъ быть довольно пространное море; а особливо потому, что отъ нордъ-оста приносить зимою ледь даже до Курильскаго мыса. 4) Что въ оныхъ мѣстахъ есть множество жителей, и потому весьма вѣроятно, что они, по не весьма дальному разстоянію отъ обитателей земли, коя лежить противъ Чукотскаго носу, съ ними сродны и одного языка, или немногого отмѣнного; либо конечно по сосѣдству есть у нихъ такие люди, кои между ними служатъ выѣсто переводчиковъ, такъ что если бы достать жителя земли, что лежитъ противъ Чукот-

скаго носу, то бы весьма уловательно было получить извѣстіе о тѣхъ Россіянахъ, кои на западномъ Американскомъ берегу Чирковымъ потерпѣны.

Глава третія. О возможности мореплаванія Сибирскимъ океаномъ въ Остн.-Индію, признаваемая по натуральнымъ обстоятельствамъ.

Нынѣ слѣдуетъ о трудности отъ льдовъ разсудить и для того сперва должно о нихъ имѣть обстоятельное и подробное понятіе, и объ ихъ происхожденіи. Порожденія суть двоякаго рода: ледяныя горы на суши и льды, плавающіе по морю. Горы, что на суши, также раздѣляются на два рода: одинъ подобно Альпійскимъ, покрытыя вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, выше облаковъ восходять, по большей части отъ береговъ въ пѣкоторомъ отдаленіи; другія суть самыя берега, состоящіе въ крутыхъ утесахъ, со льдами соединенныхъ. О происхожденіи первыхъ разсудить можно, что они послѣ самаго начала горъ отъ паровъ намерзли и снѣгомъ напесены изъ древнихъ лѣтъ и, пропиравшись въ верхнюю холодную атмосферу, никогда не стаиваются; вторыхъ рожденіе обстоятельно примѣчено: стекающіе ручьи и рѣчки изъ озеръ и отъ снѣговъ лежащихъ по горамъ высокимъ, кои лѣтомъ нѣсколько таютъ, сливаются въ море ущелинами, между кругыми утесами; а какъ осень и зима придетъ, рѣчки отъ сильныхъ морозовъ до дна промерзаютъ, вода наливается сверхъ первого льду, не имѣя подъ нимъ теченія, и, налившись на немъ, въ ледь же обращается, и такимъ образомъ

слой на слой садится, и въ одну зиму подымается на нѣсколько саженъ толщиною, а въ десять и въ двадцать зимъ равняется ледъ съ высокими каменными берегами, затѣмъ, что лѣтомъ несравненно въ ущелинахъ меныше таетъ, нежели какъ зимою нарости можетъ.

Ходятъ по морю льды троекратнаго видъ показываютъ: 1) Мелкое сало, которое подобно какъ снѣгъ плаваетъ въ водѣ, иногда игловатъ, или хотя и связь имѣетъ, однако гибокъ, и судамъ не вреденъ. 2) Горы нерегулярной фигуры, которая глубиною въ водѣ ходятъ отъ 30 до 50 саженъ, выше воды стоять на десять и больше, безпрестанно трещать, какъ еловыя дрова въ печи; почему узнать можно такихъ плавающихъ горъ приближеніе въ туманѣ и ночь, и взять предосторожность, ибо они во время волненія опасны, а особенно когда на мель становятся, и обращаясь разламываются съ великимъ шумомъ и трескомъ. 3) Стамухи или ледяныя поля, кои нерѣдко на нѣсколько верстъ простираются, смѣшанныя съ мелкимъ льдомъ. Таковы льды плаваютъ въ большомъ количествѣ, и суда удобнѣе затираютъ. Здѣсь различить должно плавающія ледяныя горы отъ тѣхъ, кои состоятъ изъ взломанныхъ стамухъ взаимнымъ сраженіемъ.

Сало рождается на самомъ морѣ, отъ великихъ морозовъ, и примѣчается весною и осенью, а лѣтомъ рѣдко. Крѣпости разность бываетъ по разной солености воды и по силѣ морозовъ. Гдѣ вода прѣснѣе и морозъ сильнѣе, тутъ и море такъ замерзаетъ, что по немъ ходить и на нартахъѣздить можно. Въ поморье называется оное *ночемержа*,

затѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ, ночными морозами, въ тихую погоду, Бѣлое море на нѣсколько верстъ гибкии льдомъ покрывается, такъ что по немъ за тюленями ходить, и лодки торосовая за собою волочатъ; и хотя онъ подъ людьми гнется, однако не скоро прорывается, около полудни отъ солнца пропадаетъ, и отъ вѣтру въ чепуху разбивается.

Происхожденіе падуна уже и по имени явствуетъ ибо когда лѣтнею порою поверхность Новой Земли отъ снѣгу свѣбодится и потекутъ ручьи и рѣчки въ море, тогда подъ замерзлымъ въ ущелинахъ крутыхъ береговъ ледяныя горы прѣсная вода съ земли въ море путь находить и она подмывается; также и волны морскія подпlessиваютъ; отъ краевъ ущелий дожди и ручейки отполаскиваютъ; а больше всего, когда тягость столь великия громады, преодолѣвъ связь съ каменnoю горою, обрушивается въ море и производитъ ужасный громъ и шумъ, какъ бы изъ цѣлой артиллеріи и многаго мелкаго ружья вдругъ выпалить. Безпрестанная трескотия сихъ ледяныхъ горъ происходитъ отъ того, что онъ, будучи много студенѣе морской воды, огогрѣваясь, въ ней безпрестанно лопается и отрываетъ отъ себя мелкій щебень, пока весь современемъ исчезнетъ.

Прѣсная вода замерзаетъ съ верху къ низу, и чѣмъ морозъ сильнѣе и долѣе дѣйствуетъ, тѣмъ ледь становится толще. Въ Сибпри, малыя рѣки нерѣдко до дна промерзаютъ, а въ большихъ ледь бываетъ толщиною до трехъ сажень. Представимъ же себѣ великія губы при устьяхъ великихъ рѣкъ сибирскихъ, наполненныхъ прѣсною водою, которая до столь знатной толщины замерзаетъ, что въ лѣто

растаять не можетъ. Полуденные вѣтры весною относятъ оныя великия льдины въ море, по которому онѣ, плавая свое время, исчезаютъ, то отъ волнъ морскихъ, то ломаясь о берега или другъ о друга, то будучи движениемъ моря отнесены въ моря лежащія южнѣе, исчезаютъ; а на ихъ мѣсто каждая зима производить новый ледъ въ оныхъ заливахъ; и сіи суть такъ называемыя стамухи или поля ледяныя. Что оныя дѣйствительно изъ заливовъ при устьяхъ рѣкъ великихъ, то явствуетъ: 1) что состоять изъ воды прѣсной; 2) что обыкновенная трехсаженная толщина сходствуетъ съ толщиною льдовъ на рѣкахъ сибирскихъ; 3) что отъ падуна разится не только плоскою фигурую, но и твердостію и прозрачностію, затѣмъ, что падунъ не прозраченъ, пузыревать и трещиновать, какъ на слѣду быть должно.

Разсмотрѣвъ различіе и качества льдовъ, должно обозрѣть ихъ движеніе по Сибирскому Океану. Но сего видѣть ясно не возможно, безъ познанія въ немъ теченія водъ и приливовъ и отливовъ, которымъ по большей части великия льды послѣдуютъ. Вѣтрамъ мелкіе только и тонкіе удобѣре повинуются; а падунъ стамухи большиe нижняя часть воды движетъ, такъ что нерѣдко противныя движения мелкаго и крупнаго льду примѣщаются на одномъ мѣстѣ. Того ради неотмѣнно должно по возможности, вникнуть въ изысканіе оныхъ Ледовитаго Океана движеній, сколько показываютъ наблюденія, и сколько позволяетъ по онымъ заключить теорія: а какъ движенія морей много зависятъ отъ положенія береговъ, потому неотмѣнно должно здѣсь разсуждать о положеніи оныхъ у Ледовитаго моря.

Сибирскія довольно для сего дѣла извѣстны; Америка сихъ должно досягать основательными догадками, когда практическое испытаніе оныхъ по нынѣ не было дозволено.

Главное теченіе Океана, повсюду гдѣ человѣческое разеніе достигло, примѣчено отъ востока на западъ; следовательно и въ Сибирскомъ Океанѣ тому же быть должно. И самое искусство подтверждаетъ сіе неоспоримыми доводами: правда, что на самомъ ономъ Ледовитомъ морѣ, въ дальнихъ разстояніяхъ отъ береговъ Сибирскихъ, того примѣтить по нынѣ возможности не было; но, однако движеніе водъ въ соединенномъ съ нимъ Нормандскомъ и Атлантическомъ Океанѣ есть не ложной свидѣтель, которое увѣряетъ, что нельзя бы тамошнимъ водамъ было простираться теченіемъ на западъ, если бы на ихъ мѣсто другія воды отъ востока, то есть пзъ Ледовитаго моря не настушили; и сами льды, согласнымъ отгуду движениемъ, сему соотвѣтствуютъ.

Воды Океанскія текутъ отъ востока къ западу (какъ выше объявлено), а вода, истекающая изъ Сибирскаго Океана, течетъ: 1) между Норвежскимъ Сѣвернымъ посомъ и Шпицбергеномъ, по § 59-му, что показываютъ и приливы при Исландіи, кони пдуть отъ востока, и напосной ледъ къ Медвѣжьему острову и къ Шпицбергену отъ Новой Земли. Сие теченіе просигнается наконецъ Атлантическимъ Океаномъ, между Африкою и Америкою, и обходитъ около Южной Америки Магеллановымъ, Деллямеровымъ и другими проливами и южными морями въ Тихой Океанѣ. Увѣряютъ въ томъ великия льдицы надуна въ Испанскомъ морѣ, около

мыса Финистерского примѣченія. 2) Вода между Гренландомъ и Шпицбергеномъ, въ сѣверъ протекающая, такъ же имѣть должна ходъ оборотной; да кудажъ? Не инуда какъ около полюса въ Сибирской Океанѣ обратно. Ибо довольно ей на обортъ параллельныхъ линей отъ полюса на 20 и на 10 градусовъ; подобно какъ на другой половинѣ свѣта между мысами Горномъ и Добрый Надежды, Новой Голландіи и между невѣдомыми землями Южнаго полукружія. Когда великихъ морей: Индійскаго, Атлантическаго и Тихаго, многія воды не имѣютъ вольнаго теченія подъ жаркимъ поясомъ для препятствованія великихъ частей свѣта, и для того принуждены искать проходу въ приближеніи къ полярнымъ странамъ; то самымъ ли сѣвернымъ водамъ искать должно какого дальнаго для себя окружнаго проходу?

Итакъ, по всему видно, и на самомъ высочайшемъ степени вѣроятности поставлено, что считая отсюду, за полюсомъ есть великое море, которымъ вода Сѣвернаго Океана обращается, по силѣ общаго закона, около полюса отъ востока къ западу; да же ей итти некуда какъ въ Бафинской заливѣ, въ которой однако толь широкаго проходу, или еще и никакого, быть нечаятельно: къ тому же было бы то не по теченію отъ востока къ западу, но въ противную сторону, что несогласно общимъ законамъ.

Итакъ, когда около полюса кругомъ море, то остается еще вопросъ, естьли оно въ самомъ полюсѣ, или занимаетъ оной суши? Сего решеніе здѣсь хотя не нужно, однако вниманія достойно. мнѣ кажется, хотя можетъ быть и не въ самой

полярной точкѣ, однако близъ онай, должно быть не малому острову, или еще и многимъ: 1) для того что окружному теченію Океана натуральне обходить около острова, какъ и на другихъ моряхъ бывають водовороты; 2) открытые Баренсомъ и Корнелисомъ Риппомъ (§ 26) берега, далече простирающіеся, суть южные, слѣдовательно показываютъ великой островъ, которой лежить къ сѣверу, далѣе 80 градусовъ и 11 минутъ, склоняясь отъ Шпицбергена къ востоку; 3) а какъ Шпицбергенъ одинъ состоитъ изъ трехъ главныхъ острововъ и изъ мелкихъ весьма многихъ, и помянутой Корнелисовъ островъ лежитъ въ близости оныхъ, то, весьма вѣроятно, что самая полярная часть свѣта наполнена многими островами и занята Архипелагомъ, за которымъ лежать полуночные берега Сѣверной Америки.

Знаніе оныхъ положенія, много надлежитъ къ нашему изысканію; того ради, лишаясь всякаго о томъ практикою свѣдѣнія, должны прибѣгнуть къ однимъ разсужденіямъ, кои основаніе свое имѣютъ на подобіи дѣйствій постоянныя натуры, и на примѣрахъ географическихъ, на коихъ опираясь, посмотримъ мыслями: 1) на положеніе противнаго Сибирскому матераго берега, заключающаго въ сѣверѣ Америку, простирающагося отъ Гренландіи до матерой земли противъ Чукотскаго носу лежащей, и потому 2) на обширность всего Сибирскаго океана; 3) на онаго же берега натуральное состояніе и качества.

Разсматривая весь шаръ земной, не безъ удивленія видимъ, въ морѣ и въ сушѣ нѣкоторое аналогическое, взаимно соответствующее положеніе,

яко бы нарочнымъ смотрѣніемъ и распорядкомъ учрежденное; и впервыхъ двѣ великия суши земной поверхности, старой и новой свѣтъ составляющее много фигурою сходствують: 1) обѣихъ южныя части, то есть Африка и полуденная Америка, суть треуголники; 2) берега ихъ не столь много изрѣзаны глубокими излучинами, какъ сѣверная половина; 3) не окружены многими островами, какъ оныя; 4) присоединены обѣ къ сѣвернымъ частямъ узкими перешейками одинъ въ Египтѣ, другой въ Королевствѣ Мексиканскомъ. Сверхъ сего, Зеленой мысъ соотвѣтствуетъ мысу Бразильскому, Мексиканское море Посредиземному, острова Кипръ, Критъ, Сицилія и другіе, островамъ Кубѣ, Испаніолѣ и прочимъ: Мадагаскаръ острову Огненному. Сѣверныя сихъ сущей половины соотвѣтствують, чрезъ Западной Океанъ: Балтійскимъ моремъ Гудсонскому, Ботническимъ заливомъ Баффинскому, Англію Новой Землѣ острову (Terre neuve), Гренландію Швеціи и Норвегіи, Новою Землею Шпицбергену. На другой сторонѣ, чрезъ Тихое море: Индійскіе острова и полуостровы стоять противъ Калифорніи и противъ недовольно извѣданныхъ великихъ заливовъ и перерѣзовъ Дефуковыхъ и Дефонтовыхъ, великия озера въ Новой Франціи изображаютъ моря Каспійское, Аральское, Байкалъ, Ладогу, Онегу и другія, соленая и свѣжая воды, землями окруженныя: противъ Камчатки простирается мысъ сѣверозападной Сѣверной Америки, которой не безъ основанія некоторые новые географы полуостровомъ на картахъ изображаютъ.

По таковой великой аналогіи заключаютъ, что

лежащій противъ Сибирскаго берега, на другой сторонѣ, съверной Американской берегъ Ледовитаго моря, протянулся вогнutoю излучинпою, такъ что съверную полярную точку кругомъ обходить, и въ ширинѣ имѣетъ пространство около полу-третьихъ тысячъ верстъ. И понеже долгота оного, считая отъ Шпицбергена до Чукотскаго посу, на 3,000 верстъ простирается чрезъ полюсъ, то имѣть оно видъ иѣсколько овальный. Сie согласуется съ положеніемъ сего моря, по вѣроятности представ-леніемъ въ § 62: ибо когда за Шпицбергеномъ есть пространное море, въ которое проливомъ на 700 верстъ шириною проходитъ течеіе отъ полудни, то неотмѣнно должно быть таковой излу-чинѣ, какова слѣдуетъ изъ помянутой географи-ческой аналогіи.

Вообразивъ себѣ величину и фигуру Сибирскаго Океана, представимъ мысленнымъ зрѣніемъ глав-ные качества съвернаго Американскаго берега, лежащаго насупротивъ Сибирскаго, къ чему за основаніе положимъ подобную вышеописанную аналогію. Когда течеіе знатныхъ рѣкъ разсмот-римъ, вездѣ почти пайдемъ, что одна сторона у нихъ нагорная, другая луговая, то есть одна со-стоитъ изъ береговъ крутыхъ и высокихъ, дру-гая изъ низкихъ, песчаныхъ и луговыхъ мѣстъ; а, слѣдовательно, оныя рѣки съ одной стороны приглубы, съ другой отмелы. Сie же натура по большої части наблюдаетъ и въ разсужденіи бе-реговъ морскихъ и другихъ знатныхъ водъ. Такъ, напримѣръ, южные берега Балтійскаго моря по большої части отмѣлы и наполнены коргами; съ-верные, напротивъ того лежащіе, суть каменные,

приглубые. Сие жъ видимъ и въ Ладожскомъ озерѣ, кое съ южной стороны, отъ Шлиссельбурга до Сяси, при низкихъ берегахъ весьма отмело; а съ-вернал Карельская сторона глубока, и заключается каменными горами. Не иначе состоитъ и Бѣлое море, которого лѣтней берегъ къ югу и зимней — къ Зюйдъ-Осту, песчанъ и не такъ приглубъ, какъ Терской, противъ его въ съверѣ и въ съверо-западѣ лежащей. Изъ сего натурального закона, которой хотя не безъ всякаго изъятія, однакоже весьма оощъ, по великой вѣроятности заключить можно, что противъ весьма отмѣлаго Сибирскаго берега, низкими тундристыми мысами простирающагося, лежитъ крутой и приглубый берегъ Съверной Америки.

Другая подобная аналогія показываетъ намъ слѣдующее: Круты морскіе берега рѣдко вливаетъ въ море великія рѣки; по оныхъ обыкновенно протекаютъ въ моря съ краевъ отлогихъ: такъ изъ Африки, низменный Египетъ даетъ путь Нилу въ Средиземное море; на южной сторонѣ сей части, къ крутому мысу Доброй Надежды лежащей, такихъ рѣкъ не произвела натура. Южная Америка, по великимъ, ровнымъ и низкимъ плоскостямъ Бразильскимъ и Парагайскимъ, сливается въ Атлантическій океанъ Великіи Мараньянъ и Делаплату; по высокія и крутоберегія Перу и Хили малыя весьма воды сообщаютъ Тихому морю. Изъ Азіи, хотя великія быстрины въ полдень стремятся между высокими мѣстами: Евфратъ, Гангъ, Индъ; но они только нашимъ съвернымъ посредственнымъ рѣкамъ, Ковымъ, Индигиркѣ, Янѣ, Печорѣ, довольно величию соотвѣтствуютъ, а съ Леною,

Енисеемъ и Обью отпюдь въ сравненіи не могутъ быть поставлены. Европа на востокѣ изливаетъ Дунай и Волгу, по мѣстамъ пологимъ; на западѣ протекающія рѣки въ гористыхъ мѣстахъ весьма предъ оными малы. И такъ разсудивъ: 1) что изъ Сѣверной Америки протекаютъ на полдень и на востокѣ рѣки Мизизини и Святаго Лаврентія; 2) что Сѣверный берегъ Америки, лежащей насупротивъ Сибирскаго, крутъ и приглубъ (\S 67); то слѣдуетъ, что съ него въ Сибирской Океанѣ не протекаютъ толь великия рѣки, каковы суть Мизизини и Святаго Лаврентія, и потому въ сравненіи съ Сибирскими должны быть весьма малы.

По таковымъ обстоятельствамъ, и по толь многимъ, вѣроятнымъ и согласно показующимъ догадкамъ, едва остается сомнѣніе, что берегъ Сѣверного Океана насупротивъ Сибирскому лежащей, долженъ быть крутъ, приглубъ и много менѣе прѣсной воды пзливаетъ, нежели Сибирской. А потому на опон глубинѣ Океанская вода много солонѣе, нежели при отмелыхъ краяхъ Сибирскихъ, куда величайшия на свѣтѣ рѣки собранную съ половины Азіи воду прѣсную приводятъ, съ росоломъ мѣшаютъ, и онаго крѣпость весьма ослабляютъ. Морозы соленаго росолу не могутъ претворить удобно, какъ одолѣваютъ прѣсную. Сie показываетъ опытъ, что Океанская вода, взятая отъ сѣвернаго Норвежскаго мыса, здѣсь не замерзла, но только сгустилась въ стужу 180 градусовъ, будучи маломъ сосудѣ и со всѣхъ сторонъ окружена студенымъ воздухомъ. Итакъ, можетъ ли такой росоль, въ цѣломъ морѣ подверженной морозу только съ верху, всегда находя-

щейся въ движениі, замерзнутъ крѣпко? То совершенно явствуетъ, что Сибирской берегъ несравненно больше льдовъ плоскихъ, то есть стамухъ производить, нежели Американской.

Изъ всего вышеписанного, по натуральнымъ законамъ и по согласнымъ съ ними извѣстіямъ, не обинуясь заключаю: 1) что въ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ, на пять и на семьсотъ верстъ, Сибирскій Океанъ, въ лѣтніе мѣсяцы, отъ такихъ льдовъ свободенъ, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателямъ загертымъ; 2) что самой лутчай проходъ упователенъ мимо восточно-сѣвернаго конца Новой Земли къ Чукотскому носу, сперва пустясь въ юртъ-остъ, потомъ склоняясь къ оstu и зюйдъ-осту, какъ слѣдуетъ держась дуги величашаго на сфере земной круга; 3) что возможенъ проходъ между Гренландіею и Шпицбергеномъ въ иѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ Сѣверной Америки, для меньшаго множества льдовъ, какъ выше означено; которой путь хотя и отдаленіе, однако тѣмъ кажется быть способнѣе, ежели, какъ чаятельно, тамошній Океанъ, обращаясь около полюса, способенъ будетъ течениемъ въ пути къ Чукотскому носу. 4) Когда Богъ благоволить спосѣществовать открытію сего невѣдомаго и почти нечаемаго донынѣ мореплаванія, то уповательно обратной ходъ будетъ способнѣе около Новой Земли, въ надлежащемъ отдаленіи отъ береговъ Сибирскихъ, по водѣ и по вѣтрамъ, какъ напротивъ того по за Шпицбергопомъ и по за полюсомъ, мореплаваніе къ Чукотскому носу и далѣе въ Индию и Америку.

Глава четвертая. О пріуготовленіи къ мореплаванію Сибирскимъ океаномъ.

Въ судахъ требуется, чтобы онъ были не велики, легки, крѣпки, поворотливы; притомъ не совсѣмъ боявы, для того, чтобы оныхъ въ ходу удобность и свойства нѣсколько искусствомъ извѣданы были, что въ одно лѣто освидѣтельствовано быть можетъ; и для того можно къ сему выбрать и купить изъ готовыхъ купецкихъ и промышленныхъ судовъ у Архангельского порта. Такія суда кажутся потому быть довольны, что артиллерійской снарядъ въ семъ предпріятіи не нуженъ, кроме сигнальныхъ небольшихъ пушекъ.

Главныхъ судовъ число больше трехъ не нужно. Одно, больше двухъ протчихъ, для главной команда; да два, легче и меньше, для разсылки съ главнаго пути въ стороны, для наблюденія земель, льдовъ и другихъ обстоятельствъ. Суда обшить должно досками, противъ льдовъ, какъ обороняются въ Индіи отъ червей.

Сверхъ надлежащаго числа матросовъ и солдатъ, взять на каждое судно около десяти человѣкъ лучшихъ торосовщиковъ отъ города Архангельского, съ Мезени и изъ другихъ мѣстъ поморскихъ, которые для ловли тюленей на торосъ ходятъ, употребля имянутые торосовые карбаски или лодки, по водѣ греблею, и по льду тягою, а особенно, которые бывали въ зимовьяхъ и въ заносахъ и привыкли терпѣть стужу и нужду; притомъ и такихъ имѣть, которые мастера ходить на лыжахъ, бывали на Новой Землѣ и лавливали зимою бѣлыхъ медведей. Наконецъ взять два или три человѣка,

знающихъ языки тѣхъ народовъ, которые живутъ по восточно-сѣвернымъ берегамъ сибирскимъ, а особенно умѣющихъ языкъ чукоцкой. При семъ всѣмъ смотрѣть, сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имѣли назадъ оглядываться и попеченіе имѣть объ оставшихся домашнихъ.

Хотя всего путешествія успѣховъ ожидать должно отъ людей бывалыхъ, знающихъ мореплаваніе, мужественныхъ, терпѣливыхъ, и въ семъ предпріятіи нешоколебимыхъ, однако, и безсловесныя животные въ томъ помошь дать могутъ, что примѣрами доказать можно. Между прочими слѣдующій примѣчанія достопинъ: нѣкто морской разбойникъ, родомъ норвежанинъ, именемъ Флокко, желая сыскать Норвегію, пустился отъ Аркадскихъ острововъ въ море. При отѣзданіи взялъ три ворона, и когда онъ въ знатномъ разстояніи отошелъ отъ берега, то пустилъ одного на волю, который тотчасъ полетѣлъ къ аркадскимъ берегамъ обратно и тѣмъ показалъ, что они отъ оныхъ не такъ далече, какъ казалось. Продолживъ нѣсколько времени свое плаваніе, пустилъ на волю другаго, который, полетавъ кругомъ не мало времени, къ судну возвратился, затѣмъ, что кромѣ онаго не нашелъ къ упокоенію мѣста. По нѣсколькимъ времени, выпущкомъ третьяго ворона былъ счастливѣе, затѣмъ что онъ увидѣлъ Исландію, полетѣлъ прямо къ оной, и даль новодѣ себѣ послѣдоватъ и открыть землю, для которой Флокко въ море пустился.

По сему примѣру, не почтлю излишнимъ дѣломъ, чтобы взять на вское главное судно по нѣскольку птицъ хищныхъ, которыхъ къ плаванію на

водѣ неспособны, а къ подобному опыту служить могутъ и близость льдовъ показывать.

Способы, въ искаиніи полезные, нахожу слѣдующіе: 1) Приливы и отливы, или теченіе моря, показываетъ въ тѣхъ румбахъ ходъ, по которымъ оно движется. 2) Когда воды, то есть приливы и отливы, теченіе свое перемѣнятъ, показываютъ въ той сторонѣ берегъ, отъ которого отвращаются. 3) Чѣмъ воды исходище съ теченіемъ луны, тѣмъ земля и островы ближе; напротивъ того, чѣмъ больше съ нею сходствуютъ, тѣмъ больше пространство моря показывается. 4) Разная солоность воды показываетъ, прибавляяся, — отдаленіе отъ береговъ и льдовъ; убывая, — къ нимъ приближеніе; внезапно чувствительная воды прѣсность, значитъ вблизости великой рѣки устья. 5) Приращеніе стужи — близкіе льды, приращеніе теплоты — близкіе берега; постоянная вода — пространство моря покажетъ. По все сіе должно разсуждать осторожно, по вѣтру, съ которой стороны вѣтъ на восточный и западный въ семь случаѣ больше положиться можно. Откуду валы идутъ велики и пологи, тамъ великое и глубокое и отъ льдовъ чистое море. Здѣсь должно разсудить и о старыхъ великихъ валахъ, кои новымъ, противнымъ или поперечнымъ долго не уступаютъ. Когда же съ которой стороны сильный вѣтеръ сутки тянется, а не подыметъ большаго валу, въ тои должно быть близкому берегу, или льду стоячemu. 6) Чѣмъ море глубже, тѣмъ берегъ далѣе, выключая банки и корги песчаныя. 7) Разныя животныя и птицы могутъ служить вѣстниками или и путепоказателями; напримѣръ, когда покажется рыба или пти-

ца, при камчатскихъ берегахъ или около Чукотского носу обыкновенная, а въ Сѣверномъ океанѣ рѣдкая или и неизвѣстная, знакомъ служить будетъ близости къ Чукотскому носу; для сего полезно будетъ профессора Крашенинникова описание Камчатки...

Изъ „Древней Российской Исторіи“.

Глава восьмая. О разсмотрѣніи вѣръ и о крещеніи Владимира.

Примѣтили во Владимирѣ окрестные народы богоопочитательный духъ древняго законодавца римскаго Нуны. Для того другъ передъ другомъ старались преклонить сего великаго государя каждый въ свою вѣру, кроме ея размноженія, еще для пріобрѣтенія съ великою Россійскою державою выгоднаго союза и крѣпкой дружбы. Первые сіе начали болгаре низовскіе нарочнымъ ко Владимиру посольствомъ, совѣтуя ему принять законъ Магометовъ. По выслушаніи ученія ихъ о многоженствѣ (главной своей страсти) уже и по смерти обѣщанномъ, чувствовалъ услажденіе сердца; однако отъ обрѣзанія возбудилось отвращеніе. Вина запрещеніе и свиныхъ мясъ для введенія у россіянъ въ обычай невозможнымъ показалось. И храбрый самодержецъ не разсудилъ за благо, чтобы въ многотрудныхъ походахъ лишить своихъ воиновъ сердечного увеселенія и запрещеніемъ свинины умалить число человѣческой пипи *).

*) Несторъ, лѣтописцы и степенные книги. 986 годъ.

И такъ отпущеніемъ боларамъ безъ успѣху вскорѣ слѣдовали посланные отъ Папы проповѣдать христіанство Западной церкви, которое тогда хотя соборнымъ дѣяніемъ не раздѣлилось отъ греческаго, однако великия несогласія и распри между держателями сихъ исповѣданій многократно причиняли возмущенія. Выслушавъ ихъ ученіе, великий князь, съ таковыми къ Папѣ отославъ отвѣтомъ: „никто изъ нашихъ предковъ не слѣдовалъ вашему ученію и намъ то пеприлично“. Разумѣютъ здѣсь прежніе варяжскіе повелители, крестившіеся въ Константинополѣ, а особенно блаженная Ольга, принявшая не панѣжскую, по греческую вѣру.

Жиды, въ Козарскихъ областяхъ живши, около Чернаго моря, покушались равномѣрно привести Владимира къ своей вѣрѣ, предлагая: „Иисуса, въ коего христіане вѣруютъ, отцы наши распяли; мы исповѣдуемъ и чтимъ единаго Бога Творца всего міра, обрѣзываемся и въ субботы постимся, по данному намъ отъ Бога закону чрезъ угодника Его Моисея“. Гнусное предъ Владимиромъ обѣзапіе довольно было къ бесполезному жицамъ отиуску. Но сверхъ того спросилъ: „гдѣ отчество ваше?“ Отвѣтствовали: „въ Іерусалимѣ“. „Тамъ ли ваше жительство“, отвѣта требовалъ; на что сказали прискорбныи видомъ: „Богъ, грѣхами праотцевъ нашихъ раздраженный, разсѣялъ и расточилъ насть по лицу вселенныя, а землю нашу предалъ чужимъ народамъ“. Владимиръ съ негодованіемъ отказалъ: „когда вы отвержены отъ Бога и по чужимъ землямъ разсыпаны, то конечно законъ вашъ ему противенъ. Для того ли вы насть къ тому привлещи желаете, чтобы и мы подобными вашему

злоключеніемъ отъ Него были наказаны?“ И такъ со стыдомъ жиды отосланы безъ всякаго усъха.

Наконецъ отъ греческихъ царей избранный философъ Константина предсталъ великому сему самодержцу, лжеученія и заблужденія прежде посланныхъ отъ разныхъ вѣръ опровергъ сильными доводами. И по изволенію и желанію Владимира, исполненъ краснорѣчія и догматовъ святыхъ вѣры, а паче дара Божественныхъ благодати таковыемъ, или сему подобнымъ образомъ предложилъ православный законъ кратко.

„Вѣрою несомнѣвною, по откровеніямъ прозорливыхъ святыхъ мужей, многочисленными чудесами утвержденныемъ, признаемъ и исповѣдуемъ единаго Господа Бога Вседержителя, коего всесильнымъ словомъ создано, украшено и утверждено великое строеніе всего иира. Имъ сияетъ солнце, луна и звѣзды, разливаются моря и рѣки, плодоносить земля, дышутъ вѣтры; ему дождь и ведро, облаки, роса, снѣги и мразы служать повелѣніемъ чиноположеніемъ, молія и громъ возвѣщаетъ гибель его земнороднымъ. Всякое дыханіе на земли, въ воздухѣ и въ пучинѣ отъ величайшихъ китовъ, даже до слабаго пресмыкающихся рода проповѣдуютъ Создателеву присловѣдимую премудрость и силу. Въ такомъ великолѣпномъ зданіи поселилъ Богъ жителя, образъ неизреченныя своея славы, человѣка. Но онъ преступленіемъ заповѣди устроеннаго себѣ наслѣдія, разлишился. Къ исправленію паденія писносланный всемирный потопъ на землю, ни огнемъ истребление Содома и Гомора, ниже чудное изведеніе своего Израиля сквозь Чермное море, ни благодѣянія, ни

казни не могли способствовать. Ибо не токмо языки невѣдущіе истинаго Бога, но ниже избранный тогда народъ еврейскій, знаніями и чудесами увѣренный, ходилъ по его новелльніямъ. Для содѣланія спасенія отъ погибели человѣческаго рода вужно было Божеское на землю нисхожденіе, о чемъ предвозвѣщали пророки, изгнаніе и убиеніе пострадавъ отъ жестоковѣйшаго народа. Наконецъ воплощенный Сынъ Божій, Отцу и Духу единосущный, отъ чистыя Дѣвы происшелъ въ земли Еврейской. Многочисленными чудесами, гласомъ съ небесъ Отеческимъ и Духа святаго сошествіемъ, воскрешеніемъ мертвыхъ, наконецъ по вольномъ страданіи и смерти отъ гроба тридневнымъ возстаніемъ и на небеса вознесеніемъ неувѣрилъ о своемъ Божествѣ непокориваго и неблагодарнаго народа и ради того просвятилъ языки, незнающіе истины, и себѣ присвоилъ, въ коихъ благословенное сообщество нынѣ и тебя, о разумный государь, призываешь со врученными отъ него тебѣ народами, милосердя о твоемъ искашеніи истинаго богослуженія, воспященномъ окружающею тебя идолъскія прелести тымою...“

Показалъ, оканчивая рѣчь, изображеніе страшнаго суда Божія на завѣсь. Плачевный видъ мукихъ и пресвѣтлое представлениe небесною красотою одѣянныхъ, присовокупили ученію философу вящшую силу. Владимиръ, вздохнувъ, сказалъ: „блажени стоящіе одесную, горе отлученнымъ ошую“. Отпустивъ сть честію Константина, положилъ въ прилежномъ испытаніи вѣръ обождать удобнаго времени къ принятію христіанства *).

*.) Несторъ.

И такъ созвалъ къ себѣ ближнихъ и благоразумныхъ совѣтниковъ и старыхъ городскихъ начальниковъ, которымъ объявилъ о бывшихъ послахъ и свое мнѣніе о ихъ вѣрахъ, предпочитая прочимъ исповѣданіе греческое. Бояре и совѣтники сказали, что всякъ свою вѣру обыкновенно другимъ предпочитаетъ, хвалить свое заблужденіе, поносить другихъ истину. Заочно судить есть отъ правды бѣгать. Безопаснѣе всего испытать каждую на своемъ мѣстѣ. Понравился совѣтъ Владимиру, по которому выбраны десять мужей благоразумныхъ и посланы къ болгарамъ волжскимъ, потомъ въ Римъ, наконецъ въ Царьградъ къ грекамъ. Жиды не почтены были сего достойными, по Всевышняго суду лишенные царства и свободнаго богослуженія *).

Проходя многія земли и города и съ великимъ тщаниемъ исполняя Владимира повелѣніе, посланные рассматривали разныя вѣры. Наконецъ когда въ Киевъ, какъ богатые купцы, съ великимъ прибыtkомъ отъ довольної купли познанія возвратились, при собраніи знатнѣйшихъ бояръ, лѣтами и благоразуміемъ почтенныхъ, спросилъ у нихъ Владимиръ вѣрнаго изъявленія о каждой испытанной вѣрѣ, не слухомъ, но зрѣніемъ. Согласно отвѣтствовали, что „у болгаръ видѣли служеніе весьма скучное и печальное. Въ пустой и ничѣмъ неукрашенной мечети стоять безъ пояса. Поклоняясь садятся изумленнымъ лицемъ и, какъ обуявшіе, оглядываются на стороны. Не приводить сердца въ радостное умиление неистовая ихъ вѣра

*) 987 годъ.

и усердія къ Богу пе возбуждаєтъ. Въ Римѣ хотя обрядъ службы устави же, однако, нѣть такого благочинія, благогласнаго пѣвія и украшенія церковнаго, какъ у грековъ. Когда мы достигли Царьграда и введены были во храмъ Софійскій, созданный Великимъ Царемъ Юстиніаномъ, во славу Божіей премудрости, великолѣпнымъ украшениемъ, златыми утварьми, драгоценными одѣяніемъ, благоуханіемъ и сіяніемъ возженныхъ свѣтильниковъ, благочиннымъ и усерднымъ моленіемъ, громкимъ и согласнымъ пѣніемъ восхищенные, чаяли, что нась нѣкоторая божественная спла поставила въ пресвѣтлыхъ селеніяхъ небесныхъ. Мы, великий государь, насладясь такового сіянія, не можемъ больше въ здѣшней тымъ остатся, но желаемъ и просимъ дать намъ свободу принять въ Греції гражданство и вѣру".

Къ окончанію ихъ рѣчи бояре присовокупили: „если бы вѣра греческая пе была столь преславна, не приняла бы онъя бабка твоја премудрая Ольга". Владимиръ спросилъ: „гдѣ же примемъ крещеніе"? „Гдѣ тебѣ, государь, угодно", всѣ отвѣтствовали единогласно.

Уже Владимирово обращенное сердце жаждетъ какъ елѣпъ на водные источники, святаго крещенія, однако, помяя свое и предковъ въ военномъ мужествѣ преимущество передъ греками, желаніе свое намѣрился прикрыть важнымъ предпріятіемъ, дабы греческие цари и греки не стали величаться ради россійской уклонности въ прошеніи крещенія. Того ради собравъ великое войско, пошелъ въ Херсонъ, къ главному городу Феодосіи, и сталъ передъ нимъ немнogo далѣe одного выстрѣла. Тру-

дясь много времени въ облежаніи осадныхъ, требовалъ сдачи, однако, безъ успѣху *). И такъ, чтобы взять городъ приступомъ, повелѣлъ засыпать ровъ землею. Греки извнутрь, сдѣлавъ подъ стѣною подкопъ, уносили землю въ городъ и россіянъ привели въ удивленіе, что столь долго рва наполнить не могутъ. Между тѣмъ, нѣкто изъ духовнаго чина именемъ Анастасій, невѣдомо какою побужденіемъ причиной (можетъ быть чая Владимира крещенія), пустилъ со стѣны городской стрѣлу въ россійское войско, на которой было написано, что позади оного бываютъ подземные ключи, изъ коихъ потаенными трубами приведена вода въ городъ. Пресѣченiemъ оныхъ принуждены будуть жители сдаться или умереть отъ жажды. По сему показанію трубы найдены, засыпаны и вода отведена отъ города. И такъ принуждены были отдаться во власть россійского самодержца. Великая радость услаждала его сердце при входѣ въ Іеодосію безъ многаго кровопролитія. Покоренная христіанская крѣпость казалась предзнаменованіемъ Божія благоволенія къ приятію Владимирову въ правую вѣру.

По семъ къ царямъ греческимъ Василію и Константину посылаетъ побѣдитель, прося сестры ихъ въ супружество, которое залогомъ вѣчнаго мира быть обѣщаетъ. Въ противномъ случаѣ угрожаетъ нашествіемъ на Константинополь. Возвратившіеся изъ Греціи отъ царей объявили, что супружество сестры ихъ со Владимиромъ невозможно для крайняго различія вѣры, по можетъ воспослѣдоватъ

*) 988 годъ.

удобно, когда онъ ко Христу обратится и приметъ крещеніе. Великій Владимиръ, давно уже къ принятію греческаго закона приготовленный, отвѣтствуетъ: „ученіе вашего философа и моихъ по словъ испытаніе согласно свидѣтельствуютъ о преимуществѣ вашей вѣры передъ всѣми прочими. Того ради со всякимъ усердіемъ и искренностю онулю люблю, при сестрѣ вашей принять желаю и жду ея и крещенія“. Цари призываютъ Анну, увѣщиваются ко вступленію въ бракъ со Владимиромъ. Она, опасаясь, отрицаєтся. Братья къ представлению наступающей въ Россіи великой чести сіе присовокупляютъ: „Можетъ быть обратить Богъ черезъ тебя россійскую землю, и пребудешь отъ рода того благословенна во вѣки. Отечество наше избавится отъ плачевныхъ разореній. Знаешь, сколько Греція отъ россіянъ претерпѣла. И нынѣ подобная пагуба приближается, ежели не отвратишь послушаніемъ“. Рыдая въ слезномъ токѣ, царевна едва промолвила: „Что же, когда не приметъ или, принявъ, отвергнетъ вѣру, и меня къ идолопоклонству принудить? „Пострадай“, цари сказали, „и багрянородною кровью передъ варварами засвидѣтельствуй истину христіанства водини наши“.

Уже склоняется женское сердце къ непоколебимой твердости братими увѣщеніями. Отплываютъ съ нею въ корабляхъ опредѣленные отъ царей и патріарха сановники и священники со всѣми ко крещенію и къ браку приготовленными утварьми. Достигаютъ Херсонскія пристани и города Феодосіи.

Въ то время чудною нѣкоторою судьбою впалъ Владимиръ въ болѣзнь и лишился зрѣнія. Потому

размышлялъ, что боги предковъ его гнѣвны и за отступленіе казнь наводятъ. Въ таковомъ сомнѣніи послалъ къ ней вѣстѣ спросить причины сего злополучія, и отъ неї получилъ увѣреніе, что сіе есть искушеніе Божіе о твердости его въ вѣрѣ. И ежели вскорѣ не сомнѣваясь окрестится, очистится во святой купели не токмо отъ слѣпоты очей тѣлесныхъ, но и умнымъ зрѣніемъ просвѣщенъ будетъ. Отложивъ двоемысленныя колебанія Владимира вступаетъ въ купель очищенія, крещается во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Іаковомъ епископомъ Херсонскимъ, нарпцается именемъ царскимъ Василій *), освобождается отъ слѣпоты и поганства и, ясно прозрѣвъ, воздаетъ горячее благодареніе Создателю. Потомъ принялъ поученіе и укрѣпленіе въ вѣрѣ отъ святителя и отъ всѣхъ радостное поздравленіе.

*) Василій по-гречески значитъ царь.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Біографія В. М. Ломоносова (п); — Анекдоты изъ жизни Ломоносова (xl ix). — Стихотворенія рус. поэтовъ, посвященные Ломоносову: I. Отрокъ. А. Пушкина (lvii). — II. М. В. Ломоносову. А. Н. Май- кова (lviii). — III. Памяти М. В. Ломоносова. Б. Н. Алмазова (lx i). — IV. Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулуинѣ Ф. Глинки. (lxv)	п i — lxviii
Оды духовныя: Переложение псалмовъ: 14 — (1); 145 — (2); 103 — (3); Выбранныя изъ Гова 38, 39, 40 и 41 (5). — Утреннее размышленіе о Божіемъ вели- чествѣ (8). — Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по слуху великаго сѣвернаго сія- нія (10)	1 — 11
Оды похвальные: Изъ одъ: первой (12), второй (18), третьей (20), четвертой (20), пятой (20), ше- стой (23), седьмой (23), Ода восьмая (24), Изъ одъ: девятой (32), десятой (34), одиннадцатой (42), двѣ- надцатой (42), тринадцатой (43), шестнадца- той (44), семнадцатой (45), восемнадцатой (46) девятнадцатой (48)	12 — 48
Надписи: Къ статуѣ Петра Великаго (49); на ракѣ св. князю Александру Невскому въ Александро- Невскомъ монастырѣ (50); Отрывки изъ другихъ надписей (51)	49 — 51
Стихи. Императрицѣ Елизаветѣ, представленные 1 января 1775 г.	52
Разговоръ съ Анакреономъ: Ода первая (53), двад- цать вторая (54) и одиннадцатая (55)	53 — 56
Письмо къ Шувалову	57
Къ Пахомю	58
Кузнецчикъ	58
Осень	59

О движении земли	59
Отрывки изъ „Гимна Бороды“	60
Элиграммы на Тредьяковского	63
О сомнительномъ произношениі буквы г	66
Басня	67
Притчи	68
Изъ Анакреона	69
Найди	71
Эпиди	72
Марцала	73
Кальпурнія	—
Гораций	74
оды „На счастье“ Ж. Б. Руссо	74
Поэмы Петръ Великій	76
Гамора и Селихъ	82
Изъ письма И. И. Шувалову о пользѣ стекла	101
Письма къ И. И. Шувалову	107—130
Письмо къ неизвѣстному	130
" " графу Г. Орлову	184
Сестрѣ	185
Изъ похвального слова Цетру Великому	186
Согласие естествознанія съ религіею	146
О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языке	154
Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи российскаго народа	162
Изъ „Краткаго описанія разныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ и показанія возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“:	
Путешествіе М. Фробишера (183).—Путешествіе Гудсона (186).—О возможности сѣверо-западнаго прохода въ Остъ-Индію (189).—Путешествіе Баренса (191).—Путешествіе Дежнева и другихъ русскихъ людей (197).—О возможности плаванія Сибирскимъ океаномъ въ Остъ-Индію (203).—О приготовленіи къ мореплаванію Сибирскимъ океаномъ (215)	183—217
Изъ „Древней Россійской Исторіи“ Глава восьмая: О разсмотрѣніи вѣръ и о крещеніи Владимировомъ	218

15, -

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOГICZNA W KIELCACH
B I B L I O T E K A
098301

Biblioteka WSP Kielce

0162446